

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН
ГОУ ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА Б. ГАФУРОВА**

На правах рукописи

**АБДУКАРИМОВА
ФЕРУЗА ШУХРАТОВНА**

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ
ТИПОЛОГИЧЕСКИ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВ
(на материале узбекского и английского языков)**

**Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
10.02.19– Теория языка**

Научные руководители:
доктор филологических наук,
профессор Бердалиев А.,
доктор филологических наук,
профессор Азимова М.Н.

Душанбе – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА I. Изучение вопросов синхронно - сопоставительного исследования по материалам разноструктурных языков.....	11
1.1. Введение к проблеме.....	11
1.2. Языковое явление повтора в узбекском и английском языках.....	16
1.3. Место лексического повтора в языковой номинации и его виды в исследуемых языках.....	24
Выводы.....	51
Глава II. Общетеоретические вопросы исследования лексического повтора в лингвистике.....	53
2.1. Характеристика лексических повторов в узбекском и английском языках.....	54
2.2. Синергетика и ее отношение к лексическому повтору в сопоставляемых языках.....	60
2.3. Повтор как явление синтаксической стилистики.....	70
2.4. К вопросу о дифференциальном подходе к редупликации и повтору.....	76
2.5. Лексический повтор и параллелизм в сопоставляемых языках.....	79
Выводы.....	90
Глава III. Особенности повтора на различных уровнях языка.....	93
3.1. Повтор фонетического уровня.....	93
3.2. Повтор морфемного уровня.....	97
3.3. Повтор морфологического уровня.....	100
3.4. Повтор синтаксического уровня.....	120
3.5. Семантический повтор.....	133
3.6. Повтор и актуальное членение предложения.....	141
3.7. Немаркированный повтор.....	142
3.8. Смешанный повтор.....	151
Выводы.....	157
Заключение.....	161
Библиография.....	166
Список сокращений.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. Одним из ведущих направлений современной теоретической лингвистики является сопоставительное изучение разноструктурных языков. Рост интереса к сопоставительным исследованиям теоретических вопросов контрастивного языкознания в последнее время связан, как представляется, со следующими причинами:

- потребностью выявления аналогичных, т.е. универсальных, черт языкового материала;
- стремлением описать специфическую, национальную картину мира носителей разных языков;
- интересом к изучению своеобразной особенности семантического аспекта и национальной специфики языкового мышления;
- расширением сферы преподавания иностранных языков;
- необходимостью совершенствования двуязычных словарей, где указываются на национально-специфические черты семантического плана переводных соответствий.

Национальную картину мира следует рассматривать не как результат длительного исторического развития, а как изначально данное свойство языков: люди с помощью языка создают свой особый мир, отличающийся от того, который их окружает, субъективный образ объективного мира. Причем миры, в которых живут народы, - это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками.

В языке и речи имеются такие явления, функционирование которых распространено почти на всех уровнях языка. Одной из таких особенностей является повтор языковых единиц, изучение которого весьма актуально и своевременно.

Повтор является не только единицей плана выражения языка, но и является единицей плана содержания языка. Это объясняется тем, что повторы бывают и формально-маркированными, и немаркированно-

смысловыми, т.е. содержательными. Немаркированные повторы – это повторы нулевой позиции, что соответствует требованиям литературной нормы узбекского и английского языков.

Повтор как стилистическая фигура активно употребляется в поэтической и публицистической речи. Кроме этого, повтор функционирует в качестве выразительных средств авторской речи. С помощью лексического повтора конкретизируются мысли, слушающие точно понимают сущность содержаний сообщений, которые передаются говорящими – адресантами.

Некоторые вопросы, связанные с явлением повтора в тюркологии, рассматривались после первой половины прошлого века на материалах отдельных тюркских языков.

В диссертационной работе кратко дается характеристика исследований Е.И. Убрятовой [133], В.Г. Егорова [60], Р.А. Аганина [7], М.И. Адылова [14], Р. С. Амирова [18; 19; 20], Ф.С. Сафиуллиной [121], Х. Абдурахмонова [1], А. Мамаджонова [90; 91], М. Тухсонова [131] и др., в которых изучен грамматический план лексического повтора на материалах разных тюркских языков. В языках мира слова-повторы чаще всего выступают как показатели множественного числа имен, разделительных числительных, превосходной степени прилагательных и т.д.

Повтор как синтактико – стилистическое явление изучен на материале английского языка в работах И.М. Астафьевой [26], К.Б. Бочановой [39].

Повторение слов способствует большей силе высказывания, большей напряженности повествования. Функция повтора в разговорной речи значительно разнообразнее, чем только выполнение коммуникативных задач.

Средства языковой экономии и языковой избыточности в разговорной речи – явления хотя и противоположные, но оба представляют слабые элементы разговорной речи. Сказанное еще раз подтверждает актуальность выбранной нами темы для диссертационного исследования.

Степень разработанности темы. Данный вопрос был предметом оживленных дискуссий в европейском и русском языкознании (В. Дресслер

[58], М.А.К. Халидей [140], Ф. Данеш [53], З.С. Херрис [142], Э. Агрикола [10], К. Хейдольф [141], Г.Я. Солганик [126], Л.Н. Лосева [86], И.Р. Гальперин [49], Т.М. Николаева [101], О.И. Москальская [97], В.Г. Гак [48], Л.П. Доблева [57] и др.). В узбекском языкознании отдельными исследователями отмечалась семантико-структурная компактность (общность) двух или более формально самостоятельных предложений (Г. Абдурахманов [2; 3], А.Г. Гулямов [159], М.А. Аскарлова [25] и др.), особых синтаксических конструкций (А.Б. Абдуллаев [5]) в связи с проблемами семантического синтаксиса (А.Н. Нурмонов [103], Н.М.Махмудов [94], А.Бердиалиев [36], М. Тухсонов [131]). Однако проблема синхронно-сопоставительного изучения отдельных явлений разноструктурных языков, а именно на материале узбекского и английского языков, микротекста как структурно организованной (закрытой) цепочки предложений, представляющей собой смысловое и коммуникативное единство, не была предметом специального исследования в монографическом плане.

Следует подчеркнуть, что редупликативные слова также исследуются в таджикском языкознании. Изучением тавтологических повторов, посвящены работы Х. Джалилова [148], Р. Саидова [117]. Звукоподражательные слова рассматриваются в работах Ш. Исмоилова и М. Каххарова [72], Ф.Р.Турсуновой [130].

Редупликативные слова в таджикском и английском языках стали предметом рассмотрения в диссертации Д.Ш. Музафаровой [97] о грамматических функциях повторения слов писали Д. Таджиева [127], М. Шукурова [147], Ф.К. Зикрияев [62], Х.К. Ибрагимова [66]. Отдельные семантические и структурные характеристики повторных слов, а также виды редупликаций, как полных – так и неполных, тавтологические звукоподражательные слова и повторы и т.п. рассматриваются в вузовском учебнике по таджикскому литературному языку, а также в академической грамматике таджикского языка.

Цель и задачи исследования. Учитывая неизученность проблемы явления повтора в сопоставительном аспекте на материале узбекского и английского языков, **цель** данного исследования была ограничена вопросами специфики повтора в узбекской и художественной и фольклорной письменной речи, анализа основных способов выражения повтора в узбекском и английском микроконтекстах и дискурсах. В связи с тем, что эти способы выражения чрезвычайно разнообразны, в исследовательской части работы были подвергнуты более детальному анализу лишь отдельные виды повтора.

Соответственно, определены **задачи** нашего исследования:

- доказать объективность существования и функционирования повтора в строении предложения и дискурса в узбекской и английской художественной литературе и в фольклорной речи;
- определить характер лексического повтора и его отличия от повторов других ярусов языка;
- проанализировать характер функционирования лексического повтора в строении предложения и дискурса узбекской и английской художественной и фольклорной речи;
- выявить и охарактеризовать своеобразные сходства и различия лексических повторов в узбекском и английском языках;
- выявить и охарактеризовать функционирование лексического повтора как стилистической фигуры в художественной и фольклорной речи в изучаемых языках в сопоставительном аспекте;
- описать и охарактеризовать лингвистические особенности параллелизма, образованного на основе лексического повтора в узбекском и английском языках.

Предметом исследования является лексический повтор и его место в языковой номинации.

Объектом исследования являются способы формирования когерентности микротекста в языке и речи на материале разноструктурных языков, в нашем случае – узбекского и английского.

Материалом исследования послужили художественные, фольклорные произведения на узбекском и английском языках, в которых функционируют повторы лексического, морфемного, словообразовательного, морфологического и синтаксического, а также фонетического уровней. В качестве основного материала исследования привлекались современные узбекские и английские художественные тексты поэтического характера.

Научная новизна исследования. Изучение лексического повтора на материале узбекского и английского языков в синхронно-сопоставительном аспекте осуществляется впервые, что и определяет новизну данного диссертационного исследования.

Анализ художественных и фольклорных текстов узбекского и английского языков позволил научно обосновать явления лексического повтора, выявить характер его функционирования в строении предложения и дискурса в сопоставительно изучаемых языках, а также определить характер функционирования смыслового, немаркированного повтора в узбекском и английском языках.

Впервые на материалах узбекского и английского языка выявляется функционирование и описывается роль лексических повторов в качестве стилистически фигур, основными среди которых являются параллелизм и его разновидности.

Теоретическая и практическая значимость работы. Исследование связано с тем, что комплексное изучение явления повтора как средства словообразования, средства создания экспрессивности и эмоциональной выразительности речи в узбекском и английском языках может содействовать решению ряда проблем лексикологии, лингвокультурологии, речевой коммуникации, функциональной и практической стилистики сопоставляемых языков.

Теоретическая значимость данной диссертационной работы определяется именно этими положениями.

Практическая значимость не ниже ее теоретической значимости. Материалы и теоретические выводы могут использоваться при чтении лекции и проведении практических занятий по синхронно-сопоставительной типологии узбекского и английского языков, послужить базовым концептом при написании может темой нескольких курсовых и выпускных работ по лексикологии и фразеологии и типологии сопоставляемых языков. Материалы исследования могут быть использованы также при составлении учебников и учебно-методических пособий для студентов по соответствующим разделам.

Методология и методы исследования. В качестве исходного материала для анализа избран текстовой материал большого объёма из поэтических и прозаических произведений классической и современной узбекской литературы, а также данные переводных и толковых словарей узбекского языка (около 1000 примеров).

В качестве основного метода выбран метод функционального анализа позиционных повторов в тексте на базе принципов современного текста строения с применением контекстно-ситуативного и логико-семантического методов, предусматривающих изучение предмета исследования в широком вербальном контексте и сравнительной типологии анализа его структурно – семантической сущности с последующим описанием полученных результатов.

Методологической основой работы послужили труды учёных В. Дресслера [58], М.А.К. Халидейа [140], Ф. Данеша [53], З. С. Херриса [142], Э. Агрикола [10], К. Хейдольфа [141], Г.Я. Солганика [126], Л.Н. Лосева [85], И.Р. Гальперина [49], Т.М. Николаева [100], О.И. Москальской [96] и др.

Положения, выносимые на защиту:

а) Повтор функционирует на разных уровнях языка в речи, среди которых лексический уровень занимает самое важное место;

- б) Лексический повтор является сходным с такими явлениями, как **редупликация, избыточность, гаплогогия** в плане выражения языка, но намечаются и различия между ними при выявлении их логико-лингвистических причин;
- в) Между формально-маркированными и немаркированно-смысловыми содержательными видами повтора имеются различия, которые характерны только для лексического повтора.
- г) Лексический повтор тесно взаимосвязан с явлением **синергетики**, являющейся конкурентным аналогом диалектики во всех сферах объективной и общественной жизни, которая активно наблюдается в художественно-фольклорной и разговорной речи;
- д) Лексический повтор имеет тесную взаимосвязь с **синтаксическим параллелизмом** и связанными с ним **стилистическими фигурами**;
- е) В функционировании лексического повтора в узбекской и английской художественно-фольклорной и разговорной речи наблюдаются как сходства, так и различия, что может быть связано с их логическими и лингвистическими причинами;
- ё) Предложение и микротекст – единицы двух взаимосвязанных друг с другом различных уровней языка и речи, **анафорическая** (левосторонняя) и **катафорическая** (правосторонняя) связи компонентов которых связаны с повтором лексического уровня языка.
- ж) Повтор – явление **синтаксической стилистики**, в которой наиболее важными являются синтаксические фигуры, к системе которых относятся явления анафоры, эпифоры, градации, риторического вопроса, многосоюзия.

Степень достоверности и апробация результатов исследования основана на привлечении значительного объема иллюстративного материала, использовании общепризнанных методологических подходов к решению проблем образования единиц различных языковых уровней.

Различные аспекты исследования были изложены в докладах на конференциях молодых ученых Согдийской области, а также на

традиционных научных конференциях профессорско-преподавательского состава ГОУ Худжандского госуниверситета им. акад. Б. Гафурова (2015, 2016, 2017, 2018, 2019). Работа обсуждена и одобрена на заседании кафедры теории и практики английского языка (протокол № 10 от 20.05. 2019) ГОУ Худжандского госуниверситета им. акад. Б. Гафурова.

По теме диссертации опубликованы 12 статей, в которых отражены основные положения и результаты проведенного исследования, 4 из которых изданы в журналах, включенных в перечень рецензируемых периодических изданий ВАК РФ.

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. Общий объём диссертации составляет 182 страниц компьютерного текста.

ГЛАВА I. ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ СИНХРОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

1.1. Введение к проблеме

На земном шаре существует огромное количество языков, причем каждый из них обладает некоторыми общими с другими языками чертами, которые мы находим только в отдельном языке.

Если мы поставим перед собой задачу выявить все общие признаки или характеристики структуры некоторого количества языков, то получим сумму признаков, которые будут отличать данную группу языков от какой-то другой группы, где этих признаков не будет.

Общие структурные признаки обнаруживаются в самых различных языках, не имеющих никакого генетического родства. Так, определительное словосочетание, в котором прилагательное предшествует существительному без всякого согласования с ним, обнаруживается в английском, тюркских, монгольских языках, в японском и китайском языках [22, с.5-6]. Сравнительная типология называется термином «общая типология», которая занимается изучением общих проблем, связанных с выявлением суммы сходных и различительных черт, характеризующих системы отдельных языков мира. В настоящее время типологические исследования значительно расширяют границы лингвистических исследований, выводя их за рамки генетически родственных языков, дают возможность привлечь широкий круг разноструктурных языков, обогащая привлекаемый для исследования материал и тем самым, позволяют решить широкие общезыковые проблемы.

В свое время И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Мы можем сравнивать языки совершенно независимо от их родства, от всяких исторических связей между ними. Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу исторически и географически [37, с.188]. Общей

типологии противостоит частная типология, которая занимается изучением проблем более ограниченного характера. В зависимости от более частных и конкретных задач и объектов, подвергающихся исследованию, частная типология включает историческую, или диахроническую, типологию, перед которой стоят задачи изучения исторических изменений типологии состояний отдельных языков, типологии структуры отдельных языков и групп языков, например, переход языков от синтетического типа к аналитическому или изменение структуры грамматических категорий, характеризующих данную часть речи в древний, средний или новый период истории языка [22, с.15 - 16].

Для теоретического языкознания на современном этапе его развития характерен возросший интерес к комплексу проблем, связанных с сопоставительным и типологическим анализом языка. При этом в центре внимания оказываются вопросы сопоставительного анализа как родственных, так и неродственных языков.

Для сопоставительно-типологических исследований принципиальное значение имеет установить как структурные тождества, так и структурные различия конститутивных единиц и отношений между ними в двух или нескольких сравниваемых языках. При этом структурное тождество может являться следствием как исконной единой модели для всей группы родственных языков, так и следствием вторичного, позднейшего схождения родственных и неродственных языков в силу действия внутрисистемных и экстралингвистических факторов.

В последние годы все больше развивается сопоставительная, или конструктивная, лингвистика. Она изучает обычно два языка, редко больше двух, сопоставляя отдельные элементы одного языка с соответствующими элементами другого. Сопоставление проводится в синхронном плане на основании проведенного описательного анализа разных уровней данных языков: фонологического, грамматического, словообразовательного, лексико-фразеологического, стилистического. Результаты сопоставительного

анализа двух языков показывают, в каких элементах этих уровней они различаются.

Е.Д. Поливанов является одним из первых ученых, уделившим основное внимание сравнительному (типологическому) исследованию разно системных языков. Он особо отметил, что при изучении русского языка «...трудности...оказываются относительно ничтожными по сравнению с тем, что приходится преодолевать не русскому (например, узбек язычному) при условии связанных со смысловой стороной речи грамматических явлений: именно при условии морфологии и синтаксиса русского языка» [107, с.10]. Это утверждение Е.Д. Поливанова содержит верное зерно, так как изучение разно системных языков на лексическом уровне показывает нам, что языки разного грамматического строя и в лексико-семантическом плане различаются друг от друга как средством выражения отдельных значений, так и различием внутренних форм функционально-семантических единиц, о чем свидетельствуют лингвистические особенности лексического повтора узбекского и английского языков.

Плодотворность сравнения и сопоставление материалов двух языков осознана многими, и они дали и продолжают давать свои положительные результаты при обучении языкам в общеобразовательных школах и вузах разных направлений. Следует, однако, указать на относительную разработанность методики сравнительных языкознаний разных народов. Нам представляется, что при сравнении данных двух языков, в нашем случае узбекского и английского, необходимо учитывать специфические особенности каждого из сопоставительно изучаемых языков.

«Для сравнения двух языковых систем теоретически безразлично, принадлежат они или не принадлежат к одной и той же исторической семье языков», - писал Ш. Балли [30, с. 39]. Поэтому в современном теоретическом языкознании уделяется большое внимание изучению грамматического строя языков, которые типологически различаются друг от друга.

О характере сопоставительного изучения языков В.Г. Гак пишет, что «сопоставительное изучение языков, имеющее целью выявление сходств и различий между языками независимо от степени их родства и всегда выступавшее как лингвистическая основа обучения неродному языку, в последние годы сблизилось с лингвистической типологией, отдельно общего языкознания, которая через сравнение языков стремится постичь наиболее общие черты, свойственные языкам (универсалии), и на их фоне выявить специфику данного языка. Намечается сопоставительно-типологический подход к изучению языка, при котором анализ схождения, осуществляемый в практических целях, проводится на фоне данных типологии. В этом случае схождения и расхождения не просто фиксируются, но особенности сравниваемых языков определяются по отношению к общим средствам человеческого языка» [48, с. 49]. В.Г. Гак еще отмечает, что сопоставление вскрывает два типа расхождений: качественные (абсолютные), которые заключаются в том, что данный элемент или тип (структурный либо функциональный) присутствует в одном языке и совершенно отсутствует в другом, и количественные (относительные), которые состоят в том, что данный элемент присутствует в обоих языках, но в одном из них он пользуется чаще, чем в другом. Количественные расхождения выявляются статистическим путём. Они позволяют вместе с тем, выявить доминантные и рецессивные черты строя языка [48, с. 52]. Синхронно-сопоставительное изучение фактов одного и разного грамматического строя имеет определенные трудности. О трудности данного направления исследования проф. О. Азизов справедливо отмечает, что «язык есть сложное явление. Изучение же языков в сопоставительном плане еще сложнее. При изучении таких сложных проблем исследователь должен хорошо знать многие языки, не менее двух. Кроме этого, сопоставительное изучение языков требует от исследователя глубокого лингвистического знания по всем отраслям науки о языке, плюс к этому и историю, культуру народов изучаемых языков» [15, с.43].

Основным методом типологических исследований является сопоставительный метод, который носит традиционный характер, объясняемый, прежде всего, практическими задачами языкового строительства.

Несмотря на широкий размах и перспективность сопоставительных исследований во всем мире, теоретическое осмысление их результатов, за рядом исключений, остается на уровне дежидерат. Можно упомянуть интересную идею А.А. Реформатского, предположившего, что чем генетически и структурно более отдалены сопоставляемые языки, тем более глубокие и тонкие сущности можно выявить путем их сопоставительного анализа [112, с. 96]. Для реализации этого, несомненно, очень важного предложения полезно обратиться к идее бинармы, выдвинутой В.Н. Ярцевой. В разных видах типологических исследований на уровне синтаксиса, как показала В.Н. Ярцева, более уместно сопоставлять не отдельные единицы языка, для сравнения целесообразно выбрать структуру меньшую, чем предложение, обладающую формальными и функциональными свойствами [151, с. 222]. Нам представляется, что бинарность отношения, выявленного в различных приемах построения того, что И.И. Мещанинов называет «синтаксическими группами», служит удачной основой классификации языкового материала [94, с. 12]. В ней сочетаются содержательные признаки наиболее общих синтаксических отношений и вместе с тем...по способу передачи как единство этих отношений группы также двучленны. Бинарма может в определенных контекстах выступать как единство, и это особенно существенно для сопоставления разноструктурных языков в случаях, когда синтаксическая группа может трактоваться как один элемент при синтаксическом членении целого» [51, с. 43].

1.2. Языковое явление повтора в узбекском и английском языках

Узбекский язык и его культура сложились в результате слияния говоров и диалектов разных местных населений, и поэтому он распространен и за пределами Республики Узбекистан, а также в Кыргызской Республике, Таджикистане, Казахстане, Туркменистане, в северной части Афганистана.

Е.Д. Поливанов [106, с. 29], выделяя три генетически различных наречия в составе узбекского языка, наметил характерные лингвистические признаки как для каждой из трех групп, так и для входящих в их состав подгрупп говоров X. Данияров утверждает, что узбеки как нация сложились в XI веке из трех тюркских этнических компонентов [163, С. 23-24]:

- 1) карлуко - чигильского (сюда входят и турко - барласские группы),
- 2) кыпчакского (с древнейших времен они назывались "узбеками"),
- 3) огузского.

Слово "узбек" появилось в XI веке и даже раньше, при его помощи назывался народ, составляющий большую часть называемого словом "турк" [163, с.8].

В диалектном отношении современный литературный узбекский язык неоднороден, и, в свою очередь, он в подробностях не тождествен ни одному из живых диалектов и говоров [38, с. 10].

Следует отметить, что основной задачей настоящей работы не является рассматривать всю историю развития сопоставляемых нами английского и узбекского языков. Перед нами ставится более определенная задача: сопоставление функционирования явления повтора в художественно-поэтической речи двух разноструктурных языков — узбекского и английского на современном этапе их развития. Сопоставление отдельных явлений синтаксического строя узбекского и английского языков – задача весьма сложная. Сложность сопоставления языковых явлений синтаксического строя языков разного грамматического строя справедливо отмечается многими лингвистами.

Современный английский язык является одним из германских языков, относящимся к западногерманской группе. Он имеет большое количество территориальных диалектов: в Великобритании – шотландский диалект, группа северных, центральных, южных и юго-западных диалектов; в США – восточно-английская, средне-атлантическая (центральная), юго-восточная, средне-западная группы. Диалектное варьирование носит значительно более ярко выраженный характер, чем в США, где основой литературной нормы становится центральный диалект.

В основу литературного английского языка лег язык Лондона. Письменность на английском языке существует с 7—8-вв., первый письменный памятник – руническая надпись на ларце Френска (7-в.) После проникновения в Англию христианства латинский алфавит заменил древнегерманскую руну [ЛС].

Английский язык функционирует как родной для около 335 млн. человек (2003 год), третий язык в мире после китайского и испанского, в целом же англоговорящих (включая второй язык) — свыше 1.3 млрд человек (2007). Он также является одним из шести официальных и рабочих языков ООН.

Английский язык используется в качестве официального языка в некоторых государствах Азии (Индия, Пакистан и других) и Африки (в основном это бывшие колонии Британской империи, входящие в Содружество наций), при этом большинство населения этих стран являются носителями других языков. Говорящих на английском языке в лингвистике называют англофонами; особенно этот термин распространён в Канаде (в том числе в политическом контексте, где англофоны в некоторых отношениях противопоставляются франкофонам).

В работах современных исследователей отмечается значительная вариативность английского языка в современном мире. Брадж Качру и Дэвид Кристалл выделяют три концентрических расходящихся из одной точки круга стран его распространения [40, с. 45]. В первый, внутренний,

входят страны с издавна преобладающим числом носителей английского как родного; во второй — стран Британского содружества, где он является одним из официальных, не являясь родным для большинства населения, и третий, распространяющейся на остальные страны, где английский становится языком межгосударственного общения, в том числе научного. Распространение английского языка на всё новые территории и сферы человеческой деятельности вызывает в современном мире неоднозначную реакцию.

Изучение типологического, т.е. сравнительного, аспекта языковых явлений является основной задачей сопоставительного языкознания одного из самостоятельных направлений общего языкознания.

Начало научному сопоставительному языкознанию в Европе было положено в XVI в., когда стали создаваться грамматики национальных языков народов этих стран. Объектом сопоставительного изучения служили материалы классических и народных языков, последние носили названия «вульгарные языки». Классическими языками считались латинский, греческий и древнееврейский в Европе и арабский, древнеперсидский — в Азии.

Ю.В. Рождественский утверждает, что классические языки в Европе не были в то время мертвыми, так как существовала письменная и устная языковая практика на этих языках, прежде всего в сфере религии и науки. На этих языках осуществлялась деловая переписка, писались и печатались книги, велось преподавание. Национальные языки в то время использовались в научном и религиозном общении, а также, что самое важное, в деловом общении [115, с. 98].

Сравнительное изучение классических и вульгарных языков осуществлялось по отдельным их ярусам: фонетике, лексике и грамматике.

Следует отметить, что языки сравнивались не по отдельным элементам, а именно как целые системы. Систематическому сравнению подвергались, в основном, лексика и грамматика. Такой вид по аспектному сравнению

получил в дальнейшем название «сопоставительное языкознание». Дублетными названиями этой науки являются «контрастивное языкознание» «конфронтативное языкознание», а также и «характерология».

Цель сопоставительного языкознания — представить культурные различия и культурную общность языков, что включает в себя следующие три направления:

- 1) сопоставительное описание классических и родных языков;
- 2) сопоставительное описание родных и иностранных языков;
- 3) сопоставительно-типологическое и сопоставительно-ареальное описание языков в виде словарей, грамматик, фонетик и монографических исследований разных проблем

Наибольшее развитие сопоставительное языкознание получило в области лексики и грамматики. Основой типологического исследования является не инвентаризация элементов языка, а анализ его системы.

При анализе языковых явлений в сопоставительном языкознании важную роль играет метод его исследования. В качестве основного и ведущего метода данного направления науки применяется так называемый сопоставительный метод, который теоретически обоснован И.А. Бодуэном де Куртэне [37, с. 88]. Как основной исследовательский метод с определенными принципами он стал формироваться в 30–40-годы прошлого века. В Европе впервые теоретически обосновал принципы данного метода французский языковед Ш. Балли. Он писал, что «для сравнения двух языковых систем теоретически безразлично, принадлежат они или нет к одной и той же исторической семье языков» [30, с. 39].

В теорию и практику сопоставительного метода лингвистических исследований внесли ценный вклад Е.Д. Поливанов [107], Л.В. Щерба [149], С.И. Бернштейн [34], А.А. Реформатский [112], В.Г. Гак [48], В.Д. Аракин [22] и многие другие; специалисты по тюркским языкам, такие как Н.К. Дмитриев [56] Н.К. Юдахин [150] И.А. Батманов, И.А. [32], И.А. Баскаков [31] и др.

Здесь нужно подчеркнуть особенно большую заслугу академика Л.В. Щербы, который большое внимание уделяет сопоставительному изучению языков не только для усвоения иностранного языка, но и для лучшего понимания особенностей родного языка и проникновения в суть его структуры. Он отмечает, что «одной из основных очередных задач является сравнительное изучение структуры, или строя, различных языков» [149, с.235]. По его мнению, связь развития контрастных исследований с прогрессом в области преподавания иностранных языков не только наметила некоторые принципы контрастного сравнения языков, но, что гораздо важнее, показала необходимость двустороннего сравнения языков: как иностранного с родным, так и родного с иностранным. Этот подход обеспечил подлинно лингвистический, не формальный, а содержательный метод сравнения материалов двух или нескольких языков [149, с. 248].

Хорошо известно, какое большое значение придавал Л.В. Щерба сопоставительному изучению языков не только для усвоения иностранного языка, но и для лучшего понимания особенностей родного языка и проникновения в суть его структуры [149, с. 251]. По мере того, как множились контрастные работы, расширилось в понимание их задач. Хотя контрастное исследование мотивируется, главным образом, необходимостью для преподавателя иностранных языков обнаружить области существенных различий между тем языком, который он преподаёт, и родным языком учащихся, нельзя недоучитывать важность контрастивного анализа как способа оценки постулатов и требований самой лингвистической теории.

Сопоставительное изучение материалов языков разного грамматического строя, в том числе узбекского и английского, относится к важнейшим проблемам типологии, которая является одним из основных и ведущих направлений современного общего языкознания.

По сопоставительному изучению материалов узбекского и английского языков имеется масса исследовательских работ, которые осуществлены такими учёными, как Дж. Буранов [42], С.Н. Абдуллаева [4], Ш.

Абдурахманов [6], Ю. Аглаев [9], А.А. Алифходжаев [17], Д.Д. Джалолов [54], Д.М. Зиядуллаева [63], Н.З. Зуфарова [65], М.Т. Ирискулов [71], Н.Р. Каримова [73], А.Г. Максумов [89], К. Мусаев [100], В.Д. Мусаева [99], О.О. Охунов [104], А.П. Парпиев [106], М.И. Расулова [110], Ю. Саидов [119], Т.Т. Салимова [120], К.С. Тайметов [128], Р.У. Турсунов [129] и др.

Исследования, посвященные изучению материалов узбекского и английского языков, свидетельствуют, что тема настоящей диссертационной работы не становилась предметом специального изучения в монографическом плане, чем определяется ее актуальность и своевременность.

Повтор как стилистическая фигура активно употребляется в поэтической и публицистической речи. Это объясняется тем, что поэтические и публицистические произведения в основном предназначены для социума.

Повтор функционирует в качестве выразительных средств авторской речи. С помощью повтора конкретизируются мысли, слушающие точно понимают сущность содержания сообщений, которые передаются говорящими - адресантами.

Некоторые вопросы, связанные с явлением повтора, в тюркологии рассматривались после первой половины прошлого века на материалах отдельных тюркских языков.

Повтор называется термином *удвоения*. Об удвоении слов в тюркских языках есть специальные работы Е.И. Убрятовой [133, с. 34], В.Г. Егорова [60], Р.А. Аганина [7], М.И. Адылова [14]. В этих работах повторы исследованы в грамматическом плане.

Основной идеей *удвоения* является усиление значения слова в том или ином отношении. Эта возможность особенно четко прослеживается в разговорной речи. В языках мира слова-повторы чаще всего выступают как показатели грамматической категории множественного числа имен, категория разделительных числительных, категории превосходной степени прилагательных и т.д. [7, с. 45].

В работе Е.И. Убрятовой доказывается, что повторение основы слова в форме зависимого от нее члена предложения в якутском языке может иметь целью:

1) особое выделение повторяемой основы в предложении;

2) усиление ее с выражением грамматических понятий;

3) эмоциональное усиление, наблюдаемое еще в различных письменных памятниках, 2 повторения переходят в способы выражения дополнительных грамматических значений. Особенно это проявляется в случаях с глаголами и прилагательными, когда повторение основы в форме зависимого от неё члена предложения является дополнительным средством выражения грамматических значений вида и степени качества. В случаях с существительными повторение основы в форме зависимого от нее члена чаще является средством придания эмоциональной выразительности повествованию [133, с. 146].

В работе Г.Х. Агишева дается характеристика синтаксических сочетаний из однокоренных слов:

а) именных конструкций с усилительным значением типа *матурларнин матуры, актан-ак, кише хетле кише, кунаклар булып кунаклар, сагат дисен да сагат, кунак остена кунак, суз артынан суз*;

б) глагольных конструкций с усилительным значением типа *караган саен карайсы килу, барам булгач барам, кылу белен келде, сайрапмы-сайрау,..*;

в) глагольных словосочетаний с прямым дополнением типа *кием кию, жыр жырлау* [8, с. 29].

В работе М.И. Адылова рассматриваются синтактико-конструктивные повторы, чем являются сочетания подчинительного порядка, где компоненты входят между собой в подчинительные связи. Он употребляет термин «повтор с внутренним членением». Это глагольные сочетания с прямым дополнением, сочетания глагола с глаголом в самых различных формах, повторный вид простого сказуемого, повторение подлежащего с сказуемым, которые являются нерасчлененными словосочетаниями и предложениями.

Автор не склонен считать их экспрессивными формами, и рассматривает их в плане лексикализации [14, с. 37].

Р.С. Амиров исследует этот «прием повторения основы» в плане организации его посредством предикативных, объектных, определительных отношений. Им же выделены следующие коммуникативные цели данного речевого приема: обеспечение экономного способа выражения мысли, организация эмоционального выражения мысли, логического выделения предмета, действия; поддержание связи между репликами в диалогической речи [18, с. 26].

В работе Ф.С. Сафиуллиной исследуются однокоренные конструкции (можно было бы назвать их редуцированными формами имен и глаголов) преимущественно разговорно-бытовой сферы употребления. Наличие богатого фактического материала позволяет ей прийти к более обобщенным выводам относительно семантической, структурной и генетической характеристики данных конструкций [121, с. 95].

В узбекском языкознании повтор в монографическом плане специально не исследован. Однако в монографических работах отдельных исследователей встречаются сведения по функционированию повтора как стилистического средства в узбекских фольклорных художественных произведениях. Так, работа Х. Абдурахманова посвящена изучению синтаксиса языка узбекских пословиц [1, с.44]. В третьей главе кандидатской диссертации М. Тухсанова повтор рассматривается как одно из средств выражения когерентности узбекской художественной речи [131, с.9].

О стилистических особенностях лексического повтора речь идет и в монографии и учебных пособиях профессора А. Мамаджанова. Он опубликовал монографию «Стилистика сложного предложения» [90, с. 23], а также учебные пособия «Разновидности периодической речи» 90, с. 33] и «Стилистические средства» [90, с. 38]. Повтор как синтактико-стилистическое явление на материале английского языка изучен в работах И.М. Астафьевой [26, с.7], К.Б. Бочанов рассматривает взаимоотношения

повтора с лексической синонимией [39, с.15]. В работе Л.Н. Квиквидзе рассматриваются и исследуются стилистические особенности повтора в публичных выступлениях В.И. Ленина [78, с. 28].

В целом как видно из анализа литературы по теме, повтор не стал объектом исследования в типологическом плане в разноструктурных языках, что может ещё раз подтвердить актуальность нашего исследования.

1.3. Место лексического повтора в языковой номинации и его виды в исследуемых языках

Повтор—это вторичная номинация. «Вторичная номинация настолько тесно связана с контекстными условиями, что она практически полностью не может быть смоделирована и зафиксирована в словарных статьях. «Вторичная номинация – неисчерпаемый резервуар развития значения слов, поскольку неисчерпаемы ресурсы контекст образования» [80, с.36].

Лексический повтор, как и, в принципе, всякий вообще повтор, - это способ экспрессивного выделения, подчеркивания, фиксации внимания. «Повторение (если только оно не есть результат простой неумелости) — прием эмоциональный», - писал А. Лежнев, имея в виду как повторение деталей, образов в художественном произведении, так и повторение собственно словесное [166, с.41]. В определенных условиях повторение слов, сохраняя свое назначение экспрессивного лексического средства, используется для выполнения грамматических – морфологических и синтаксических – функций. В морфологии, т.е. в «экспрессивной морфологии», это приобретающие устойчивый характер разнообразные типы удвоения слов с общим значением интенсивности признака (например: *ходил и ходил, снова и снова, выбирала да выбирала, большая да большая и др.*).

Обращаясь к случаям использования лексических повторов в синтаксисе, следует, естественно, иметь в виду их строевую роль—роль, выполняемую ими в синтаксической организации языковых (или речевых) единиц. Строевая роль лексических повторов, пожалуй, в наиболее чистом

своем виде обнаруживается в диалоге. Повторение одним из собеседников всей предыдущей реплики или ее части всегда имеет то или иное коммуникативное назначение выразить определенную — положительную или отрицательную — реакцию на сказанное. Повтор в диалоге всегда экспрессивен. Исследователи отмечают большое разнообразие модально-экспрессивных «реакций», которые передаются репликами-повторами. Так, в докторской диссертации Н.Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» выделено двенадцать основных разновидностей реплик-повторов с учетом той роли, которую играют в их оформлении разного рода частицы, модальные слова, междометия, местоимения [69, с. 76]. Но, в то же время лексический повтор в диалоге — одно из средств организации его минимальных синтаксических единиц — диалогических единств. Например, в диалоге, взятом из английской речи, лексический повтор выражен следующим образом:

- *Hello,*

-*Hello, -*

How are you?

- *I'm fine – How are you?*

- *I'm also fine, thank you*

(Привет,

-Привет, -

Как твои дела?

- Я в порядке. Как твои дела?

- Я тоже в порядке, спасибо,) - функционирует как средство организации макротекста:

“My dear fellow,” said Mr. / Butt (Дорогой мой, - сказал мистер Батт), “I only wish I could. I wish I had the time (Мне бы только хотелось быть способным на это. Я хотел бы, чтобы у меня было время). I’m sure it would cheer you up immensely if I could (Я уверен, что это взбодрило бы вас, на полную катушку если я смогу). But I’m just going in go up [185, с. 61]. (Но я просто выхожу из

игры...)” Повторы морфемного уровня представлены в молодежном дискурсе корневой и аффиксальной редупликацией: *Yeah/ I'm fine with it cuz I'm not a smoker* (Да / у меня всё в порядке насчёт этого потому что я не курильщик.)// *As far as campus* (Ну а что кампуса, тут уж увольте.)// *I'm not/ it doesn't matter that much to me as far as on campus* (я не против / мне абсолютно всё равно, что вы решите делать с кампусом)/ *but at the bars I like it* (но в барах мне нравится)// *I like the idea of smoke - free bar at mosphere* (Мне нравится идея бездымной атмосферы бара)// [185, с. 65].

Количественная представленность такого рода повторов оказалась незначительной. В оппозиции бытовой – телевизионный дискурс они составляют 4,5 % и 3,2 % соответственно. Малочисленность морфемной редупликации вызвана ее не типичностью для стилистически сниженной разговорной речи, поскольку такие повторы более характерны для художественной речи, в которой они реализуют себя как средство создания особого стилистического эффекта.

Повтор в речи всегда связан с сочинением, т.е. с сочинительной связью. Данному вопросу посвящена статья Д.А. Бердиалиева «Сочинительная связь, повтор и синонимия» [35, с. 46-49]. Сочинительная связь употребляется, кроме грамматических, и в стилистических и стилистико-прагматических функциях, которые осуществляется при употреблении повтора разного характера в предложении. Синтаксическая и семантическая природа предложения разрушается, если устранить из структуры предложения сочинительную связь и связанный с ней повтор. С помощью сочинительной связи и повтора образуется сочинительный ряд в структуре предложения, что характерно и для ряда функционально-семантических членов одной синонимической парадигмы в предложении.

Следует отметить, что лингвистическая природа ряда членов синонимической парадигмы и ряда повторов слов и словоформ отличается друг от друга: в синонимических рядах функционально-семантические члены отличаются друг от друга в отношении коннотативного значения, а не

денотативного; а в рядах повтора его корреляты не отличаются друг от друга и в отношении денотативного плана, и в отношении стилистико-прагматического плана [35, с. 23].

Различные субъективно-модальные значения выражаются повторением в предложении одного и того же слова. Такие повторы—лексически не ограниченные—могут быть бессоюзными и союзными. В бессоюзном повторе значение выявляется только интонационно.

Б е с с о ю з н ы е п о в т о р ы одного и того же слова, означающие акцентирование на интенсивности или акцентирование на сочетании с временными характеристиками, могут иметь двоякую интонацию. Это слитное и убыстренное произнесение обеих форм в составе одной синтагмы. Повторением именных форм может выражаться значение множественности, полноты, интенсивности или исключительности.

Повторение слов, всегда с их интонационным разделением, употребляется для неодобрительного воспроизведения чужой речи.

С о ю з н ы е п о в т о р ы имеют разные субъективно-модальные значения: а) значение длительности и постоянства, непрерывности и характерно для повторения глаголов несовершенного вида и глагольных имен;

б) значение интенсивности, полноты или исключительности не ограничено повторением слов каких-то определенных категорий (*Для меня одно и одно — это твоя любовь*);

в) значение категориального утверждения так же не ограничено повторением слов каких-то определенных категорий (*Милый друг. Я вас прошу, женитесь, женитесь и женитесь*);

г) значение иронического, неодобрительного воспроизведения чьих-либо слов обычно для повторов (*Пристал: купи да купи; женить да женить*) (РГ, 223).

Лексический повтор — стилистическая фигура, заключающаяся в намеренном повторении на обозримом участке текста одного и того же слова

либо речевой конструкции. Лексические повторы различного вида широко используются для придания экспрессивности художественному тексту, среди них различаются следующие типы:

Одной из расчлененных конструкций являются лексические повторы. Повторами называют весьма разнообразные явления, большинство из которых отмечено и в языке народных говоров, и в фольклоре, и в различных сферах употребления литературного языка.

Под лексическим повтором понимается повторение слова, словосочетания или предложения в составе одного высказывания (предложения, сложного синтаксического целого, абзаца) и в более крупных единицах коммуникации, охватывающих ряд высказываний.

«Повторение, — пишет Вандриес, — есть также один из приемов, вышедших из языка эффективного. Этот прием, будучи применен к языку логическому, превратился в простое грамматическое орудие. Его исходную точку мы видим в волнении, сопровождающем выражение чувства, доведенного до его высшего напряжения» [26, с.147].

Действительно, повтор как стилистический прием является типизированным обобщением имеющегося в языке средства выражения возбужденного состояния, которое, как известно, выражается в речи различными средствами, зависящими от степени и характера возбуждения. Речь может быть возвышенной, патетической, нервной, умиленной и т. д. Возбужденная речь отличается фрагментарностью, иногда алогичностью, повторением отдельных частей высказывания. Более того, повторы слов и целых словосочетаний (так же, как и фрагментарность и алогичность построений) в эмоционально-возбужденной речи являются закономерностью. Здесь они не несут какой-либо стилистической функции. Например:

"Stop!" — she cried, "Don't tell me! I don't want to hear; I don't want to hear what you've come for. I don't want to hear" [187, с. 87]

("Стоп!" - закричала она: «Не говори мне! Я не хочу слышать этого; я

не хочу слышать, зачем ты пришёл. Я не хочу слушать)

Повторение слов "I don't want to hear" (*Я не хочу слышать*) не является стилистическим приемом. Эмоциональная экспрессивность повторения слов здесь основана на соответствующем интонационном оформлении высказывания и выражает определенное психическое состояние говорящего.

Обычно в тексте художественных произведений, где описывается такое возбужденное состояние героя, даются авторские ремарки (*cried, sobbed, passionately* и т. п.).

Совершенно другое значение имеют повторы отдельных слов и выражений в народно - поэтическом творчестве. Известно, что устная народная поэзия широко пользуется повторением слов в целях замедления повествования, придания песенного характера сказу и часто ее стилистика обусловлена требованиями ритма.

В некоторых художественных произведениях повторы используются в целях стилизации народно-песенной поэзии. Примеры такой стилизации фольклорно-песенных повторений мы находим, например, в следующем стихотворении английского поэта Р. Бернса:

My heart's in the Highlands, my heart is not here,

(В горах моё сердце, моё сердце не здесь,)

My heart's in the Highlands a-chasing the deer.

(Мое сердце в горах, где я гоняюсь за оленями.)

Chasing the wild deer and following the roe,

Гоняюсь за диким оленем, и охочусь на красную, оленину.

My heart's in the Highlands wherever I go [193, с. 18].

(Моё сердце в горах, куда бы я ни шёл).

Повтор может быть использован не только в стилистических целях, он может быть и средством придания ясности высказыванию, помогая избежать туманности изложения. Так, в примере из «Записок Пекинского клуба»:

"A casual observer, adds the secretary to whose note swearer in debated for the following account, a casual observer might have no ticked nothing extraordinary

in the bald head of Mr Pickwick .', («Случайный наблюдатель, добавляет секретарь, перед чьими записями мы в долгу за последующий отчёт, случайный наблюдатель, возможно, не заметит ничего необычного в лысой голове мистера Пиквика ...»)

повторяющееся сочетание **a casual observer** служит не целям эмфазы, а используется для придания ясности изложения. Такие повторения обычно появляются в сложноподчиненных предложениях, содержащих цепь придаточных определительных предложений, или при наличии развернутой авторской ремарки.

Повторы, использованные в стилистических функциях эмфазы, обычно классифицируются по композиционному принципу, то есть месту повторяющейся единицы в составе предложения или абзаца.

Так выделяется повтор слов, словосочетаний и целых предложений, которые расположены в начале отрезков речи (предложений, синтагм, речевых групп). Такие повторы носят название анафоры (единоначатие). Например:

Forth at was it! Ignorant of the long and stealthy march of passion, and of the state to which it had reduced Fleur; ignorant of how Soames had watched her, seen that beloved young part of his very self fair, reach the edge of things and stand there balancing; ignorant of Fleur's" reckless desperation beneath that falling picture, and her father's knowledge there of — ignorant of all this everybody felt aggrieved [188, с. 123].

(Ибо так оно и было! Не обращая внимания на долгий и скрытный период страсти и на состояние, до которого он довёл Флер; неосведомленный о том, как Сомс следил за ней, замечавший только это любимое существо, сдавшее неотъемлемой частью его самого; он видел, как она движется к неотвратимому концу, балансируя грани. Относительно будучи в неведении о безрассудного отчаяния Флер перед этим на глазах рушащимся миром и о

тот, что её отец в курсе всего этого, - не зная всего этого, каждый считал себя ущемлённым.)

Стихотворение Томаса Гуда "November" целиком построено на анафоре. Повторяющееся в начале каждого предложения отрицание по завершается каламбуром. Слово November воспринимается в цепи анафор как другие сочетания с "по".

No sun — no moon! No morn— a noon—

(Нет солнца - нет луны! Нету тра – сразу полдень -)

No dawn — no dusk — no proper time of day—

(Нет рассвета - нет сумерек - нет нормального времени дня -)

No sky — no earthly view-No distance looking blue —

(Нет неба - нет земного ландшафта - Ничего нет от небесной голубизны -)

No road — no street — no "other side the way".

(Нет дороги - нет улицы - нет "другой стороны пути" -)

No end to any Row No indications where the Crescents go —

(Нет конца ни одному ряду - Нет никаких признаков существования полумесяца.)

No top to any steeple - No recognition of familiar people!

(Нет и намёка на вершину хоть какого – то шпиля - Никто из тех, кто знал тебя, тебя не узнаёт.)

No warmth — no cheerfulness, no healthful ease,

(Нет тепла - нет бодрости, нет душевного облегчения,)

No comfortable feel in any member;

(Нет ощущения комфорта ни в одной части тела;)

No shade, no shine, no butterflies, no bees,

(Ни тени, ни сияния, ни бабочек, ни пчёл,)

No fruits, no flowers, no leaves, no birds, November! [176, с. 18]

(Ни фруктов, ни цветов, ни листьев, ни птиц, ноябрь!)

Повторы в конце предложения (абзацев и т. д.) носят название эпифоры

(концовка). В следующем отрывке из романа Диккенса "Bleak House" эпифора представляет собой целое словосочетание:

"I am exactly the man to be placed in a superior position, in such a case as that. I am above the rest of mankind, in such a case as that. I can act with philosophy, in such a case as that" [186, с. 144]. («Я как раз тот человек, которого нужно поставить на высокий пост, в таком случае, как этот. Я выше всего остального человечества, именно в таком случае, как этот. В своей деятельности я могу опираться на философию, именно в таком случае, как этот.»)

Повтор может быть оформлен и таким образом: повторяющаяся единица (слово, словосочетание, предложение) находится и в начале, и в конце отрывка, образуя своеобразную рамку. Такой повтор носит название кольцевого повтора (framing). Например:

Poor doll's dressmaker! How often so dragged down by hands that should have raised her up; how often so misdirected when losing her way on the eternal road and asking guidance! Poor, little doll's dressmaker! [185, с. 28].

(Бедная кукольная портниха! Как часто её руки уставали так, что её приходилось поднимать; как часто она так сбивалась с пути, нескончаемой дороге жизни, что приходилось обращаться за помощью к другим. Бедняжка, портниха маленькой куклы!)

Из других композиционных форм повтора следует упомянуть **анадиплосис** (подхват или с т ы к). Слово, которым заканчивается предложение или короткий отрезок речи, повторяется в начале следующего предложения или отрезка речи. Так, например, в «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса слово **fight** выделено в высказывании подхватом:

"Free man and slave, carried on an uninterrupted, now hidden, now open fight, a fight that each time ended, either in a revolutionary re-constitution of society at large, or in the common ruin of the contending classes."

(«Свободный и раб ... вели непрерывную, то тайную, то открытую борьбу, борьбу, которая каждый раз заканчивалась либо революционной перестройкой общества в целом, либо общим крахом противоборствующих классов.»)

Иногда в составе одного высказывания используется цепь подхватов. Такие повторы носят название цепных повторов.

"A smile would come into Mr Pickwick's face: a smile extended into a laugh: the laugh in to a roar, and the roar became general." [185, с. 33]

(«На лице мистера Пиквика появилась улыбка: улыбка перешла в смех: смех превратился в рёв, а уж рёв охватил всех остальных».)

Или:

"For glances beget ogles, ogles sights, sights wishes, wishes words, and words a letter." [183, с. 17]

(Смотрящие на тебя глаза начинают таращиться, витаращенные глаза влекут за собой всеобщее лицезрение, оно вызывает желания, желания облакаются в звучащую речь а уж речь переносится на бумагу и фиксируется на письме.)

Каково же назначение повтора как стилистического приема? Каковы функции повторов в разных стилях речи?

Наиболее обычная функция повтора — функция усиления. В этой функции повтор как стилистический прием наиболее близко подходит к повторам как норме живой возбужденной речи. Так, например:

Those evening bells! Those evening bells! [192, с. 23]

(*Вечерний звон! Вечерний звон!*)

Повторы, несущие функцию усиления, обычно в композиционном отношении очень просты: повторяющиеся слова стоят рядом друг с другом. Другие функции повторене так прямо связаны с тем эмоциональным значением, которое эти повторы имеют в живой разговорной речи. Функция других повторов обычно выявляется в самом контексте высказывания.

Так, в следующем отрывке из романа Диккенса "Our Mutual Friend" повтор имеет функцию последовательности. Она проявляется даже без конечного *then*, которое уточняет эту функцию.

"Sloppy laughed loud and long. At this time the two innocents, with their brains at that apparent danger, laughed, and Mrs Hedge laughed and the orphan laughed and then the visitors laughed."

(«Недомёна ... громко и долго смеялся. В это время двое, не имеющих никакого отношения к ситуации, с их мозгами в этой очевидной опасности, тоже за смеялись, вслед за ними застелась и миссис Хидген, потом засирота смеялась, а затем и все посетители рассмеялись».)

Повторение слова «laughed», усиленное многосоюзием, служит целям образного воспроизведения описываемой сцены.

Иногда повтор приобретает функцию модальности. Например:

"What has my life been? Fag and grind, fag and grind Turn the wheel, turn the wheel." [185, с. 45]

(«Какой была моя жизнь? Сплошная тягомотина, ну одна тягомотина. Всё одно и то же. Каждый день одно и то же»).

Повтор здесь использован для передачи монотонности и однообразия действий. Эта функция реализуется, главным образом, ритмом, который образуется из-за повторения слов и словосочетаний. Такую же функцию модальности имеют и разнообразные повторы в "The Song of the Shirt" Томаса Гуда. Например:

Work — work — work!

(Работа - Работа - работа!)

Till the brain begins to swim! Work — work — work!

(Пока мозги не поплывут! Работа - Работа - работа!)

Till the eyes are heavy and dim! Seam, and gusset, and band,

(Пока глаза не отяжелеют и не потускнеют! Шов, ластовица, полоса,)

Band and gusset, and seam, — Till over the buttons I fall asleep,

(Шов, ластовица, полоса, - Пока над пуговицами я не засну,)

And sew them on in a dream [176, с. 58]!

(И продолжал)

Утомительное однообразие и монотонность действий выражена разными средствами. Важнейшим, конечно, является само значение оборотов ***Till the brain begins to swim!*** и ***Till the eyes are heavy and dim!*** (Пока мозги не поплывут! и, пока глаза не отяжелеют и не потускнеют).

Но лексически переданное утомление, вызванное работой, еще не указывает на однообразие, монотонность самой работы. Это передается повторами слов ***work*** и ***seam, and gusset, and band***. Другая функция, которая довольно часто реализуется повтором, — это функция нарастания. Повторение слов способствует большей силе высказывания, большей напряженности повествования. Эта функция родственна первой функции, указанной выше. Разница состоит в том, что нарастание выражает постепенность увеличения силы эмоций. Например:

I answer to all these questions — Quilp — Quilp, who deludes me into his infernal den, and takes a delight in looking on and chuckling while I scorch, and burn, and bruise, and maim myself — Quilp, who never once, no, never once, in all our communications together, has treated me, otherwise than as a dog — Quilp, whom I have always hated with my whole heart, but never so much as lately. [185, с. 55]

(Я отвечаю на все эти вопросы - Квилп - Квилп, который обманом вводит меня в своё адское логово, и получает удовольствие от того, что смотрит на меня и хихикает, над тем, как я обжигаяюсь, горю, набываю синяки, и калечу себя - Квилп, который не однажды, не однажды, пока мы с ним общались не обращался со мной иначе, как с собакой - Квилпом, которого я всегда ненавидел всем сердцем, но никогда так сильно, как за последнее время).

Повторение имени ***Quilp*** дает нарастание напряженности высказывания. Такой повтор настоятельно требует интонационного усиления (повышения

тона).

В лингвистической литературе повтор рассматривается в разных аспектах на основе различных материалов, что связано с его полифункциональностью. К повторам относятся:

- 1) соположенные словоформы с усилительным значением (тихо-тихо, длинный-длинный; степь да степь кругом), в этом случае расчленения не происходит, ибо повторения словоформы, напротив, объединяются для выражения дополнительных субъектно-модальных значений;
- 2) определенного типа предложения, построенные по принципу повтора также для выражения дополнительных значений модального типа (*Спать так спать; Студент как студент; Приказ есть приказ*);
- 3) повторение предлогов в атрибутивном словосочетании, свойственное разговорному и диалектному синтаксису;
- 4) различные синтаксические фигуры художественной речи, прежде всего поэтической, с так называемым синтаксическим параллелизмом, узаконенные в качестве художественного приема еще со времен античных риторик. Перечисленные типы повторов, кроме последнего, восходят к так называемым сильным элементам разговорной речи и всегда воспринимаются как эмоционально-разговорные [16, С. 125-26].

Заклинательное значение в повелительном наклонении не отделяется резкой чертой от чисто желательного. Отчетливо выраженное значение заклинания обычно вытекает из общего смысла или стиля поэтического произведения или создается определенной синтаксической структурой, чаще всего повтором, усиливающим волевое начало в повелительной формуле. В стихотворении А. Пушкина «Заклинание» заключительное значение подчеркивается композиционным повтором повелительной формулы, которой завершается каждая из строф, и контактными повторами внутри строк. Аналогичный композиционный повтор – в стихотворении Пушкина «Храни меня, мой талисман» (приводятся две первые строфы):

Храни меня, мой талисман, Храни меня во дни гоненья,

Когда грозою грянут тучи, Храни меня, мой талисман.

Заключительная формула «Храни меня, мой талисман» повторяется в конце каждой строфы. Концентрация повторов резко усиливает заключительный смысл. Например, композиционный повтор повелительной формулы почти в каждой строке первой строфы стихотворения К. Симонова «Жди меня»:

Жди меня, и я вернусь, только очень жди...

Жди, когда наводят грусть желтые дожди.

Жди, когда снега метут, жди, когда жара.

Жди, когда другие не ждут, позабыв вчера.

Жди, когда из дальних мест писем не придет.

Жди, когда уж надоест всем, кто вместе ждет [175, с. 125].

Повтор иногда совмещается с перечислением. **Перечисление** представляет собой стилистический прием, позволяющий дать точную информацию в научном, официальном и публицистическом стилях, основан на употреблении в одном ряду существительных (чаще всего), прилагательных, глаголов и в нескольких случаях - служебных слов. Перечисляемые слова всегда принадлежат к одной грамматической категории [110, с. 104].

Функция повтора в разговорной речи значительно разнообразнее, чем только выполнение коммуникативных задач. Средства языковой экономии и языковой избыточности в разговорной речи – явления хотя и противоположные, но оба представляют слабые элементы разговорной речи. Наряду с другими формами избыточности (например, с двойным подлежащим), повторы могут быть вызваны и такими условиями устной речи, как ощущение говорящего, что его недопоняли, недослышали и т.п. Это может быть просто недостаточно свободное владение речью. И повтор может не давать никакой новой информации, в том числе и коммуникативной.

Ю.М. Скребнев отмечает явление повтора в разговорном синтаксисе в качестве избыточного материального элемента, непреднамеренного, вызываемого сомнением в правильности выбора слова [124, с. 68].

Первая ступень вхождения конструкций с повторами в литературный язык – отражение в языке персонажей художественных произведений.

В художественной монологической речи повторы настолько разнообразны и разно функциональны, что даже перечисление их заняло бы много времени. Ассоциации с «разговорными» повторами вызывают в письменной речи именно повторы словоформы, а не лексемы, или повторы однокоренных слов, особенно свойственные языку фольклора. Ю.Н. Тынянов пишет, что в стихах повторение слов в одной и той же форме менее ритмически выразительно, так как «такое тождество — характерный ритмический прием практической речи и с нею ассоциируется» [132, с.152]. Важно то, что повтор словоформы, словосочетания или предложения представляет собой нарушение синтагматической цепочки и чаще всего уже по этой одной структурной особенности имеет возможность превратиться в экспрессивный синтаксический прием. Конструкции с повтором, особенно распространенным, не укладываются в известные схемы синтаксических связей. Повторяющиеся словоформы не сочинены и не подчинены. И в явлении самого повторения, и в отсутствии традиционной связи между словами заложены элементы экспрессии, которая дополнительно выражается паузой перед повторяемой словоформой, а также особой интонацией ее произнесения.

Велика роль лексического повтора для структурной организации большого синтаксического целого, как абзац. Об этом пишет В.Г. Адмони в своей книге «Синтаксис современного немецкого языка»: «...Понятие большого синтаксического целого все же само по себе является несколько расплывчатым и неопределенным. Особенно затруднительным оказывается в связном развернутом повествовании определить, где проходит граница между отдельными большими синтаксическими целыми. Местоименные

подхваты, лексические повторы обычно не располагаются все же лишь внутри какого-то одного отрезка этого текста, а соединяют данный отрезок, пусть более спорадически, с другими отрезками текста. Таким образом, эти средства, как правило, связывают друг с другом огромное большинство цельных предложений всего текста, иногда те из них, которые непосредственно следуют друг за другом, а иногда дистантно» [12, с. 356].

Лексический повтор входит в состав структурно-семантического ядра предложения как его таксономико-функциональный компонент. По В.Г. Адмони, «структурно-семантическое ядро предложения «совпадает со всем составом предложения» [13, с.257]. Это объясняется тем, что лексические повторы функционируют как цементирующий фактор структурно-семантического ядра предложения. Структурно-семантическое ядро предложения образуется из сочетания структурного ядра с непосредственно прилагающимися к нему и тесно связанными с ним компонентами предложения, так что является как бы реальным семантически насыщенным телом предложения, а не только его структурной схемой.

Описаны различные типы повторов в художественной прозе и публицистике: это и повтор частиц, и повтор знаменательных слов в комбинации с вопросительной или восклицательной интонацией, и дистантные повторы комплекса синтаксических конструкций и фигур или однородных членов предложения, и параллелизм построения фраз, и т.д.

О повторе говорят, когда идентичные слова или конструкции повторяются дважды. Но кратность повторения может быть и большей, и тогда экспрессивное воздействие повтора увеличивается.

Разнообразие повторов в художественной литературе заставляет остановиться лишь на отдельных их разновидностях, одним из них является сопровождение повтора синтаксическим распространением.

Е.А. Иванчикова к экспрессивным повторам относит лишь такие, которые комбинируются с парцелляцией, когда повторенная словоформа или предложение стоят после точки [69, с. 124]. Думается, что это ограничение не

является обязательным. Разумеется, парцелляция, будучи экспрессивным приемом, усиливает экспрессивное воздействие повтора, однако и без парцелляции повтор словоформ достаточно экспрессивен.

Структурные особенности повторов заключаются в синтаксическом распространении повторенной словоформы, что добавляет новую информацию и обогащает повествование.

Количественное распределение повторов по частям речи отражает, во-первых, среднее количество употребления слов основных частей речи; во-вторых, - грамматический потенциал различных знаменательных слов, Под грамматическим потенциалом понимается способность к распространению зависимыми словоформами, а также возможность выбирать синтаксическую позицию – центральную или периферийную. Известно, что существительное и глагол наиболее полно реализуют возможность распространения.

Повторение словоформы выполняет, таким образом, грамматическую функцию, так как позволяет ввести дополнительную, иногда весьма разветвленную, синтаксическую структуру. Для степени экспрессии важен такой фактор, как контактное или дистантное расположение повторяемых словоформ, что связано, главным образом, с загруженностью первой словоформы. Экспрессивная сила конструкций с дистантным повтором слабее из-за подчеркнутой информативно-структурной функции. При контактном расположении экспрессия нарастает, а повтор словоформы становится часто факультативным [16, с. 120]. Факультативность контактного повтора в случае незначительного синтаксического распространения позволяет увидеть его близость к разговорному субстрату.

Функции, выполняемые повтором субстантивных, глагольных и адъективных словоформ, различны на этой ступени их бытования в художественных и публицистических текстах. Параллельно с ведущей экспрессивно-выделительной функцией, усиливающей логическое и эмоциональное воздействие, повтор с синтаксическим распространением фактически может выполнять и структурную функцию, ибо позволяет в

рамках одного предложения соединить необычным образом сложные разветвленные конструкции. Исследователи рассматривали синтаксический повтор и как средство для передачи актуальной информации, особенно в выделении ремы, что возможно и при повторе знаменательных словоформ и специальных частиц.

Виды синтаксического распространения различны для слов той или иной части речи. Если для существительного не отмечено преобладание отдельных видов структур, то для других частей речи можно говорить об известной избирательности, которая связана с выражением экспрессии. Так, для распространения повторяемых глаголов в личной форме характерны конструкции со значением причины, а также меры и степени. Для распространения адъективных и безлично-предикативных слов также характерны «усиливающие» распространители.

Выражению экспрессивности повтора с распространением способствует и лексическая семантика. Чаще всего повторяются существительные со значением чувства, переживания, эмоционального состояния и отношения (*тоска, любовь, чувство, память, откровенность, храбрость, тревога, гордость и т.п.*). Лексика с предметным значением встречается значительно реже, крайне редки имена собственные, что связано с их известными синтагматическими ограничениями.

Повторяемые глаголы—эти также в основном глаголы эмоционального состояния, отношения, речи-мысли.

Среди повторяемых прилагательных встречаются преимущественно качественные, отражающие различные оценочные свойства человека. Таким образом, семантика повторяемых лексем связана со сферой «человек». И хотя почти не представлены стилистически отмеченные лексемы, антропоцентрическая сфера лексики способствует восприятию экспрессивности конструкции.

Повтор словоформы с синтаксическим распространением – структура книжной речи, далеко отстоящая от всех разновидностей повторов в

разговорной речи. Текст, при этом одновременно и расчленен повтором, и объединен. Интонационное выделение повторяемой части обязательно, тем более что первое употребление словоформы характеризуется интонацией законченности. Итак, на основе экспрессивного синтаксиса литературный язык формирует новую синтаксическую конструкцию [16, с. 98]. Повтор всегда сопровождается предложением, а предложение - контекстом: вне предложения функционирование повтора, без контекста предложения - невозможно.

Следует отметить, что повтор может иметь место в структуре одного предложения, а также в составе контекста.

К о н т е к с т о м как для целых предложений, так, и, в конечном счете, и для минимальных речевых единиц являются и речевые образования, стоящие над предложением. Понятие контекста отнюдь не сводится к наличию рядоположности между данными и другими речевыми единицами. Понятие контекста – это понятие, прежде всего смысловое, указывающее на наличие смысловых связей между данной речевой единицей и другими речевыми единицами в тексте (или устно-диалогического единства). Являясь смысловыми в своей основе, те связи, которые существуют между данной речевой единицей и контекстом, находят свое языковое воплощение. Наиболее распространенным и прямым языковым выражением этих связей является использование лексических и лексико-грамматических средств: повтора одних и тех же слов или варьирующихся по тем или иным принципам слов одного смыслового ряда, использования местоимений и разных слов с местоименным корнем [13, с. 287]. Лексический повтор, как понимается в нашей работе, тесно связан **микротекстом**, что обусловлено с несамостоятельностью содержания отдельно взятого предложением. Несамостоятельность отдельно взятого предложения отмечалась многими исследователями. Обращение к этому вопросу возникло, прежде всего, при изучении функционирования форм предложения.

В книге А.П. Парпиев Методика обучения английским модальным глаголам и их эквивалентам во взрослой аудитории с узбекским родным языком[106, с. 88] вместо термина «лексический повтор» употребляется термин «речевое удвоение». Примеры речевых удвоений:

Вот он где – именинник! Поздравляю, поздравляю!,Сжав ладонями щеки, она говорила, что боялась написать ему, хотела, чтобы он спокойно дослужил, что только сейчас поняла, что наделала - Ну прости, прости!; Здравствуйте, здравствуйте, старая знакомая!— обрадовался он знакомой женщине;.. Ой, - спохватилась мама, - а что же мы тут стоим? – Да, в самом деле, - сказал папа. - Просим, просим, - сказала бабушка. – Проходите, проходите, - сказала мама. – Прошу, прошу, - сказал папа.

1. Отдельные разновидности повтора Р.А. Будаговым рассматриваются как «ключевое слово» в тексте поэзии. Примером для него служит слово ВОРОНЕЖ в четверостишии О. Мандельштама:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж,

Уронишь ты меня или проворонишь,

Ты выронишь меня или вернешь,

Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож [170, с. 18].

В тюркских языках слово-эхо обычно начинается с билабиального согласного *м*, придавая речи экспрессивность и указывая на множественность, собирательность: *зат-мат* «всякие вещи», *аз-маз* «еле, едва, чуть-чуть, чуточку», *гиши-миши* «никто, ни один человек; ни одна живая душа»; турец. *adam madam* «люди». Похожее явление наблюдается в русских повторах: дивергентное удвоение часто происходит с заменой начального согласного первого компонента губно-губным согласным в составе второго компонента. Это, возможно, является результатом «языковых контактов, в частности, с тюркскими языками, в которых наблюдаются аналогичные процессы, когда в слове при помощи сонорного *м* заменяют первый согласный звук и образуются новые слова, не имеющие

значения, например, **картошка-мартошка, зелень-мелень, шашлык-машлык**» Данные лексемы «употребляются в сниженной, экспрессивной разговорной речи». Подобные образования в русском языке возводятся в литературе к тюркскому источнику: «Прием рифмованного эха свойствен не всем говорящим по-русски. Возможно, что он распространяется в русской разговорной речи под влиянием тюркских языков. Во всяком случае, он представлен, прежде всего, у лиц (для которых родной язык русский), как-то связанных с Кавказом, Средней Азией, югом России, а также живущих в соседстве с тюркским населением» [27, с. 14]. В английском языке такого аналога нет.

Тюркским языкам свойственно фономорфологическое контрастирующее варьирование по признаку сингармонизма типа кумыкского *темир - тумур* «разное железо, железный лом», *тарыкъ - турукъ* «необходимое, нужное» и др. Ср. с башкир. *Тимер - томор* «разное железо, железный лом», *иске - моско* «всякое старье» и др. В якутском языке редупликация, выражающая аналогичное значение, проходит по другим правилам: первый слог заменяется на *и-* и происходит чередование гласных: *уһуох-иһиэх* «кости» и т.п., *холхуос - илкиэс* «колхоз» и т.п.

Во многих языках представлены фономорфологические повторы, обе части которых сами по себе ничего не значат: *гъанур - чунур, эсер - месер*; рус. *фигли-мигли*.

Спецификой структурной организации частичных повторов в тюркских языках является многообразие падежных форм во втором компоненте повторной номинации. В структуре частичных повторов второй компонент может быть выражен существительным в форме дательного падежа: *орам - орамгъа* «по улицам», *уьй - уьйге* «по домам».

Интересен и такой структурный тип неполной редупликации, компоненты которого выражены разными частями речи: первая часть редупликанта выражена именем прилагательным, а вторая часть выражена субстантивом в форме дательного падежа: *Той битип, гъар ким уьйлю-*

уюне къайталар (И. Къызларлы). «Заканчивается свадьба, и все возвращаются по домам». Экспрессивность данного структурного типа редупликанта связана со значением числа: в этой форме повторная номинация выражает значение распределенной множественности денотатов. Разные падежные формы имен существительных в составе редупликаций встречаются во многих тюркских языках: в татар *булмэдэн - булмэгэ* «из комнаты в комнату»; узбек. *Хожамкулы урук урукны ай айни хатқа алды* «Хожамкули сделал перепись всех родов и жилищ». Эти повторы являются результатом оригинального воспроизведения многократности действия, множественности предметов объективной действительности. Ученые видят в них «один из начальных способов формирования грамматических форм множественности». Поскольку в тюркских языках, в отличие от других языков, редупликация является широко распространенным средством для выражения множественности, ее можно рассматривать как реликт более древнего состояния тюркских языков, когда сфера употребления аффикса множественности - *лар* была ограничена. «В связи с универсализацией использования – *лар* необходимость в парных сочетаниях отпала» [152, с. 89].

Повторы, образуемые с помощью другого падежа, встречаются не только в тюркских языках, но и в славянских, например в русском языке: *дурак дураком, рука об руку, чин чином* и др.

В английском языке разные падежные формы имен существительных в составе редупликативов не употребляются.

Повтор с префиксацией Е.А. Земская считает сильным экспрессивным средством в русском языке. Она пишет, что «второй член повтора содержит приставку *пере-*, *рас-* или *раз-*, придающую усилительное значение всей конструкции» [61, с. 98]. *Он москвич-раз москвич в пятом поколении; Мы такие с вами соседи - рас соседи.*

Повторы нередко содержатся в репликах-реакциях, используясь как всякого рода эмоциональные ответы, выражающие убежденность, радость, раздражение, удивление и т.п.

Повторяющиеся единицы могут соединяться с помощью союзов, послелогов и частиц.

Любой повтор вносит элемент плеонастичности в синтаксическую структуру, даже в случаях, когда он вызван требованиями художественной выразительности. Поэтому повторы тоже можно отнести к той группе элементов авторской обработки, которые создают полноту высказывания.

Простой лексический повтор внутри одной фразы тоже имеет эмоциональное значение усиления того или иного семантического плана.

Е.А. Иванчикова пишет: «*В конструкциях с лексическим повтором нет разрыва синтаксической связи: эта связь выражается весьма своеобразно и «вещественными» средствами: повторяемой из предыдущего предложения лексической единицей*»[69, с. 124]. Повторение может сопровождаться распространением. В этих случаях парцелляция используется не только для экспрессивного выделения повторяемого компонента структуры, но и для его семантического уточнения, для выражения дополнительных характеристик разъяснений и т.п. Например: *Здесь в верховьях образуется м о р е. **Большое м о р е**; Пусть поздно, но он придет.*

Особенно следует отметить экспрессивные и семантические возможности парцелляции п о в т о р а , сопровождающейся изменением субъективной модальности повторяемого компонента структуры: *Ярская проблема. Свалилась неожиданно, в н е о ж и д а н н о. **Конечно не о ж и д а н н о**; Пусть поздно, но он придет. **Может быть, п р и д е т*** [45, С. 112-114].

Значительное распространение слова-повтора создает особый тип п о в т о р е н и я—п е р и ф р а с т и ч е с к и й тип. Главная функция перифрастических построений – э к с т е н ф и к а ц и я структуры предложения. Речевая парцелляция экстенсифицированной структуры

используется как прием построения высказывания. Подобные случаи парцелляции оказываются чаще всего необратимыми: фразовой состав высказывания не может быть упрощен. Необратимости парцелляции способствует также дистантное расположение повторяемого слова и парцеллянта: *А рядом жил счастливый человек, не замечающий дней. Счастливый, значит, не понимающий ее, значит, чужой* [45, с. 87].

Повтор может носить характер *в с т а в н ы х* конструкций (предложений).

Вставные конструкции (предложения) представляют собой дополнительные сведения, пояснения и комментарии к содержанию повествовательного предложения или его части.

Вставное предложение четко отграничивается от самого усложняемого предложения средствами синтаксической интонации, на письме отражаемой знаками препинания (скобками, тире).

Вставные предложения по своей структуре делятся на простые и сложные.

П о в т о р чаще всего встречается и в строении **п е р и о д а**.

В некоторых языках, в частности в английском, русском, польском, встречается такая разновидность редупликации, которая в англоязычной литературе называется *shm - reduplication*: *марки - шмарки, магазин-шмагазин, мобильник-шмобильник, поцелуй-шмоцелуй*. Считается, что во все эти языки такой тип редупликации проник из идиша. Однако, возможно, он связан со сходным видом редупликации, пришедшим в русскую речь из тюркских языков. Этот вид в русском языке называется *m-reduplication* и встречается в русском языке: *навлин-мавлин, шашлык-машлык, такси-макси, кофе-мофе* и пр. В тюркских же языках такой способ словообразования является распространенным: кумык. *акъча-макъча* «всякие деньги», казах. *жылкы-мылкы* «лошади и прочий скот», турецк. *bahsede ageas tageas uok* «в саду нет ни деревьев, ни кустарников». Из тюркских языков этот способ, характерный для разговорной речи, проник в разные языки мира,

контактировавшие с тюркскими языками. Это не только русский, но и болгарский, румынский, персидский, монгольский.

В разговорной речи широко употребительны п о в т о р ы разного рода: повторы одной и той же формы одного слова (*шел-шел-шел, бегу-бегу, окна-окна*), повтор разных форм одного слова (*бежать/бегу, но; окна-окнами, да...*), повтор, формируемый однокоренными словами разных частей речи (*ревмя ревет*). Одновременно с повторами могут употребляться частицы союзы, модальные слова, служащие конструктивным элементом синтаксического построения [146, с. 68]. Конструкции с повторами используются как: 1) экспрессивное средство; 2) средство актуализации тех или иных элементов высказывания и «склеивающее» разрыв в цепи синтаксических связей. Повторы часто используются как экспрессивное средство подчеркивания, усиления. В функции повтора можно различать э м ф а зу у (эмоциональное отношение к явлению) и и н т е н с и ф и к а ц и ю (эмоциональное отношение к мере явления).

Повтор обычно содержит два или три члена. Повторяться могут словоформы и слова разных частей речи [61, с. 156]. При построении диалога в разговорной речи широко используются речевые к л и ш е, которые облегчают говорящим ведение разговора. Диалогические клише многообразны, многие из них экспрессивно окрашены. Для их структуры характерно использование п о в т о р о в, частиц, междометий [61, с. 87]. Повтор - одно из своеобразных свойств эмоционально-художественной речи и имеет важное значение в строении предложения каждого, отдельно взятого языка. Поэтому это явление преимущественно является объектом стилистического синтаксиса. Повторы передают значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации и, кроме того, часто служат важным средством связи между предложениями, причем иногда предметно-логическую информацию бывает трудно отделить от дополнительной.

Повтор вместе с явлениями градации, параллелизма, антитезы, хиазма относится к системе синтаксических фигур и функционирует в качестве средства усиления выразительности не только образно-художественной речи, но и речи необразной, т.е. обыкновенно-разговорной

Явление повтора мало изучено в монографическом плане. Поэтому лингвистическая природа этого явления смешивается с явлением редупликации, суживая сферы его функционирования. Отмечается, что «повторы, или редупликации, состоят в полном или частичном повторении корня, основы или целого слова без изменения звукового состава или с частичным изменением его. Очень часто повтор применяется для выражения множественного числа, например, в малайском языке *orang* – «человек», *orang-orang* – «люди», в мертвом шумерском языке *кур* – «страна», *кур-кур* «страны». В самом деле, редупликация является одной из разновидностей повтора, и она относится к морфологии и частично к словообразованию.

В работах отдельных исследователей *повтор* рассматривается на лексическом уровне под названием «лексический повтор». В них лексические повторы характеризуются как одна из расчлененных конструкций и пишется, что «в лингвистической литературе повтор рассматривается в разных аспектах и на различном материале, что связано его полифункциональностью» [16, с. 99].

Поле функциональности явления повтора характеризуется указанием на сферу его функционирования. Сфера функционирования повтора определяется его отношением к разным аспектам языка. Так, Г.Н. Акимова отмечает, что «к повторам относятся: и соположение словоформы с усилительным значением (*тихо-тихо, длинный-длинный; Степь да степь кругом...*), в этом случае расчленения не происходит, ибо повторенные словоформы, напротив, объединяются для выражения дополнительных субъективно-модальных значений; и определенного типа предложения, построенные по принципу повтора также для выражения дополнительных значений модального типа (*Спать так спать; Студент как студент;*

Приказ есть приказ); и повторение предлогов в атрибутивном словосочетании, свойственное древнерусскому и диалектному синтаксису (*у самого у рынка; в доме в новом*); и различные синтаксические фигуры художественной речи, прежде всего поэтической, узаконенные в качестве художественного приема. Перечисленные типы повторов, кроме последнего, восходят к так называемым сильным элементам разговорной речи и всегда воспринимаются как эмоционально-разговорные» [16, с. 86].

О важности повтора для художественной речи Х.Р. Курбатов пишет, что «повтор как одна из синтаксических фигур, наподобие музыкальных оборотов и повторяющихся музыкальных фраз, придаёт речи особое благозвучие, облегчает тем самым ее восприятие. Потому его можно даже назвать в какой-то мере **музыкой словесной речи**» [83, с. 209].

Существуют разные классификации повтора. Так, например, Э.Г. Ризель, обращая внимание на формальную сторону, указывает три его вида:

- а) дословный повтор;
- б) повтор слова с изменением его формы;
- в) повтор синонимических слов.

Эти виды повтора, в свою очередь, подразделяются на несколько подвидов [113, с. 146].

Выводы по первой главе

На земном шаре существует огромное количество языков, причем каждый из них обладает некоторыми общими с другими языками чертами, которые мы находим только в отдельном языке.

Для сопоставительно-типологических и теоретических исследований принципиальное значение имеет установление как структурного тождества, так и структурного различия конститутивных единиц и отношений между ними в двух или нескольких сравниваемых языках.

Продуктивность сравнения и сопоставления материалов двух языков осознана многими, что дало и продолжает давать свои положительные результаты при обучении языкам в общеобразовательных школах и вузах разных направлений.

В диалектном отношении современный литературный узбекский язык неоднороден, и, в свою очередь, в абсолютном плане не тождествен ни одному из живых диалектов и говоров.

Современный английский язык является одним из германских языков, имеет большое количество территориальных диалектов. Диалектные варьирования носят значительно ярко выраженный характер, чем в США, где основой литературной нормы стал центральный диалект.

Цель сопоставительного языкознания — систематически представить культурные различия и культурную общность языков и включает в себя следующие три направления:

- 1) сопоставительное описание классических и родного языков;
- 2) сопоставительное описание родного и иностранных языков;
- 3) сопоставительно-типологическое и сопоставительно-ареальное описание языков в виде словарей, грамматик, фонетик и монографических исследований разных проблем.

Сопоставительное изучение материалов языков разного грамматического строя, в том числе узбекского и английского, относится к

одним из важнейших проблем типологии, которая является одним из основных и ведущих направлений современного общего языкознания.

ГЛАВА II. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОВТОРА В ЛИНГВИСТИКЕ

2.1. Характеристика лексических повторов в узбекском и английском языках

В речи существуют многочисленные типы повторов разных частей речи, а именно глаголов и имен, выражающих самые различные грамматические и модальные значения. Некоторые из них в тюркологии исследованы в сопоставительном плане в работах Х.Г. Агишева [8]. Об удвоении слов в тюркских языках есть специальные работы Е.И. Убрятовой [133], В.Г. Егорова [60], Р.А. Аганина [7], М.И. Адилова [11]. В этих работах повторы исследованы в грамматическом плане.

Некоторые лингвисты, например, Ф.С. Сафиуллина, утверждают, что в языках мира слова-повторы чаще всего выступают как показатели грамматической категории множественного числа имен, категории различительных числительных, категории превосходной степени прилагательных и т.п. [121, с. 56].

В силу распространенности сферы применения, многообразия языковой репрезентации (слово, словосочетание, предложение, текст), повтор неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, начиная с Античности, и далее, в течение всего развития и становления лингвистики, к проблеме повтора обращались философы и логики, он изучался в рамках риторики, литературоведения, психологии. Повтор описан достаточно многосторонне, о чем свидетельствуют многочисленные работы, в которых получили освещение его прагматические, фонетические, стилистические, семантические, синтаксические характеристики (Е.Н. Петрова, Ж.С. Павловская, Ю.М. Лотман, В.Г. Гак, Л.Г. Фридман, Е.Ю. Кукушкина, Э. А. Гуляева и др.).

Анализ литературы по изучению повтора показывает, что одним из наиболее важных моментов, по которым позиции авторов расходятся, является определение повтора, под которым понимается:

1) простое повторение слова или словосочетания (М.К. Морен и Н.Н. Тетеревникова, В.П. Летучева);

2) воспроизведение значения слова посредством разных лексем (Ш. Балли, Н.С. Новикова, Е.Н. Петрова).

Большинство исследователей допускают, что повтором может быть названо как дословное, т.е. формальное и смысловое воспроизведение лексической единицы, так и воспроизведение только ее смыслового содержания (З.И. Хованская, И.В. Арнольд, В.Г. Гак, И.Р. Гальперин, Ж. Гард-Тамин, Н.В. Устина). При этом важным критерием в определении повтора является условие достаточной тесноты ряда [49, с.17]. Для нашего исследования релевантно понимание повтора как формального и семантического воспроизведения языковой единицы.

Изучение повтора предполагает необходимость исследования причин его возникновения в речи, поскольку понимание психологической, эмоциональной и социологической мотивации повтора позволяет раскрыть наиболее полно особенности его функционирования в тексте.

Функционирование лексического повтора — это объект изучения экспрессивного синтаксиса. Это явление называется «лексическим» (повтором), однако оно функционирует в грамматике: в связном тексте, вернее, в предложении. В предложении повторяются словоформы, а не лексемы. Словоформы, как нам известно, изучаются в грамматике, а не в лексикологии. Поэтому повтор лексического характера должен рассматриваться в грамматике как одно из ее явлений. Например, в отрывке из стихотворений Рахима Ражаба Сомғорий:

<i>«Сирингни оч, сирли дунё,</i>	<i>«Открой секрет свой, загадочный мир,</i>
<i>Сирларингни билиб олай,</i>	<i>Хочу узнать твои тайны,</i>
<i>Нурингни оч, нурли дунё,</i>	<i>Открой свой свет, просвети мир,</i>
<i>Нурларингга чўмиб олай»</i>	<i>Насладиться светом твоим хочу "</i>

обнаруживаются повторы разного характера:

а) морфемный повтор (*повторяется производная(мотивирующая) основа: (сир-сирли;(загадочный, полный тайн) нур – нурли (сияющий, блестящий))*);

б) морфологический повтор (*повторяется формообразующая основа: сир-сирлар; нур-нурлар*).

В нижеследующем примере, взятом у этого же автора, повтор носит характер вспомогательных глаголов «бўл (моқ)»,(стань "(становиться)) «қолмоқ», (остаться) которые функционируют как производящее средство глагольных композитов: ёмон бўлдим, (я стал плохим) вайрон бўлдим,(я был раздавлен) камон бўлдим,(я стал луком (стал горбатым)) ҳайрон бўлдим;(я был поражён) кўриб қолдим, (я увидел) билиб қолдим, (я узнал) юриб қолдим, (я поднялся) даврон суриб қолдим(я ходил вокруг):

Яши бўлдим, ёмон бўлдим

(Я и хороший, и плохой)

Ёмон ишдан вайрон бўлдим,

(Я был опустошён бессмысленной работой,)

Ишқ ўкига камон бўлдим,

(Я стал трамплином любви,)

Бу дунёдан ҳайрон бўлдим.

(Я был поражён миром.)

Кўрганларим кўриб қолдим,

(Я видел то, что видел,)

Билганларим билиб қолдим,

(Что я знаю,)

Юрган йўлим юриб қолдим,

(Я шёл своим путём,)

Давру даврон суриб қолдим [156,с. 6].

(Я стою вокруг мироздания.)

В этих повторах вспомогательные глаголы *бўл (моқ), қол (моқ)* носят характер производящих средств словообразовательной структуры повторяемых сложных глаголов. Подобный же характер имеет повтор лексического уровня в английском предложении *I shall be tired after the lecture.; Matter is constantly changing and is constantly moving; I will have read the story by 10 o'clock. Don't go away! We will help you if you wish* [195, с. 234].

(Я буду уставшим после лекции.; Материя постоянно меняется и постоянно движется; Я прочте этот рассказ 10 часам. Не уходи! Мы поможем вам, если вы хотите).

Под термином «повтор» понимаются разные явления языка. Отмечается, что повторные слова являются лексико-грамматической целостностью, образованной от однозначных корней. Повторные слова не относятся к системе словообразования и формообразования: повторением одного и того же слова не всегда образуются дериваты лексического (новые слова, т.е. новые лексемы) и грамматического (словоформы, глоссемы) уровней. Повторными словами выражаются множественность предметов (*шода-шода, нуқта -нуқта*); продолжительность действия (*қуча-қуча*) (принять в объятия, прижимать к себе) и др. [144, с. 65]. Например:

Унинг нурлари шода-шода зиёга айланиб, этак-этак бахтга эврилиб, қучоқ-қучоқ толе бўлиб, иккисининг бошидан қуйилаётганга ўхшарди;

(Свет, исходящий от неё превращается в тень, отрующиеся переливы еёнарядных одеяний сулят, крепость торса, облочённого в них, пленяет взор в счастье и достаточно сильны, чтобы смотреть на их головы).

Васила бундан йигирма йил бурунги Душанбе аэропортидаги Ақиданинг худди ўзи. (Васила выглядят такая же, какой было Акида в аэропорту Душанбе двадцать лет назад).

Тутаб турган камон қошлар, узун-узун жингалак киприклар, катта-катта хумор кўзлар, бир қучоқ келадиган локдек сочлар, ларзон-ларзон учиб қўнувчи кўкраклар. (Сохраните ваши весенние бровь, длинные курчавые

ресницы, большие глаза с хитринкой, отливающие блеском волосы, подрагивающие веки).

Повтор на уровне синтаксиса осуществляется в основном в микротексте. Микротекст – это не предложение, отдельно взятое, а совокупность нескольких предложений. Исследователи неоднократно отмечали несамостоятельность содержания отдельно взятого предложения. Обращение к этому вопросу возникло, прежде всего, при изучении функционирования форм принадлежности. С.С. Майзель в своей книге «Изафет в турецком языке» [88, с. 73] особо обратил внимание на указанную специфику предложений с притяжательными словоформами, посвятив специальную главу односоставному изафету, и отметил, что значение слов с аффиксом принадлежности можно вскрыть лишь с помощью предшествующего или последующего предложения.

Аналогичные явления были отмечены в исследованиях А.Н. Кононова [81, с.42]. Названные исследователи пришли к выводу, что одного предложения мало для полного осмысления такого рода образований.

Об объединении двух и более «самостоятельных» предложений в нечто единое при изучении явлений разных аспектов узбекского синтаксиса были высказаны также Х. Абдурахмановым [1], М.А. Аскаровой [25], А. Ахмедовым [29], С.Н. Ивановым [67], У. Махмудовым [92], А.Н. Нурмоновым [103], А. Бердиалиевым [36] и др. Однако природа этого явления в рамке узбекского языкознания оставалась долгое время не изученной.

В работах, посвященных проблеме текста для обозначения семантико-синтаксических целостностей больших, чем одно предложение, используются различные термины – макротекст, микротекст, сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, дискурс, прозаическая строфа и др [126, с. 16]. Макротекст и микротекст могут совпадать, если, например, в одной небольшой газетной статье речь идет об одном тематическом ядре, а в других случаях они совершенно разного характера. Макротекст может

охватить многотомное сочинение и является объектом не столько лингвистики, сколько литературоведения [79, с.55]. Что касается микротекста, то он – объект изучения лингвистики речи, так как микротекст представляет собой тематическое, структурное и интонационное объединение цепочки предложений в процессе речи в особую синтактико-семантическую целостность [86, с. 87]. Однако следует оговориться, что синтаксическая целостность микротекста – прежде всего явление контекстуальное, речевое, ситуативное, оформленная предикативно-минимальная коммуникативная единица.

Предложение и микротекст – единицы двух совершенно различных уровней – языка и речи. В отличие от предложения, микротекст является семантико-синтаксическим объединением двух и более самостоятельных предложений лишь в процессе речи: **“Қўнғирок чалинди** (Звонок прозвенел). **Машғулотлар бошланди”** (Началась тренировка).

Микротекст формируется на основании анафорического (указания на предшествующее) и катафорического (указания на последующее) способов связи. Анафорическая (левосторонняя) и катафорическая (правосторонняя) связи компонентов микротекста являются ведущим способом обеспечения когерентности микротекста. Анафорические средства выражения когерентности микротекста устанавливают связи последующего предложения с предыдущим, а функция анафорических средств, наоборот, состоит в установлении правосторонней связи между предложениями микротекста.

Предложение по отношению к тексту является микротекстом. А текст является речевым актом или рядом взаимосвязанных речевых актов одного индивида в определенной ситуации. Текст может выступать как в письменной, так и в устной форме. В семантическом плане текст связан со смыслом, который может быть «истинным» или «ложным» [13, с.25].

Средства анафорической и катафорической связи могут объединять контактно и дистантно расположенные предложения. В первом случае предложения в составе микротекста связаны между собой строго в линейной последовательности. Во втором случае они объединяют в один микротекст предложения, которые находятся на определенной дистанции друг от друга. Например:

“Ignorant of the long and stealthy march of passion, and of the state to which it had reduced Fleur; ignorant of how Soames had watched her, ignorant of Fleur’s reckless desperation, ignorant of all this, everybody felt aggrieved.”[187, с. 166]

(Не ведая отом, какой долгий и скрытный путь страсти был позади в какое состояние и он привёл Флер; не бодозревая о том, как Сомс держал ситуацию в поле зрения, не имея понятия о безрассудном отчаянии Флер ... Не зная всего этого, все чувствовали себя обиженными.)

При систематизации анафорических и катафорических средств выражения когерентности, формирующих структурную, смысловую в коммуникативную целостность микротекста в узбекской художественной речи, мы исходили из их функциональных особенностей.

Наиболее существенным признаком объединения предложений в микротекст является общность их темы.

Ср. *Таклиф этилганларнинг деярли барчаси келишиди.Бу билан кўнгилдагидек ўтириши бошланди;*

(Почти все приглашённые пришли. Вот и началась душевная вечеринка)

Йигилиши бошланди. Унда биринчи бўлиб раис гапирди.

(Совещание началось. Первым выступил на нём председатель)

Здесь каждый из микротекстов имеет единую тему, и в обоих микротекстах первый компонент сильно маркирован использованием полных наименований и отсутствием средства сигнализации когерентности. Последующие предложения не могут быть началом микротекста и выражать границу между микротекстами, потому что имеют местоимения «бу»,

«унда», проявляющие содержательную самостоятельность (синсемантическую) этих предложений.

2.2. Синергетика и ее отношение к лексическому повтору в сопоставляемых языках

В настоящее время круг лингвистической науки год за годом расширяется за счет новых направлений, таких как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, менталингвистика, антропололингвистика, нейролингвистика, инженерная лингвистика, лингвокультурология, лингвопоэтика, компьютерная лингвистика и др., в стадии присоединения к ним находится и **лингвосинергетика** (лингвистическая синергетика), которая начала функционировать в области языкознания отдельных народов, в том числе узбекского.

Основой лингвосинергетики является **синергетика** (от греческого слова *synergetikos*, что обозначает “*совместное действие, взаимодействие*”) [38, с.62].

Синергетика—новое современное междисциплинарное направление исследования систем, состоящих из большого числа компонент или подсистем, сложным образом взаимодействующих между собой. В результате такого взаимодействия возникают процессы, которые приводят к самоорганизации систем.

Лингвистическая синергетика, или лингвосинергетика, - самая новейшая парадигма познания языка как человеческого, социального, биопсихического и когнитивного явления, в ее основе лежит подход к языку (дискурсу) как самоорганизующейся системе, тесно взаимосвязанной с внешней средой.

Синергетика в языке первоначально появляется там, где нарушается норма отдельных уровней общелитературного языка, поэтому это явление функционирует во всех уровнях языка – от фонологии вплоть до сверхфразового уровня синтаксического строя.

Объект синергетики в языке – это асимметрия формы и содержания языкового знака, в результате чего язык развивается за счет наличия и функционирования явлений полисемии, омонимии, синкретизма и синонимии, которые характерны для единиц морфематики, словообразования, лексики, морфологии и синтаксиса.

Значимость и сущность асимметрии, т.е. несоответствия формы и содержания языкового знака, нашли своё яркое отражение в словах О.С. Карцевского о том, что «если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций» [76, с. 85].

Таким образом, первоначальное появление и функционирование синергетики в языке связано с процессом аномальности, асистемности языковых знаков, которые характерны, в основном, для живой и художественно-фольклорной речи. Поэтому объектом синергетики чаще всего являются просторечие и язык фольклорных художественных произведений типа эпосов (дастанов). В языке художественных произведений типа узбекских дастанов (эпосов) обнаруживаются многочисленные повторы разного характера, среди них важным является **лексический повтор**. Например, в отрывке (дискурсе) эпоса «Далли», одного из дастанов цикла «Гўрўғли» сказителя Иргаша Жуманбулбуль огли *«Мен илгари кўрган эмасман, эшиттар эдим, икки одам **дўст бўлар** эмиш, худони ўртага солиб қучоқлашиб **дўст бўлар** эмиш, Бу ўзбек ноқулай бир гапни айтиб, худони ўртага солдим деди, **дўст бўлди**. Биз ҳам **дўст бўлдик** (Я его раньше не видел.(Я слышал, два человека подружатся, и подружатся они во имя Аллаха, и обнимутся. Он сказал, что он друг, что во имя Бога будет другом, и мы тоже друзьями стали)[180, с. 47]*, трижды повторяется аналитическая глагольная форма **д ў с т б ў л д и к** в позиции сказуемого. В

следующем отрывке стихотворного характера данного эпоса—эпоса «Далли» из цикла «Гўрўғли»:

Йиғлайлик, йиғлайлик, ҳаққа йиғлайлик,

(Горе тебе, правдивость,)

Куйган қулмиз, гапни ганга улайлик,

(Давай поговорим рабах сожжённых,)

Омин де, қўлингни қутар, ёронлар,

(Аминь, сделай, правда, всё возможное,)

Дуо қил ҳаққингга, турган халойиқ [180, с. 26]

(И придут к тебе достойные люди.)

мы наблюдаем два типа функционирования лексического повтора:

а) дважды повторяется глагольная лексема синтетического характера

й и г л а й л и к тоже в позиции сказуемого;

б) повторяется именная лексема *г а н* в дательном-направительном падеже в позиции одного из основных компонентов фразеологизма *гапни ганга улайлик*. Примеры подобного характера имеются и в английском языке.

Например, *Now this gentleman had a younger brother of still better appearance than himself, who had tried life as a cornet of dragoons, and found it a bore; and afterwards tried it in the train of an English minister abroad, and found it a bore; and had then strolled to Jerusalem, and got bored there; and then gone yachting about the world, and got bored everywhere [184, с. 77].*

(Теперь у этого джентльмена был младший брат, который был еще лучше, чем он сам, который вращался среди как корнетов и драгунов, но находил эту жизнь скучной культурой и впоследствии он подвизался в свите английского служителя за границей, и тоже считал это утомительным; после этого он прогулялся по Иерусалиму, от нудности чего опять же безмерно страдал но и оно не принесло ничего, кроме ощущения пресности жизни, слово, нигде ему не было отрадно и было.)

Повтор иногда называется и «удвоением», «репризом», что означает усиление значения слова в том или ином отношении. Эта возможность особенно четко прослеживается в языке эпоса (дастана) «Гўрўғли» в четверостишии:

Ёмонлардан ёмон бўлма, Ҳасанжон!

(Не думай о плохих парнях, Хасанджон!)

Ёмонларга ҳавас қилма, Ҳасанжон!

(Не забивай голову мыслями о плохих парнях, Хасанджон!)

Яхшиларнинг қадрин билгин, фарзандим,

(Молодец, сын мой)

Улузлар иззатин қилгин, фарзандим! [180, с.31]

(Слава величеству, сын мой)

осуществлено функционирование трёх лексических повторов разного лингвистического статуса:

а) повтор корневой части субстантивного прилагательного (*ёмонлардан ёмон*) (хуже, некуда);

б) повтор существительного-антропонима в функции обращения (*Ҳасанжон*);

в) повтор имени существительного в значении родства тоже в функции обращения (*фарзандим-фарзандим*) (*дитя ты моё, дитя*).

В составе следующего четверостишия дважды повторяется модальное слово *йўқ* в позиции сказуемого:

Ўзинг йилқи, йилқиларда тенгинг йўқ,

(Вы неодинаковы)

Ҳеч бирор орангда сенинг мининг йўқ,

(А потому не ходи за добычей на чужое место, а только на своё)

Ҳар ким минса, хафа қилар кунинг йўқ,

(Всё, вам не о чем беспокоиться),

Йигитнинг муроди бўлган йилқисан [180, с. 19].

(Ты самый молодой человек)

Кроме этого, в данном четверостишии имеется лексический повтор другого характера, где повторяется именная лексема *йилқи* во множественном числе творительного падежа в позиции косвенного дополнения (*йилқиларда*). Исходный эквивалент этого повтора в данной микропарадигме—имя существительное в именительном падеже в позиции сказуемого (*ўзинг йилқи*). Явления подобного характера имеются и в английском языке: "**No wonder** his father wanted to know what Bosinney meant, **no wonder**." [187, с. 198]

(Удивительно, что его отец хотел знать, что имел в виду Босини, совсем не удивительно).

Повтор, независимо от того, к какому ярусу языка он относится, противоположен литературной норме. Однако под влиянием **синергетики** повтор всякого рода, постепенно ассимилируясь, т.е. подчиняясь литературной норме, приобретает характер системности.

Повторы передают значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации и, кроме того, часто служат важным средством связи между предложениями, при этом иногда предметно-логическую информацию бывает трудно отделить от дополнительной информации. Так, например, в предложении, взятом из узбекского фольклорного художественного произведения - эпоса «Далли» из цикла дастанов «Гўрўғли»

«Хойнахой, бу шаҳарда ошнанг йўқ. Ошинаси йўқлар бир саройга тушиб ётади, ошинаси борлар қўшхонага боради...» (Наверно, у тебя нет в этом городе друга. Кто без друзей, ночует в общежитии, у кого друзья, пойдут в гостиницу) [180, с. 35], нельзя изъять (пропустить) повторное слово «ошина» из структуры сложного синтаксического целого, в противном случае разрушается нормальный грамматический строй данного дискурса, в структуре которого дважды повторяется именная лексема «ошина» плюс к этому претерпевает ущерб его смысл:

Ср: «*Хойнаҳой, бу шаҳарда ошнанг йўқ. йўқлар бир саройга тушиб ётади, борлар қўшхонага боради.* (Наверно, у тебя нет в этом городе друга. Кто без друзей, ночует в общежитии, у кого друзья пойдут в гостиницу)

Случай подобного характера имеются и в английской речи:

“Oh, my lord, please believe me. I’m not a prince, I am really a pauper. I was born a pauper, and I am here only by mistake [190, с. 18].

(О, мой господин, пожалуйста, поверь мне. Я не принц, я действительно нищий. Я родился нищим, и я здесь только по ошибке.)

Данный микроконтекст (или синтаксическое целое) состоит из двух предложений. В нем, кроме лексемы *ошна*, повторяется во втором предложении и корневая морфема модального слова *йўқ* (Ср. *йўқ — йўқлар: ошнаси йўқ – ошнаси йўқлар*). В примере, приведенном из английского языка, наблюдается повтор местоимения *I* и глагольной формы *“to be”*, что указывает на усиление ситуации

Расположение повтора в предложении разное. Повтор может занимать позицию рядом с исходным эквивалентом после него, что называется контактным расположением (контактный повтор), а также может занимать позицию не с рядом от исходного эквивалента, что называется дистантным повтором.

Например, в предложении «Бу ўзбек, ўзбек бўлса ҳам, муғамбир ўзбек экан, бу мени ён еримдан ушлади, шум ўзбек экан» [167, с. 46]. (*Этот узбек, хотя и домозго костей узбек, сумел меня провести до того ушлым оказался.*) лексема «ўзбек» повторяется и контактно (*бу ўзбек ўзбек*), и дважды дистантно (*...муғамбир ўзбек экан; шум ўзбек экан*). Характеру данного факта соответствуют следующие лексические повторы в английском языке:

Tie a knot, tie a knot.

Tie a tight, tight knot.

Tie a knot in the shape of a naught.

Red blood, green blood

(Завяжите узел, завяжите узел.

Свяжи тугой, тугой узел.

Завяжите узел в форме нуля.

Красная кровь, зеленая кровь)

В английском примере наблюдается четырехкратный повтор лексемы **knot**. В первом предложении повтор употреблен как повелительное предложение: *Tie a **knot**, tie a **knot***. Во втором предложении лексема **knot** употребляется в функции подлежащего.

*When a **doctor** **doctors** a **doctor**,*

*does the **doctor** doing the doctoring*

***doctor** as the **doctor** being doctored wants to be doctored or*

*does the **doctor** doing the doctoring **doctor** as he wants to **doctor** [187, с. 32]?*

(Когда врач лечит врача, значит ли это, что он лечит врача как врач, которого лечат, хотел бы, чтобы его лечил врач, который лечит, как он хочет сам?)

Имеются три повтора разных лексем одновременно в микроконтексте: «*Биз отни олсак, дўстим, шундай қиламиз. Бугун, дўстим, отдан бир огиз ҳам гап қилмаймиз. Бугун сени олиб борасоб, қорнингни тўйгазиб, отингни бер, демаймиз. Дўстим, бугун сўз отда эмас, холис ўзингни меҳмон қилиш...*» [167 с.59] *(Если мы возьмём лошадь, мой друг, мы это сделаем наверняка. Сегодня, друг мой, мы не будем говорить ни слова о лошади. Если мы придём к тебе сегодня, мы сразу не скажем, поел и давай лошадь. Друг мой, сегодня не лошадь главное, а чисто самоотверженный гость):*

1) трижды повторена лексема **от** (*ни*) в позициях косвенного дополнения (**отдан**), прямого дополнения (**отингни**) и именного сказуемого (**отда эмас**);

2) дважды повторена лексема **дўстим** в позициях обращения;

3) дважды повторено наречие времени **бугун** в позициях обстоятельства времени.

На почве лексического повтора формируются и синтаксические повторы, основными их разновидностями являются повторы словосочетаний,

повторы простых предложений разного типа, реже повторы сложных предложений. В языке эпоса «Далли» из цикла «Гўрўғли», который является объектом иллюстративного материала, встречается повтор словосочетаний именного и глагольного типов.

Так, например, в микроконтексте *«Ана энди Гўрўғлибек қирқ йигити билан «омин, оллоҳу акбар!» деб Ҳасан полвонга фотиҳа бериб юбора берди. Ана энди Ҳасан ўғлон **Ғиротни ўйнатиб, сувлигиничайнатиб, отасидан, қирқ йигит ёр-жўраларидан фотиҳа олиб, йўлга тушиб бораёттир эди*** [163, с. 26] (*Вот теперь Гуругли со своими сорока парнями сказал «Аминь, Аллаху Акбар» и благословил Хасана. Вот теперь Хасан на своём Герате едет после благословения отца и его сорока парней-друзей.*)- имеется повтор двух глагольных словосочетаний *«сувлигини чайнатиб», «отасидан, қирқ йигит ёр-жўраларидан фотиҳа олиб»*, в которых повторена конкретная речевая реализация модели исходного словосочетания *«Ғиротни ўйнатиб»*. В микроконтексте *«Меҳмон косаси, зиёфат косаси, суҳбат косаси, улфаткосаси деб, маст қилиб ташила»* (говори: Выпейте чашу для гостей предназначенную чашу за вечеринку нашу, чашу за беседу и пусть все нальётся в чашу вместе с чаем.) [163, с. 55] имеются три повтора, которые относятся к именованным словосочетаниям, реализованные по модели исходного повторенного эквивалента *«меҳмон косаси»*. В этих повторенных микроконструкциях имеется и лексический повтор *косаси*, который является главным компонентом структуры этих словосочетаний. Повторы такого типа встречаются и в языке фольклорных произведений английского языка, например, в сложном синтаксическом целом **Nadj+Nsub** *Clever boy, pretty girl, cold water, hot tea.* (*Умный мальчик, симпатичная девушка, холодная вода, горячий чай.*)

Повторяются простые односоставные личные предложения *«иккинчисини зиёфат коса деб ичдим», «учинчисини навбат коса деб ичдим»*(*я выпил вторую чашу за вечеринку нашу, а третью чашу выпил, что подошла моя очередь "*) в микроконтексте *«Ҳасанхон полвон Исфaxonга*

қўлини узатиб: «Энагарлар, ичкилик шунақа бўладими? Бир косани **меҳмон коса** деб ичдим, **иккинчисини зиёфат коса** деб ичдим, **учинчисини навбат коса** деб ичдим, энди навбатингни ол-да» [163, с. 60], (Хасан - борец, протянул руку Исфахану и сказал Старики, разве столько пьют. Я выпил чашу за гостя, другую за вечеринку, третью чашу за себя, а теперь твоя очередь) в которых реализованы модели исходного компонента парадигмы «...**бир косани меҳмон коса** деб ичдим».

Лексический повтор употребляется в функции связочного грамматического средства между предложениями микроконтекста в языке изучаемого нами эпоса «Далли» из цикла дастанов «Гўрўғли». Так, например, такую функцию выполняет личное местоимение второго лица «**сен**» в отрывке:

Сен аёлсан, отни қачон биласан,

***Сен** тугул, бул отим йўқдир хонларда* [180, с. 65].

(Ты женщина, как ты можешь разбираться в лошадях? Не только тебя, но и лошади нет у меня.)

В данном отрывке невозможен пропуск повторенного местоименного слова «сен». В противном случае разрушается синтагматическая и смысловая целостность данного отрывка. Ср:

*Сен аёлсан, отни қачон биласан, **сен** тугул, бул отим йўқдир хонларда.*

(Ты женщина, как ты можешь разбираться в лошадях, не только тебя, но и лошади нет у меня)

В языке изучаемого нами узбекского эпоса «Далли» из цикла дастанов «Гўрўғли» встречаются и редупликаты, которые лингвистически отличаются от лексических повторов. Различие между этими явлениями заключается в том, что компоненты редупликата функционируют как морфема в структуре одного и того же слова, а лексический повтор - как самостоятельная лексико-грамматическая единица в синтагматическом строении предложения или

сложного синтаксического целого (дискурса). Кроме этого, лексический повтор может располагаться контактно и дистантно в структуре предложения или сложного синтаксического целого, а компоненты редупликата, в отличие от лексического повтора, всегда располагаются контактно. Сравните наши примеры, взятые из языка «Далли» из цикла дастанов «Гўрўғли»:

а) **Маҳкам-маҳкам** катта сафлар,

(Более сильные ряды,)

Чечан одам гапни бошлар [180, с.97] – редупликат: **маҳкам-маҳкам**;

(Чеченец начинает разговор)

б) Менинг отим тулпорларнинг **тулпори**,

Тулпорлардан зиёд эди шоҳлари – лексические повторы: а) **тулпорларнинг тулпори** (контактно); б) **тулпорларнинг тулпорлардан** (дистантно).

Таким образом, как свидетельствуют фактические материалы языка художественных фольклорных произведений, лексический повтор, а также и повтор других ярусов языка имеет прямое отношение к явлению синергетики, а синергетика - к явлению асимметрии плана выражения и плана содержания языкового знака. Лексический повтор, в свою очередь, тоже является своеобразным языковым знаком, который отличается от других знаков языка своей вторичностью по отношению к первичному знаку. Первичным знаком мы условно рассмотрим слова, которые в речи употребляются повторно, т.е. вторично.

В своём лекционном курсе Ф. де Соссюр впервые в лингвистике чётко определил язык не просто как систему, а как знаковую систему. Он показал, что единицы языка представляют собой двустороннюю сущность: у них есть означающее (или план выражения) и означаемое (или план содержания). Означающее всегда материально, оно имеет физическое выражение: это либо цепочка звуков в устной речи, либо последовательность букв на письме, выстроенных в определённом порядке. Означаемое – это то содержание, которое в языке стоит за этой цепочкой звуков (или букв). Таким образом,

знаками в сосюрловском понимании являются такие языковые единицы, как морфемы, слова, словосочетания и предложения. При том, что сам Сосюрлов достаточно подробно описал различные свойства и противоречия, присущие языковым знакам, он не обратил внимания на тот факт, что очень часто между двумя сторонами знака - означающим и означаемым - нельзя установить взаимно-однозначного соответствия, что знакам языка во многих случаях свойственна асимметрия. Впервые эта особенность языковых единиц была отмечена и описана в статье С. О. Карцевского «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» [76, с. 12]. Именно С.О. Карцевский показал, что знаки языка часто устроены таким образом, что одному означаемому соответствуют несколько означающих или, наоборот, одному означающему можно поставить в соответствие более чем одно означаемое, поскольку, по мнению автора, эти две стороны знака по самой своей природе пребывают «в состоянии неустойчивого равновесия».

Асимметрия плана выражения и плана содержания активно обнаруживается в синтаксическом строе разговорной и художественной речи, а также в языке фольклорных произведений. Первоначальное ее появление теснейшим образом связано с **с и н е р г е т и к о й**, что характеризуется наличием и функционированием двух взаимосвязанных друг с другом логико-грамматических закономерностей, таких как **и з б ы т о ч н о с т ь** и **э к о н о м и я** единиц (языкового знака) синтаксического уровня.

2.3. Повтор как явление синтаксической стилистики

Повтор – явление синтаксической стилистики. В синтаксической стилистике наиболее важными являются синтаксические фигуры, к системе которых относятся явления **а н а ф о р ы**, **э п и ф о р ы**, **г р а д а ц и и**, **р и т о р и ч е с к о г о в о п р о с а** и др. Среди этих стилистических фигур с повтором имеют непосредственную связь явления анафоры и эпифоры.

Анафора – синтаксическая фигура, которая выражается повтором предложений, строф, абзацев. Посредством этих явлений образуются

параллелизмы разных типов и разновидностей. В большинстве случаев анафора функционирует как способ взаимоотношений и взаимосвязей отдельных предложений, строф, абзацев в речи.

Разновидностями анафоры являются повторы в формах отдельных членов предложения, словосочетаний и предложений.

а) имеет характер анафоры повтор первого компонента словосочетания:

Инсон тафаккурига, Инсон жасоратига

(*Человеческое, достоинство, человеческое достоинство*)

Бугун яна таъзим-ла «Ташаккур!» - дейди олам [164, с. 78];

(*Опять с луком “Спасибо!”*)

б) имеет характер анафоры слово, с которого начинается предложение:

Кўринур тишларга теккан шишадек Капитализмнинг увоқ кукуни,

(*Как зияния видимых зубов, яма капитализма,*)

Кўринур даҳшатлар тўла туш каби, Мазлумлар охининг кўкда тутуни
[161, с. 243];

(*Страшные ужасы похожи на сон, дым угнетённых стрел*)

Анафора часто используется в связующей и объединяющей функции. Так, в нижеприведенном примере мысль писателя связать, объединить разрозненные объекты наблюдения своего героя в одно целое осуществляется при помощи повтора слова now.

There stood Dick, gazing now at the green gown, now at the brown head-dress, now at the face, and now at the rapid pen in a state of stupid perplexity [184, с. 54]. (*Там стоял Дик, пристально глядя то на зелёное платье, то на коричневый головной убор, то на лицо, а теперь вот на бегло строчащее перо в состоянии тупой растерянности.*)

Анафора часто сочетается с эпифорой, образуя, таким образом, кольцо. Подхват нередко сопровождается простым усилительным повтором. Многосоюзие почти всегда влечет за собой синтаксический повтор. В предложении, приведенном ниже, дано сочетание многосоюзия и эпифоры:

Например:

And Mrs. Garl and was the rend Mr. Abel was there, and Kit's mother was there, and little Jacob was there, and Barbara's mother was seen in remote perspective [184, с. 55].

(и миссис Гарленд была там, и мистер Абель был там, и мать Кит было там, и мальш Джейкоб был там, и мать Барбары проглядывалась где-то там вдали.)

Многосоюзие — это стилистический прием связи отдельных частей высказывания, в котором союз или союзное речение повторяются перед каждым компонентом. Многосоюзие всегда связано с перечислением однородных членов предложения и, в большинстве случаев, имеет функцию выделения каждой составной части ряда (которую можно также назвать разделительной функцией). Например:

"The heaviest rain, and snow, and hail, and sleet, could boast of the advantage over him in only one respect" [184, с. 59].

(Сильнейший ливень, и снег, и град и слякоть могли иметь преимущество над ним только в одном отношении.)

Повторение предлога with в поэме Лонгфелло "The Song of Hiawatha" использовано с той же целью:

"Should you ask me, whence these stories?"

(Должны ли вы спросить меня, откуда эти истории?)

Whence these legends and traditions,

(Откуда эти легенды и традиции,)

With the odours of the forest,

(С запахами леса,)

With the dew and damp of meadows,

(С росой и сыростью лугов,)

With the curling smoke of wigwams,

(С вьющимся дымком вигвамов,)

With the rushing of great rivers,

(*Со стремительным течением,*)

With their frequent repetitions,

(*С их частыми повторениями,*)

And their wild reverberations,

(*Их дикими отзвуками,*)

As of thunder in the mountains?" [158, с. 88]

(*Как громов горах?" Подобными раскатам*)

Повторы союзов и союзных речений придают ритмически организованный характер высказыванию. Иногда ритм, указанный многосоюзием, приближается к стихотворному тексту. Союзы являются безударными элементами предложения и, поставленные между словами полнозначными, образуют чередование неударных и ударных элементов. Таким образом, многосоюзие имеет и функцию ритмической организации высказывания.

Повторы союзов служат также для объединения высказывания в единое смысловое целое. Объединительная функция многосоюзия вытекает из самой природы союзов.

Многосоюзие иногда используется в функции типичной для наречия *then*, т. е. для выражения последовательности.

Так, в отрывке из романа Ч. Диккенса "Our Mutual Friend" многосоюзие используется для обозначения ряда последовательных действий.

"Then Mr. Boffin sat staring at a little bookcase of Law Practice. and Law Reports and at a window, and at an empty blue bag, and a stick of sealing-wax, and at a pen, and a box of wafers, and an apple, and a writing-pad — all very dusty — and at a number of inky smears and blots, and at an imperfectly disguised gun case pretending to be something legal, and at an iron box labelled "Harmon Estate", until Mr. Lightwood appeared."

(«*в тот момент мистер Боффин ... сидел, уставившись на маленький книжный шкаф с книгами по юридической практике и с юридическими*

отчётами у окна, а также на пустой синий пакет, и на палочку сургуча, и на ручку, и на коробку с вафлями и на яблоко, и на блокнот для записей – всё было покрыто слоями густой пыли - не отрывал он глаз от скоплений чернильных клякс и пятен, от плохо замаскированного футляра для оружия, создающей видимость чего-то законного, от железной коробке с надписью «имение Хармона»; пока он созерцал все эти наводящие скуку предметы не появился мистер лайтвуд. ")

К многосоюзию как стилистическому приему относится повторение отдельных частиц, поскольку они, подобно союзам, не являются полнозначными словами поскольку при повторении они проявляют те же функции, что и союзы.

Например:

Not colour or creed or race or class whether he is white or blue or green.

[181, с. 62]

(Ни цвет, ни вероисповедание, ни раса, ни социальный статус, будь то белый, синий или зелёный.)

Повтор называется и «репризом». К повтору или репризу относится стилистический прием, основанный на двукратном, а иногда многократном повторении одного слова, одной синтаксической конструкции в одних и тех же членах предложения. Повтор (или повторение) представляет собой прием смыслового обособления слова или фразы в целом.

Повтор может быть непосредственным, т.е. представлять собой непосредственное повторение слов «белый, белый снег» или же повторяться в начале абзаца или строфы стихотворения, речи автора и просто художественного произведения. Такая же природа характерна и для лексического повтора в английском языке.

Ср. **My dear, dear, mummy** (Моя дорогая, дорогая, мамочка), **many, many years ago** (много-много лет назад), **hurry, hurry, you, man** (поторопись, поторопись, ты, чувак), **Good-good my dear** (Хорошо, хорошо, моя дорогая).

Прием повторения позволяет выделить определенную мысль. Повтор всегда включает одни и те же члены предложения [110, с.29]. Таким образом, под термином «повтор» должны рассматриваться повторения единиц фонетического, морфемного, словообразовательного, морфологического и синтаксического уровней языка, которые функционируют в речевом потоке и в предложении. Повтор такого характера нельзя смешивать с явлением повторных слов типа **тог-тог** (*пахта*) (*горы (хлопка)*) **тўда-тўда** (*одамлар*), (*куча людей*) **шода-шода** (*маржон*), (*связка (бус)*), **гуруҳ-гуруҳ**(*йигит-қизлар*), (*группа молодёжи*) **тонна-тонна** (*мева*), (*тонны фруктов*) **гул-гул**(*очилмоқ*), (*расцветать (как цветы)*) **ариқ-ариқ**(*сув*) (*арычное полноводье*) – **имена существительные**; **катта-катта** (*уйлар*), (*большие стройки*) **иссиқ-иссиқ** (*овқатланмоқ*), (*горячая еда*) **қизиқ-қизиқ** (*гаплар*), (*интересные слова*) **баланд-баланд** (*тепаликлар*), (*очень высокие холмы*) **ширин-ширин**(*мевалар*), (*сладкие - пресладкие*) **кенг-кенг** (*далалар*) (*поля, оченьпросторные поля*) – **прилагательные**; **битта-битта**, (*по одному*) **минг-минг** (*тысячи*) **миллион-миллион**(*миллионы*) – **числительные**; **шу-шу**, (*эта, это, эти же*) **мана-мана**, (*вот-вот*) **уша-ўша** – (*тот же*) **местоимения**; **бориб-бориб**(*иди и иди, не останавливаясь*), **туриб-туриб**, (*стоять, в долгом ожидании*) **айта - айта**, (*на самом деле*) **бора-бора**, (*показывает на стадию, постепенно*) **(кўтар-кўтар)**, (*подольщаться*) (*переносное значение*) **ўйлай-ўйлай**(*раздумывая*) – **глаголы**; **тез-тез**, (*быстро, очень часто, на скорую руку*) **секин - секин**, (*медленно (стадия, в час по чайной ложке)*) **зинхор-зинхор**, (*нисколько*) **ҳали - ҳали**, (*до сих пор, всё же; всё ещё*) **сира-сира**, (*совсем, вообще, не в моём случае*) **кейин-кейин**(*потом, позже, стадия, период, после*) – **наречия**; **шилдир-шилдир**, (*журча*) **пиқ-пиқ**, (*шпора*) **тақ-тақ**, (*звук треска*) **қисир-қисир**, (*звук подковы, цок - цок*) **тап-тап**, (*хлопая*) **пис-пис**, (*тихо, мирно*) **ялт-ялт** (*с блеском, сияющий*) – образные слова(мимемы) и т.д.

Повторные слова активно употребляются и в английской речи: **goody-goody**(*teacher's pet*) (*гуди-гуди (домашнее животное учителя)*), **very-**

very(очень-очень), **billion-billion** (миллиард миллиардов), **more and more** (всё больше и больше), **top-top** (тон-тон), **clap-clap** (хлоп-хлоп), **giggle-giggle** (хихи - хаха), **step-step**(шаг за шагом), **buy-buy**(бай-бай), **slowly-slowly**(медленно-медленно), **walk on walk on**(иди-иди), **so-so**(так -так), **tap-tap**(тук-тук), **day by day**(и так изо дня в день), **foo-foo** (дурак), **boo-boo** (нелепая ошибка, промах), **kwela-kwela** (полицейская машина) **she-she** (молодая привлекательная женщина)**boom boom**(солдат пистолет или ружье(имитация звука выстрела).

В составе повторных слов «повторяются» не слова, а две однозначные в отношении фонетического оформления морфемы, т.е. коррелятивные части структуры повторных слов относятся к корневым морфемам, а не самостоятельным словам. А в повторе лексического характера повторяются слова или словоформы с определенным грамматическим значением: повторные корреляты могут быть больше двух, что невозможно для состава повторных слов. Кроме этого, под суммой коррелятивных частей повторного слова подразумевается одна лексико-грамматическая единица. Повторные слова изучаются в морфологии, как одним из ее объектов; повтор лексического и других аспектов языка – это объект изучения стилистической грамматики.

2.4. К вопросу о дифференциальном подходе к редупликации и повтору

Термин «повтор», как отмечалось выше, дублируется термином «редупликация». Но между этими явлениями имеется существенное различие: сфера функционирования повтора шире, чем сфера функционирования редупликации. Редупликация - это лишь одна из разновидностей повтора.

Под редупликацией понимается явление, представляющее собой способ словообразования, образования грамматических форм и

фразеологических единиц путем полного или частичного повтора целого слова, корня или основы слова.

По **типу** связей мы выделяем три вида редупликаций:

1) лексическая — повторяемость слова или группы слов с характерной для них грамматической вариативностью, заключающейся в трансформации грамматического и семантического значения, проявляющейся в многозначности слова.

2) семантическая — повторение лексического значения слова или отдельной его части при различной форме языковых единиц или редупликации одного и того же семантического компонента.

3) синтаксическая — повторяется значение, которое реализуется в тождественном построении предложения или фрагментов речи, а также в повторении синтаксических конструкций, содержащих лексические и семантические повторы.

Каждый из видов редупликации по **характеру** расположения в структуре текста подразделяется на подвиды: дистантная редупликация, контактная редупликация, частичная редупликация и составная редупликация. Под редупликацией понимается явление, состоящее в удвоении начального слога (частичная редупликация) или целого корня (полная редупликация).

Полная редупликация – это повтор, т.е. удвоение слов в целом (ср. русск. «еле-еле», «белый-белый»); образование таких форм смыкается со словосложением. При редупликации гласный корня может повторяться, но может появляться и другой гласный. Например, в редупликации типа **иш-пиш** («*всякие работы*»), **туз-пуз** («*соли*») в узбекском языке гласный (-и_) первой части редупликата повторяется во второй части; а в редупликатах типа **лаш-луш** («*всякие вещи*»), **кора-сура** («*всякие чёрные*») – во второй части редупликата появится другой гласный—гласный **у: о—у**.

Редупликация свойственна языкам различного грамматического строя. Особую разновидность повтора представляют собой неполные повторы в

тюркских языках, где первая согласная заменяется губной /п/, /б/ или /м/; такие пары-повторы имеют значение собирательных существительных: например. в казахском языке жылқы «лошадь», жылқи-мылқы-«лошади и другой скот» (собирательное «лошадью»); туйё «верблюд», туйё-муйё «верблюды и прочий скот»(собирательное «верблюдьё»); в узбекском языке чой-пой «чайшко», туркменское китап-митап «книжонки»; есть такие «чудные» слова со значением «неопределенной совокупности» и в русском языке: тары-бары, шуры-муры, фигли-мигли, гоголь-моголь, шурум-бурум, шуры-муры и т.п.

Функции редупликации (повтора) многообразны: она может выражать грамматические значения и, чаще, редупликация выступает как средство варьирования лексического значения, выражая интенсивность, дробность, уменьшительность и т.п.

Редупликация (и повтор) широко используется при образовании видеофонов и звукоподражательных слов.

Исследователи утверждают, что понятие повтора первоначально появилось в разговорном синтаксисе в качестве избыточного материального элемента, непреднамеренного, вызываемого сомнением в правильности выбора слова. Появление повтора в литературном языке (в литературном синтаксисе) – позднейшее явление.

Первая, начальная, ступень вхождения конструкций с повторами в литературный язык – отражение в языке персонажей художественных произведений, что подтверждается следующими примерами, взятыми из художественной прозы в русском языке: ***Вы простите, простите меня, Николай Иванович*** [84, с. 78]; ***Хватить бездельничать — все операции, операции*** [84, с. 81] и др.

Полные повторы типа *choo - choo, too - too* «поезд», *тоо - тоо* ‘корова’, *bow - bow* ‘собака’ (ср. с рус.ту-ту, му-му, гав-гав) особенно характерны для детских форм (термин Блумфильда).

Слова этой группы могут включать основы слов литературного стандарта (dust - dust), основы диалектных слов (kittle - cattle) «ненадежный тип», основы просторечных слов (flub - dub) «увалень, бестолочь».

Все образования первой группы обладают иронически-шутливой коннотацией и входят в разряд свободных аналогов.

Во второй группе значительное место занимают «детские формы» шутливо-ласкательной и уменьшительной коннотации: tum - tum ‘животик’(tummy), beddie - weddie ‘кровать’ (bed), handsy - wandsy ‘ручки’(hand), goody - goody ‘пай-мальчик’.

Так же как и редупликаты первой группы, редупликаты второй группы являются свободными аналогами

2.5. Лексический повтор и параллелизм в сопоставляемых языках

В узбекской поэтической речи и в языке фольклорных произведений активно употребляется лексический повтор в функции синтаксического параллелизма.

Синтаксический параллелизм—это одинаковое грамматическое построение двух или нескольких рядом стоящих предложений, имеющих между собой образно-смысловую связь, включает в себя обычно и лексическую параллель или переплетается с приемом антитезы. Примеры лексико-грамматического параллелизма:

1. *Муқаддас, муътабар улуг Ватаним,*

(Моя святая, величественная Родина,)

Шарафлар, шонларга тўлиг Ватаним [178, с. 14];

(Слава тебе, слава, моя родина)

2. *Яхши бола шон келтирар, ёмон бола қон келтирар* (пословица);

(Хорошие дети - успех, а плохие - кровь (т.е. смерть))

3. *Дилга берар завқуором ширин сўз*

(Словом можно наслаждаться,)

Беморни ҳам этар соғлом ширин сўз [167, с. 23]

(Словом можно оживить)

В предложении (пословице) **«Одил киши сўзига бино қўяр, нодон киши ўзига бино қўяр»** (Праведники говорят красиво, а глупцы своей мнимой красотой кичатся) первый параллелизм (одил киши-нодон киши) переплетен с приемом антитезы. В качестве приема антитезы выступает синтаксический параллелизм-парадигма лексических антонимов одил (киши) и нодон (киши).

В пословицах-предложениях узбекского языка, который имеет полипредикативный характер, параллелизм может встречаться в начале, в середине и в конце предложения. Так, например, в пословице:

Бой бўлиб ҳеч ким ёпмас ернинг юзини,

(Богатый человек себя, лицом земли мнит,)

Сулув бўлиб ҳеч ким ёпмас куннинг кўзини

(А красивый человек, солнца собою не затмевает) являются параллелизмами:

- а) бой бўлиб—сулув бўлиб (в начале предложения-пословицы);
- б) ҳеч ким ёпмас—ҳеч ким ёпмас(в середине предложения-пословицы);
- в) ернинг юзини—куннинг кўзини (в конце предложения-пословицы).

В следующих пословицах - предложениях встречаются двойные параллелизмы разного характера:

- а) в начале предложения-пословицы параллелизм носит характер словосочетания в позиции подлежащего, в конце предложения-пословицы – в позиции сказуемого:

Юришни билмаган йўл бузади (букв: Не умеющий ходить винит дорогу,)

Сўзлашни билмаган эл бузади йўл бузади—эл бузади) (Не умеющий говорить вносит смуту в народ.)

- б) в начале предложения-пословицы параллелизм имеет характер словосочетания в позиции подлежащего, в конце в функции параллелизма -

слово в позиции сказуемого *Тикан захри- учида, душман захри – ичида* (тикан захри—душман захри; учида—ичида); (*Яд – в острие шипа ;яд врага – внутри него самого*);

в) в начале предложения-пословицы в функции параллелизма слова в позиции подлежащих, в конце предложения-пословицы в функции параллелизма – сложные глаголы в позиции сказуемого:

Томчи сел бўлмас, душман эл бўлмас (томчи-душман; сел бўлмас—эл бўлмас);(*Одна капля никого не утопит враг никогда не превратится в друга.*)

г) в начале предложения-пословицы в функции параллелизма - словосочетания в функции подлежащего, в конце предложения-пословицы в функции параллелизма тоже словосочетания в позиции сказуемого:

Тез ёнган ўт тез ўчар, тез ёққан ёмгир тез тинар (тез ёнган—тез ёккан; тез ўчар—тез тинар). (*Быстро горящий огонь быстро гаснет. Быстро идущий дождь быстро заканчивается*);

Таким образом, повтор играет важную роль в точном и ясном выражении мысли говорящего. В книге «Античные теории языка и стиля» отмечается: «Дело в том, что если ты дал одну из фигур притяжения новой мысли и если затем тебе приходится вставить еще ряд других мыслей, которые нарушают последовательность, то **п о в т о р е н и е** и уточнение необходимо во избежание неясности и спутанности речи».

Таким образом, следует вывод о том, что повтор является важным средством художественно-поэтической речи для выражения уверенности, заверения, различных эмоционально-экспрессивных значений.

Разновидности повтора и его отношение к смежным явлениям нуждаются в специальном монографическом рассмотрении. Кроме того, повтор должен изучаться на материале разноструктурных языков, что может стать объектом серьезных исследований крупного, монографического плана.

Характер собранного нами факто логического материала по лексическому повтору узбекского и английского языков свидетельствует о том, что изучение этого явления на материале разноструктурных языков – одна из актуальнейших и своевременных задач современного синхронно-типологического языкознания.

Для исследователей весьма интересным представляется такое языковое явление, как «лексический повтор». Функция лексического повтора осуществляется в основном на синтаксическом уровне языка. Это объясняется тем, что повтор (или реприза) является «дополнительным синтаксическим средством». Наряду с отвлеченными значениями грамматического порядка, повтор всегда вносит экспрессивные оттенки, акцентирует тот или иной смысл и функционирует как одна из широкоупотребительных стилистических фигур [16, с. 112].

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой повтор характеризуется как «полное и частичное повторение корня, основы или целого слова без изменения их звукового состава (или с его частичным изменением); как способ образования слов, синтаксических и описательных форм и фразеологических единиц», как «фигура речи, состоящая в повторении звуков, слов и выражений в известной последовательности», перечисляются следующие основные разновидности: повторы звуковые, повторы слов, повтор эмоциональный и др. [28, с. 189].

Так, например, в предложении–поговорке *«Ёмгир ёғди-мой ёғди, (Будет дождь- будет масло) қор ёғди – нон ёғди»* (будет снег – будет хлеб) в узбекском языке нельзя изъять (пропустить) повторяющееся слово «ёғди» из синтаксической структуры многокомпонентного сложного предложения, в противном случае разрушается нормальный грамматический строй данного сложного полупредикативного предложения, в структуре которого повторяется глагол «ёғди», плюс к этому – потеряется его смысл: Сравн.: *«Ёмгир ёғди – мой...(?)// Ёмгир ёғди- мой ёғди, қор..., нон ёғди»(?)// “Ёмгир ёғди – мой ёғди, қор ёғди – нон...»(?).*

Повтор иногда называется и “удвоением”, “репризом”, который усиливает значение слова в том или ином отношении. Эта возможность особенно четко прослеживается в разговорной речи. В языках мира слова-повторы чаще всего выступают как показатели грамматической категории множественного числа имен, категории разделительных числительных, категории превосходной степени прилагательных и т.д. [121, с. 154].

Существуют разные виды повтора. Э.Г. Ризель, обращая внимание на формальную сторону, указывает три его вида: **дословный повтор**, **повтор слова** с изменением его формы, **повтор синонимичных слов**. Каждый из этих видов повтора, в свою очередь, имеет соответствующие свои внутренние подвиды [113, с.187].

Повторы являются и средством второй номинации. В этой функции широко употребляются все знаменательные части речи, чаще всего имена существительные и глаголы.

В одном предложении могут функционировать несколько повторов разного характера. Например, в русском предложении: Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет (Лебедев-Кумач) - одновременно встречаются повторы разного характера: синтаксического, лексического и морфологического. Данный отрезок, речи является сложносочиненным предложением бессоюзного типа, которое состоит из двух предикативных частей:

- а) молодым везде у нас дорога;
- б) старикам везде у нас почет.

Повторы разного характера обнаруживаются и во второй предикативной части данного сложного предложения. Повторяются:

- а) дополнение детерминативного характера (**старикам, «молодым»**);
- б) обстоятельство места детерминативного характера (**у нас**);
- в) главный член односоставного предложения (**почет, дорога**);
- г) повтор морфологического характера (**у нас - у нас**)

В двух из них переплетен (совмещен) характер двух типов повтора:

1) лексический и морфологический (**у нас – у нас**) и 2) лексический и синтаксический (езде - езде).

Повтор выполняет строевую функцию, что в чистом виде обнаруживается в диалогах, и называется репликой – повтором [146, с. 208] Строевая функция повторов в диалогах является объектом специального рассмотрения в тюркологии. Повторы разного типа активно обнаруживаются и в узбекской художественной и разговорной речи. Например, стихотворение Ф. Умридинова «**Йигит бўлсанг**» («Если ты настоящий мужчина»), это сложное синтаксическое целое, состоящее из 28 сложноподчинённых предложений с придаточным условия, где 27 раз повторяется придаточная часть «**йигит бўлсанг**» (если ты мужчина) сложного целого. Сравните:

Йигит бўлсанг, сўзинг ерда қолмасин,

(Если ты мужчина, слов на ветер не бросай,)

Йигит бўлсанг, ошинг биров олмасин,

(Если ты мужчина, своё чужим не отдавай).

Йигит бўлсанг, тоғни талқон қилиб кур,

(Если ты мужчина, сумеи справиться с трудной работой,)

Йигит бўлсанг, балоларга қарши тур.

(Если ты мужчина, сумеи противостоять злу)

Йигит бўлсанг, ўз кўчингга ишонгин,

(Если ты мужчина, доверяй своей силе,)

Йигит бўлсанг, голиб чиқ ва қувонгин.

(Если ты мужчина, побеждай и радуйся)

Приведенный пример относится к явлению условного периода в узбекском языке, которое «сильно распространено в многочленном сложном предложении, характеризующемся со стороны содержания значительной полнотой и законченностью выражения мысли, единством темы...» [114, с. 99].

В свою очередь, и английский язык так же, как и узбекский отличается насыщенностью повтора в художественной и разговорной речи. Например, две строки Шекспира содержат целую энциклопедию повтора:

Beauty is truth, truth beauty, - that is all

(Красота является истиной, и этим всё сказано)

You know one arth, and ally ouneed to know [177, с.176].

(Вы знаете все, что надо знать на этой земле)

Повтор может выполнять несколько функций в английской поэтической речи одновременно. В «Песне о Гайавате» Лонгфелло повтор создает фольклорный колорит, песенную ритмичность и закрепляет и подчеркивает взаимосвязь отдельных образов, сливая их в единую картину. Ср. эти функции повтора в отрывке данного стихотворения:

With the doors of the forest, *(С запахом леса)*

With the dew and damp of meadows *(С росой и торможением лугов)*

With the curling of great rivers, *(С крутящим больших рек)*

With the rushing of great rivers, *(Со спешкой больших рек)*

With the infrequent repetitions. *(С их частым и повторениями)* [23, с. 216].

Все примеры повтора, которые приведены нами выше, являются маркированными, т.е. имеют фонетический облик. Бывают повторы, которые под влиянием закона экономии языковых единиц лишены звуковых выражений, т.е. фонетического оформления. Повторы такого характера чаще всего встречаются в предложениях-пословицах и поговорках в узбекском языке. Так, например, слово «**ортар**» не маркировано (без звукового оформления), повторяется в структуре второго компонента бессоюзного сложносочиненного предложения «**Меҳнатдан дўст ортар, гийбатдан душман**» (*Меҳнатдан дўст ортар, гийбатдан душман ортар*). (Дружбу цени, а зло забывай) Также «повторный» коррелят “бўлмас” формально (маркирован) отсутствует в структуре второго компонента бессоюзного сложносочиненного предложения «**Аҳмоқнинг моҳири бўлмас, дўстликнинг - охири**», (*Дружба крепка не лестью, а правдой и честью*). Подобный

характер имеет структура пословицы *«Каттани катта бил, кичикни кичик»* (аналог) *(Всяк сверчок, знай свой шесток)* в узбекском языке, где коррелят повтора «бил» не имеет формального выражения, т.е. является немаркированным. Следует отметить, что восстановить и включить в структуру немаркированные корреляты повтора стилистически невозможно: конструкция предложения разрушается. Сравните:

1. *Меҳнатдан дўст ортар, гийбатдан - душман*

Меҳнатдан дўст ортар гийбатдан душман ортар[175, с. 11]

(Дружбу цени, а зло забывай)

2. *Аҳмоқнинг моҳири бўлмас, дўстликнинг – охири*

(Дружба крепка не лестью, а правдой и честью).

– *Аҳмоқнинг моҳири бўлмас, дўстликнинг охири бўлмас*[175, с. 11];

- *(Дружба крепка не лестью, а правдой и честью);*

3. *Каттани катта бил, кичикни - кичик*

-Каттани ката бил, кичикни кичик бил.

(Всяк сверчок, знай свой шесток)

Языковые (точнее речевые) данные такого характера, в которых повторы не имеют фонетического оформления, многочисленны в узбекском языке и в языках иного грамматического строя, и это является объектом самостоятельного изучения.

В литературе отмечается несколько разновидностей повтора, но мы в данной работе основное внимание заострили на явлении параллелизма, которое «органически» тесно взаимосвязано с явлением повтора: «повтор – это есть параллелизм, а параллелизм – это есть повтор».

Таким образом, на основе повтора формируется параллелизм. Параллелизм понимается как одинаковое синтаксическое построение, в котором одинаково располагаются сходные члены предложения соседних предложений или отрезков речи [87, с. 86]. В некоторых работах узбекских исследователей, например профессора Б.Л. Уринбаева, параллелизм

смешивается с повтором. В его монографии «Синтаксический строй узбекской разговорной речи» отмечается, что «во многих языках существует особая разновидность синтаксических построений, компоненты которых имеют общую корневую морфему. Речь идет о хорошо известных выражениях типа куй-куйламоқ (*мелодия – петь*) иш-ишламоқ (*дело – работать, трудиться*) китобдан китобга (*с книги в книгу*) фан ҳақида фан, (*наука о науке*), урушсиз уруш (*война без войны*) ўқувчилар ўқитувчиси (*учитель учеников*) и т.д., названных нами параллелизмами» [134, с. 25]. Примеры, которые приведены выше Б. Уринбаевым для указания параллелизма, не относятся к этому явлению языка. Первые два из них являются супплетивными парами лексического плана, а остальные являются собственными повторами разного характера, а не параллелизмами. Параллелизмы как выразительные средства языка функционируют обычно в развернутой речи, а не в составе обычных словосочетаний.

Параллелизмы - тоже сложные явления. Они бывают свободными (ўша гап - гап (*как и сказано*), **ўйлаб гапир, ўйлаб** (*думай, что говоришь*), **учиб келди, учиб**(*прилетел*) и т.д.) и зависимыми (Беш куним – хуш куним (*Жить припеваючи*), **Қўшнинг тинч, сен тинч**) (*В единстве сила*); предикативными (*Дил дилга қувват* (*В единстве сила*), **Сенинг бахтинг-менинг бахтим**) (*Твоё счастье – мое счастье*) и непредикативными (Элдан эл кетса, кулфат); именными (кунлардан бир кун (*однажды*) ойдан-ой., (*месяцами*) йилдан-йил...(год за годом) и др.) и глагольными (айтганим-айтган(*будет как я сказал*), кулгани-кулган (*постоянно смеётся, улыбается*), олганим-олган (*берет регулярно*), дегани-деган (*упорно наставить*) и т.д.) Каждый из них может стать объектом отдельного рассмотрения.

Таким образом, параллелизм, как правило, сопровождается лексическим повтором, на основе которого, как отмечалось выше, формируется параллелизм.

В словаре О.С. Ахмановой параллелизм рассматривается как “связь между отдельными образами, мотивами и т.п. в произведении речи,

выражающаяся в одинаковом расположении сходных элементов; одинаковое расположение сходных членов предложения в двух или нескольких смежных предложениях”. В качестве одного из примеров взято русское предложение-стихотворные строки “Я стою у раскрытых дверей, Я слежу за работой твоей”, где на основе повтора местоимения “я” образован параллелизм [28, с. 328].

Параллелизм является одним из условий формирования и организации предложений в речи. Например, с сочетанием “и вот”, которое функционировало как параллелизм, формировалось следующее предложение: *“И вот грянул оркестр – и душа ваша предощущает в его звуках те впечатления, которые готовятся поразить ее; и вот поднялся занавес – и перед взорами вашими разливается бесконечный мир страстей и судеб человеческих!”* [154, с. 68].

Узбекская литературная речь богата параллелизмами разного характера. Характер параллелизма определяется индивидуальным новаторством каждого мастера художественного слова. В отрывке из одного из стихотворений Р. Бабаджана с помощью числительного “тўққиз” (девять) формировались следующие предложения:

Кўкдаги еттимас, тўққиз қароқчи,

(В небе не семь, а девять разбойников)

Манзилга қарасам, тўққиз қароқчи.

(Смотрю на дорогу - девять разбойники)

Тўққиз айгоқчи, тўққиз кўз билан

(Девять сыщиков с девятью парами глаз)

Ҳафталар еттимас, тўққиз кун худди [156, с. 47].

(Будто в неделе не семь, а девять дней)

В узбекской литературной речи широко употребляются все виды параллелизма: фонетический, морфемный, словообразовательный, лексический, морфологический, синтаксический, каждый из них может стать объектом специальных будущих научных исследований. Следует

подчеркнуть, что важным является изучение параллелизма как выразительного средства художественно-литературной речи в синхронно-сопоставительном аспекте на материалах языков разного грамматического строя, и этого требует современная наука о языке.

Выводы по второй главе

Повтор неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, начиная с Античности и далее в течение всего развития и становления лингвистики: к проблеме повтора обращались философы и логики, он изучался в рамках риторики, литературоведения, психологии.

Изучение повтора предполагает необходимость исследования причин его возникновения в речи, поскольку понимание психологической, эмоциональной и социологической мотивации повтора позволяет раскрыть наиболее полно особенности его функционирования в тексте.

Функционирование лексического повтора — это объект изучения экспрессивного синтаксиса, потому что это явление функционирует в грамматике: в связном тексте, вернее, в предложении. В предложении повторяются словоформы, а не лексемы. Словоформы, как нам известно, изучаются в грамматике, а не лексикологии.

Повтор имеет место в микротексте, формирующегося на основании анафорического (указания на предшествующее) и катафорического (указания на последующее) способов связи. Анафорические средства выражения когерентности микротекста устанавливают связи последующего предложения с предыдущим, а функция анафорических средств, наоборот, состоит в установлении правосторонней связи между предложениями микротекста.

Синергетика—новое современное междисциплинарное направление исследования систем, состоящих из большого числа компонент или подсистем, сложным образом взаимодействующих между собой. В результате такого взаимодействия возникают процессы, которые приводят к самоорганизации систем.

В языке художественных произведений типа узбекских дастанов (эпосов) обнаруживаются многочисленные повторы разного характера, среди них важным является лексический повтор.

Повтор, независимо от того, к какому ярусу языка он относится, противоположен литературной норме. Однако под влиянием синергетики повтор всякого рода постепенно ассимилируется, т.е. подчиняясь литературной норме, приобретает характер системности.

Повторы передают значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации; служат важным средством связи между предложениями, при этом иногда предметно-логическую информацию бывает трудно отделить от дополнительной информации.

Лексический повтор, в свою очередь, является своеобразным языковым знаком, который отличается от других знаков языка своей вторичностью по отношению к первичному знаку.

Под термином «повтор» должны рассматриваться повторения единиц фонетического, морфемного, словообразовательного, морфологического и синтаксического уровней языка, которые функционируют в речевом потоке и в предложении. Повтор такого характера нельзя смешивать с явлением повторных слов.

Повтор—это вторичная номинация, неисчерпаемый резервуар развития значения слов, поскольку неисчерпаемы ресурсы контекст образования.

Лексические повторы в синтаксисе служат в качестве строевой роли. Строевая роль лексических повторов, пожалуй, в наиболее чистом своем виде обнаруживается в диалоге.

Лексические повторы различного вида широко используются для придания экспрессивности художественному тексту.

Повторение слов способствует большей силе высказывания, большей напряженности повествования.

Функция повтора в разговорной речи значительно разнообразнее, чем только выполнение коммуникативных задач. Средства языковой экономии и языковой избыточности в разговорной речи – явления хотя и противоположные, но оба представляют слабые элементы разговорной речи.

Любой повтор вносит элемент п л е о н а с т и ч н о с т и в синтаксическую структуру, даже в случаях, когда он вызван требованиями художественной выразительности. Поэтому повторы тоже можно отнести к той группе элементов авторской обработки, которые создают полноту высказывания.

Лексический повтор тесно связан с явлением параллелизма.

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ ПОВТОРА НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА

Как было сказано выше, повторы всякого рода и их функционирование – результат влияния на язык и его структуру синергетики, что является современной общенаучной методологией, сопутствующей и конкурирующей с диалектической методологией. Повтор всякого рода – это **тавтология** в системе языка.

Сфера функционирования повтора охватывает все ярусы языка, от фонетики-фонологии вплоть до дискурса (микротекста) синтаксического яруса языка. Среди них важное центральное место занимает лексический повтор. Рассмотрим вкратце особенности повторов всех уровней языка, что поможет ясно представить лингвистический характер лексического повтора.

3.1. Повтор фонетического уровня

Очень богат фактами повтора узбекский язык, в котором активно употребляются все виды повтора, особенно в поэтической речи и фольклорных произведениях типа пословиц. Так, например, в нижеследующем отрывке, взятого из произведения Э.Вахидова, использован фонетический повтор, где повторились слова с начальным согласным «қ»:

Қаро қошинг, қалам қошинг,

Қийиқ, қайрилма қошинг, қиз.

Қилиб қатлимга қасд қайраб,

Қилич қотил қарошинг, қиз.

Қафасда қалб қушин қайраб,

Қанот қоқмоққа қўймайсан,

Қараб қўйгин қиё,

Қалбимни қиздирсин қуёшинг, қиз[157, с. 112].

Фонетический повтор имеет два вида:

- а) повтор в структуре одной и той же лексемы;
- б) повтор в структуре разных лексем.

Фонетический повтор в структуре одной и той же лексемы является внутренним повтором, повтор в структуре разных лексем — внешним, первый из них имеет нейтральный, не стилистический характер, здесь выпадение повторного звука или слога невозможно, поскольку разрушается фонетическая целостность слов.

Например, в структуре слов **катта, албатта** в узбекском языке контактно повторяется согласный звук «т»; а в структуре слов **башар, хашар** дистантно повторяется гласный «а»; в структуре слов **бозор, козон** тоже дистантно повторяется гласный «о» и т.д. Этому соответствует повтор звука аспирационного звука «t» в составе слов *little, kettle, settle, - remember, commemorate, moment - tomorrow, oratory, abroad, abstract, tick-tack, ding-dong* маленький, чайник, поселиться,... (- *помнить, увековечивать, момент - завтра, ораторское искусство, за границей, аннотация, тик-так, динг-дон*) в английском языке.

В структуре одной и той же лексемы могут повторяться и слоги разного характера. Так, например, в структуре слова **маънавият** дважды контактно повторяется открытый слог (маъ-на-ви-ят); в структуре слов **мамлакат**—дистантно повторяется закрытый слог (мам-ла-кат) и др. В структуре слова **гаплогология** контактно повторяется один и тот же слог—открытый слог – *ло-ло*.

Фонетический повтор в структуре разных лексем имеет стилистический характер, выполняет эмоционально-экспрессивную функцию. Повторы одних и тех же звуков в структуре разных слов в одном предложении являются одним из самостоятельных жанров узбекского фольклора, который называется «быстрое говорение». Ниже мы рассмотрим несколько разновидностей этого звукового повторения:

а) **повторяется гласный звук «о»:**

Олим Олимадан олма олдимми,

(Олим взял яблоко у Олимы,)

Олима Олимдан олма олдимми?;

(Или Олима взяла у Олима яблоко,)

б) повторяется гласный «ў»:

Ў юрак, ў—ў, юрак...йиглаюр, юрак,

(Сердце, ах, сердце, плачет оно)

Қон ютиб бағрини тинглаюр юрак;

(Сердца вздыхают и плачет горько)

Карим Каримага каромат кўрсатдимми?

(Карим создал добро для Карима?)

Карима Каримга каромат кўрсатдимми?;

(Карим взял на себя карму Карима?)

в) повторяется согласный звук «ж»:

Жамила, Жўра жўжаларни жикилллатиб жўнатди;

(Джамиля, Жора отправились в путь со своими цыплятами);

г) повторяется согласный звук «к»:

Каклик какликни кўкка кўтарди;

(Кеклик поднял кеклика вверх);

д) повторяется согласный звук «с»:

Сасиган сабзингни саватга солиб,

(Положив свою испорченную морковь в корзину,)

Самарканд сайқали сайлига сотган синглиси

(Направилась к Самарканду сестра)

Салимага саккиз саксон саккиз сўм солик солинсин;

(Восемро восемь и восемьдесят восемь рублей – налог на здоровье);

Содиқ сочиққа сочини суртдимми;

(Она распустила волосы по женскому полотенцу)

Сочиққа Содиқ сочини суртдимми?;

(Она уложила волосы на волосы)

е) повторяется согласный звук «т»:

Тут турпни туртиб турибдимми?

(У тебя есть жар)?

Турп тутни туртиб турибдимми?;

(Болеет ли трава от растущего рядом ревеня?)

Тошкентлик Тоштемирнинг тешаси тошлоқлик Тошболтанинг тешасиданмас; (Тошхоттская впадина в Ташкенте не похожа на Ташболту!)

Томдан тараша тарақлаб тушди;

Такого рода повторы фонетического характера имеются и в английском языке, например:

Swan swam over the sea.

(Лебедь плавал по морю).

Swim, swan, swim!

(Плыви, лебедь, плыви!)

Swan swam back again.

(Лебедь снова поплыл обратно).

Well swum swan! [185, с. 12]

(Хорошо поплывал лебедь)!

Как видно из примера, повторяется глухой согласный «s»

В следующем примере наблюдается повтор глухого согласного «c»:

How can a clam cram in a clean cream can?

(Как может моллюск втиснуться в чистый бидон из-под сметаны)?

Seth at Sainsbury's sells thick socks [187, с. 33].

(Сет в Сэйнсбери продаёт толстой носки вязки.)

Звук «R»: Roberta ran rings around the Roman ruins [187, с. 36].

(Роберта бегала кругами вокруг римских руин.)

ё) повторяется согласный «ғ»:

Ғани гилдиракни гизиллатиб гилдиратди;

(Ғани закатал колесо);

Ғилдиракни Ғани гизиллатиб гилдиратди и др.;

(Колесо закатал Ғани)

ж) все слова предложения начинаются с согласным «к»:

*Кўк чойни кўк чойнакка дамлаб кўк кўзли кўйлаги кўк Каримга бердим
ёки Қолдирқул қора чойни қора чойнакка дамлаб қора кўзли кўйлаги қора
Қурсияга бердим?;*

*(Вы когда –нибудь были на чёрном чае с чёрным чаем в чёрном чае или
в чёрном чае с чёрным чаем на чёрном чае?)*

з) все слова предложения начинаются с согласного “т”:

Тут турпни туртиб турибдим?

(У тебя есть жар)?

Турп тутни туртиб турибдим?;

(Болеет ли трава от растущего рядом ревеня?)

*Тошкентлик Тоштемирнинг тешаси тошлоқлик Тошболтанинг
тешасиданмас!; (Тошхотская впадина в Ташкенте не похожа на Ташболту!)*

и) все слова предложения имеют начальный согласный “ч”:

*Чегаланган чинни чойнакдаги чой чегаланмаган чинни чойнакдаги чойдан
чиқди.*

(Чай в фарфоровой банке на клетчатой салфетке дал жизнь чаю в чайнике).

3.2. Повтор морфемного уровня

Как известно, морфема (от греческий *morphe* «форма»), двуплановая единица языка, — наименьшая значимая часть слов и словоформ. Данный термин был введен И.А. Бодуэном Куртенэ как обобщающее наименование для корней и аффиксов. Характер двуплановости морфемы объясняется тем, что она обладает формой и значением.

Общей совокупностью морфем занимается морфемика - один из основных разделов языкознания. Морфемика позволяет получить ценные сведения о структуре слова, широко используемые при словообразовательном и морфологическом анализе.

Как известно, морфемы бывают корневые и аффиксальные. Корневая морфема является центральным элементом в морфемной структуре слова, предопределяющим его лексическое значение.

Аффиксальная морфема, противопоставленная морфеме корня, является служебной морфемой морфемной структуры слова. В слове аффиксальные морфемы группируются вокруг корня, образуя периферийные элементы морфемной структуры слова. По своей функции аффиксальные морфемы бывают:

- а) номинативные и
- б) структурные (соединительные).

Номинативные аффиксы имеют две разновидности:

- а) словообразовательные;
- б) формообразовательные.

Аффиксальные морфемы всех разновидностей изучаются в морфемике, как одном из самостоятельных разделов языкознания.

Могут повторяться оба типа морфем: и корневые, и аффиксальные.

1) Повтор корневой морфемы:

- а) **повторяется глагольная основа** (топ-топалок):

1. Топган топалоқ, Эски чақалоқ;

(Тряпка множественного назначения старообразный ребёнок)

- б) **повтор именных основ** (бахтли—бебахт):

Бахтли киши бебахт одам билан ҳеч қачон бахтли бўлолмайдн, чунки тарозининг палласи тенгликни ёқтиради [160, с.23];

(Счастливыи человек никогда не может быть счастлив с несчастным человеком, потому что должен быть баланс подобен равенству).

- в) **повтор корневой морфемы личного местоимения** (сизсиз-сиз—сиздан):

Сизсиз турмуш жумбоқларин ечолмайман,

(Без вас не могу решить проблемы семейной жизни,)

Сиз кечдингиз, сиздан асло кечолмайман [170, с. 18];

(Вы отказались, я не могу отказаться от вас)

г) повторяется **именная корневая морфема (фасл—фаслини; гадонинг-гадо)**:

Ана, қаранг, диёримизга яна бир сокин, вазмин, саҳоватли фасл—Куз келди. Мен куз фаслини жуда севаман. Бу фасл қалблара сокинлик, вазминлик, йил давомида қилган меҳнатингизни сарҳисоб қилиш, хаёлот оламида жимгина суза олишингизга имкон ярата олгани учун, ўзгачадир [166, с.104];

(Смотрите, у нас ещё одна спокойная, тихая, щедрая осень. Пришла осень. Я люблю осенний сезон. Это сезон спокойный, и утонченный в сердцах. Подведите итог своего годовичного труда так, что с можете потом спокойно плавать в мире воображении).

Гадонинг душмани гадолиги рост [175, с.54];

(Попрошайка есть враг попрашайке (Гад противник правдив))

Повтор корневой морфемы (дўстим-дўст):

Шоирлардан танишим кўп, дўстми?

(У меня много друзей среди поэтов, друг?)

Дўстим йўқмикан дейман,

(У меня нет друга,)

Баъзиси дўстўзим пиширган

(Некоторых друзей приготовили мне сюрприз)

Бу ёлгонни мажбурлаб ейман [166, с. 84];

(Прости эту ложь).

Повторы корневых морфем (сен; ёмон):

Ҳамма ёмон, фақат сен яхши,

(Всё плохо, один ты хороший,)

Еб борадир сени гумонлар.

(Угнетают тебя подозрения)

Бир кун ахир кўтаришади,

(Но однажды они раскопают,)

Тобутингни шулар—ёмонлар [166, с. 53];

(Все твои бывшие промахи)

2) Повтор аффиксальных морфем:

а) повтор словообразующего аффикса (-лик: қўқонлик—муқомлик):

Аминжоним қўқонлик,

(Аминджон мой из Коканда,)

Қош-у кўзи муқомлик.

(А глаза и брови какие, а?)

б) в стихотворном отрывке

Шугинагина пучуқЧАми,

Шугинагина кучукЧАми,

Шугинагина мушукЧАми,

Шугинагина пучуқЧАми,

Ёки шумшук шумшукЧАми, - трижды повторяется указательное местоимение с удвоенной частицей – гина (*шугинагина—шугинагина-шугинагина*); формообразующий аффикс и вопросительная частица –ми (*кучукчами—мушукчами—пучуқчами—шумшукчами*).

Повтор корневых и аффиксальных морфем активно встречается в художественно-литературных и фольклорных произведениях и в английском языке. Например: *child, children - “ren”, schoolboy, schoolgirl, schoolchildren – “school” student-students – “s” (chant — chanting n — chant n)*. ребёнок, (дети... - «чен», школьник, школьница, школьники - «школьные» студенты-студенты - «s»)... (воспевать – воспевание - песнопение))

Резко увеличивается число цепочек, в составе которых имеются корневые морфемы *pig и hunt (pig-run – pig’s; hunters – hunting n – hunt n; и др.)*.

3.3. Повтор морфологического уровня

Повтор в морфологическом ярусе называется морфологическим повтором, где будут повторены одни и те же словоформы. Как известно, словоформы тесно связаны с грамматическим оформлением лексем определенной части речи, чаще всего лексем имен существительных и глагола.

Слова - имена существительные склоняются по падежам, по числам, чем определяются словоформы системы имен существительных. В свою очередь, слова системы глагола спрягаются по времени, лицу и числу, что является словоформой системы глагольной части речи.

Кроме этого, по характеру грамматического оформления слова делятся на словоформы синтетического и аналитического типов. Ниже рассмотрим функционирование повторов единиц морфологического уровня языка.

Повтор морфологического уровня совмещается с повтором лексического и синтаксического уровней. Повтор морфологического уровня отличается от повторов всех других уровней тем, что в морфологическом повторе могут повторяться не лексемы, а грамматические формы именных, глагольных лексем, а также лексемы других самостоятельных частей речи.

Повтор существительного в форме родительного падежа:

Акк аккдан кувват олади [175, с. 25];

(Ум очищает власть).

Одам одамга керак [175, с. 51]

(Человеку человеком богат).

1) Повтор словоформ имен существительных

В прозаическом тексте: *«Хужандан Шомгача, Истаравшандан достонларини тинглаганман. Сўрамоқчи бўлганим шу Юсуф ва Зулайхо ҳаётлари чиндан афсонами? Ўша афсонадаги ошиқ Юсуфнинг пайгамбари Худо Насти Юсуф алайҳиссалом билан умумий жойлари борми? Ё иккиси икки оламу, икки одамми*[171, с. 23]? *(Из Худжанда до Дамаска я слушал проповеди Истаравшана. Я хочу спросить, действительно ли жизнь Юсуфа и Зулейхи – это сказка? Влюблённый той легенды и был пророком Иосифом. Есть ли у Бога что – то общее с Юсуфом? Или оба это два мира? два человека?)* - наблюдается два вида повтора:

а) собственное существительное в родительном падеже в позиции притяжательного определения (*Юсуф-Юсуфнинг*);

б) дважды количественные числительные (*иккиси—икки—икки*) в позиции качественного определения; Подобные же повторы словоформ имен существительных характерны и для словом имен существительных в английском языке. Например.

“*It is not my **property**, Harry*” – “*Whose **property** is it?*” [196, с. 13]

(«Это не моя собственность, Гарри» - «Чья это собственность?»)

“I tried to get you last **night** and the **night** before. The phone here’s been-[196, с. 16]”

«Я пытался застать тебя прошлым вечером и позавчерашним.

Повторы собственного существительного в позиции подлежащего и глагола в позиции сказуемого:

Омонбий қизнинг қуралай кўзларига тикилиб қолди.

(Амбициозная девушка смотрела прямо в глаза).

Омонбий қизнинг мажнун новдасидек қадди бастига тикилиб қолди.

(Она смотрела на голову амбициозной девушки с остротой копья)

Омонбий қизнинг пушти нимчаси остида кўтарилиб тушаётган ҳар бири олмадек бежирим кўкларига тикилиб қолди.

(Она смотрела на своё яркосинее великолепие, как если бы она ныряла падала под благоуханные волосы амбициозной девушки).

Повторы существительного и личного местоимения:

Қорним тўйиб нон емадим. Эгнимга, ақалли эски бўлса-да, кийим беришмади. Опам-чи!? Бир қориндан талашиб тушганим опам-чи!? «Сен бормисан? Сен тирикмисан?» - деб қизиқмади....

(Я не насытился, (т.е. я голодал; жил впроголодь) Они не дали мне одежду, хотя бы старую. А моя сестра? А как насчёт моей родной сестры? Ты здесь? Ты жив?)

Повтор существительного в позиции подлежащего:

Ватанни сотганлар бадбахт, кўр бўлсин,

(Те, кто продают родную землю, ничтожны и слепы,)

Энг улуг, энг юксак сўзимдир Ватан,

(Моё величайшее и высшее слово - Родина,)

Юрсам, йўлим, кўрсам, кўзимдир Ватан. [153, с. 15].

(Если я иду, по своему пути, , мои глаза – видят Родину.)

Повтор существительного в позиции первого компонента именного словосочетания, повтор существительного в позиции подлежащего именного двусоставного предложения:

Маънавият майдонида ёғду рўзномам,

(В поле духовности свет – моя газета)

Маданият масканида кўзгу рўзномам,

(В культуре ты – моё зеркало, газета моя)

Маслакдошим, қадрдоним, дўстим рўзномам [156, с. 56];

(Мой дорогой друг и товарищ, газета моя.)

Повтор существительного в позиции сказуемого; повтор вспомогательного глагола «бўл» в составе сложного глагола; повтор модального слова (майли):

Тўйларингда бошлигининг ўзи—давлат,

(Быть во главе вашей свадьбы – вот богатство,)

Ҳикматларга йўзрилган сўзи—давлат,

(Слово мудрости – вот богатство,)

Борлигининг ўзи, босган изи—давлат,

(Само его существование, его след – это богатство,)

Гули раъно, Етук, доно,

(Красивые, зрелые, мудрые,)

Синглинг бўлсин, Ининг бўлсин...

(Да будут сестры и братья ...)

Майли, анқов, Майли, ялқов

(Пусть будет глуп да бездельник, но)

Синглинг бўлсин, Ининг бўлсин! [156, с. 34].

(Да будут сестры и братья ...)

Повтор отвлеченного существительного в позиции подлежащего

двусоставного предложения:

Манфаат ўлсин-ей, манфаат қурсин. (Не обманывайтесь).

Повтор существительного в позиции инверсивного подлежащего (хотин-хотин):

Жуфти оққан дарёлардан оқса—хотин,

(Жена – если она течет в реке, где ее муж,)

Эри боққан томонларга боқса—хотин,

(Жена – если смотрит туда, куда и муж.)

Бир-бирига талпинган қуш улар рамзи,

(Птицы, стремящиеся друг к другу, символы любви,)

Эр кўнглида ишқ оловин ёқса—хотин.[156, с. 45];

(Жена - Если зажгла пламя любви в сердце мужа.);

Повтор существительного в позиции именного сказуемого (гул-гул):

Исминг—Гул, жисминг-гул, рафторинг—гул,

(Имя твоё-Гюль (цветок), тело-цветок, поведение-цветок,)

Тонги насим мисол гуфторларинг—гул.

(Твои слова будто утренний ветерок - цветок.)

Меҳринг оташида ёндиришларинг

(Гореть в огнях твоей любви,)

Қахринг қиличи дано зорларинг – гул [156, с.54];

(Твой гнев и твои обиды - цветок)

Повтор отвлеченного существительного в позиции сказуемого односоставного именного предложения.

Саломдан гумондир, аликдан гумон,

(Конечно, есть сомнения в приветствии,)

Тогадан гумондир, аммадан гумон,

(и с подозрением относится к дяде и тете,)

Ҳар хил гумонлардан пайдо бўлган у,

(От множества подозрений,)

Ҳатто боласидан, ҳаммадан гумон [156, с. 55];

(Даже подозревает в чём – то своего ребёнка)

Повтор существительного в позиции сказуемого именного двусоставного предложения:

Кўнглимнинг берк осмонларини

(Тьма моей души)

Ёритувчи чақиним—онам,

(ты мне бесконечно близка,)

Сирдошим-у дилбардорим ҳам

(Ты мой друг, с кем делюсь секреты)

Яқинлардан яқиним-онам.

(И всё, что во мне – другом приходится мне.)

Повторы существительных в формах именительного и дательного-направительного падежей:

Инсон Ватанида буюкдир доим,

(Люди велики на своей Родине,)

Инсон Ватан учун доим керакдир.

(Человеко всегда нужен Родине.)

Инсон ўзга юртда бир юкдир доим,

(Всякий раз, когда человек имеет обязанность на земле,)

Инсонга бошка юрт улим демакдир [156, с. 43].

(Это долг по отношению к людям своей нации.)

Повторы имен существительных в английском языке:

“It is not my property, Harry” – “Whose property is it?” [190, с. 13].

(«Это не моя собственность, Гарри» - «Чья это собственность?»)

When she arrived in the business part it was quite eleven o'clock, and the business had little longer to run [190, с. 279].

(Когда она прибыла в деловую часть, было уже одиннадцать часов, и осталась небольшая часть работы, которую надо было доделать).

His suit was of a striped and crossed pattern of brown wool, new at that time, but since become familiar as a business suit [189, с. 24].

(Его костюм был из коричневой шерсти, рисунок на ткани представлял собою пересечение полос и клеток, новая мода для того времени, но с тех пор он вошёл в обиход как деловой костюм).

“I tried to get you last night and the night before. The phone here’s been-” [190, с. 54]. ***“God, yes. For years and years and years. Let’s not talk about it, please”*** [190, с.77]. («Я пытался заставить тебя прошлым вечером и позавчерашним. Телефон здесь был...») «Боже, да. За годы и годы и годы. Давай не будем об этом, пожалуйста.

He very definitely told your father there’s a chance - a very great chance, he said – that Seymour may completely lose control of himself [190, с. 56].

(Он совершенно определённо сказал вашему отцу, что не исключается тот случай, - очень большой и весьма вероятный, сказал он, - что Сеймур может полностью потерять контроль над собой).

“Egg and-” Mrs. Sheridan held the envelope away, from her. “It looks like mice. It can’t be mice, can it?” [190, с. 11].

(«Яйцо и...» миссис Шеридан отодвинула конверт подальше от неё. «Это похоже на мышей. Это ведь не мыши, не так ли?»)

He pulled out his key and tried to insert it, but another key was on the inside [190, с. 269].

(Он вытащил свой ключ и попытался вставить его, но другой ключ мешал изнутри.)

His voice was the voice of a friend [194, с. 94].

(Его голос был голосом друга).

2) Повтор глагольных словоформ.

Повторяются глагольные словоформы будущего и прошедшего времени:

Дардингни олай дедим, бировага сотай дедим,

(Я сказал тебе, отнять твоё время, продать его кому-то,)

Пуллингни олай дедим, чодиршаб тикай дедим,

(Я сказал тебе заплатить деньги, чтобы сшить шатёр...)

Повторяются глагольные словоформы настоящего времени:

Повторяются глагольные словоформы будущего времени:

1. *Хо, ўйна, ўйна, ўйна-е,*

(Ах, танцуй, танцуй, танцуй,)

Осмонга қараб ўйна-е,

(Посмотри на небо,)

Оёқларинг букилмасин,

(Не ушибай ноги,)

Қоматларинг ҳеч сўлмасин[156, с. 22];

(Никогда не опускай осанку...)

2. *Узумини осиб ей, майизини босиб ей.*

(Съесть хочу виноград повесив его, а изюм просто...)

Кроме того, в узбекском языке в системе глагола повторяются разные виды глагольных наклонений и функциональных форм глагола: инфинитива, причастия и деепричастия, а также глаголы аналитической формы и т.д. Так, например, в нижеследующем микротексте, взятом из фольклорных произведений, повторен вспомогательный глагол «бўл» в форме побудительного наклонения:

Ёқаси мойли бўлсин, этаги лойли бўлсин

(Пусть это будет масло, и пусть нога будет стройной)

Излаб-излаб изингизни тополмадим,

(Я не нашёл ваш след,)

Туслаб-туслаб тусингизни тополмадим,

(Я не мог найти дорогу назад,)

Беминнат нон-тузингизни тополмадим,

(Я не мог найти твой проросший хлеб,)

Бўзлаб-бўзлаб ўзингизни тополмадим,[156, с. 33]

(Я не мог найти тебя,)

Повтор глагола в позиции сказуемого односоставных глагольных предложений.

1. *Йўл қайда? Дар қайда? Дар топинмадим,*

(Путь? Как ни странно? Я не поклонился,)
Яхшилик экдим-у, бар топинадим.,
(Я сделал добро и не поклонялся бару.)
Очман, юёнлардан зар топинадим,
(Я голоден,)
Учарга ҳар қушдан пар топинадим [156, с. 97].
(Я вообще не поклонялся птицам)
2–Мунофиқни булбул деймиз,
(Мы называем лицемера соловьем,)
Оқилларни думбул деймиз [156, с. 95].
(Мы называем мудрых “думбулом”...)
3.Олинг, олинг дедингиз,
(Возьми, возьми, сказал ты,)
Солинг, солинг дедингиз
(Положи, положи сказал ты.)
3. Тунпараст шабпарак кундузни сотар,
(Бабочка ночная продает дневной свет),
Қуёшни –шу олам афрузни сотар,
(Она продает солнце - этот мир,)
Хушбуйни не билсин тўнғиз миждозлар,
(Откуда знать этим свиньям запах приятный,)
Райҳонни сотишар, ялпизни сотар[156, с. 22];
(Когда они продают базилик и мяту)

Повтор глаголов в позиции главного члена односоставного глагольного предложения:

Олинг, олинг дедингиз,
(Возьми, возьми, сказал ты,)
Солинг, солинг дедингиз
(Положи, положи сказал ты.)
Маънавият майдонида ёғду рўзномам,

(Журналист, мною рецензируемый,)

Маданият масканида кўзгу рўзномам,

(Объявился на сайте культуры)

Повтор второго компонента сложного глагола в позиции сказуемого двусоставного глагольного предложения:

Сўз –Қуёш, чарақлаб, ловуллаб турсин,

(Слово похоже на солнце и пусть светит оно,)

Сўз-Дарё, шарқираб шовуллаб турсин [156, с. 23].

(Пусть Слово утонет на востоке, как река)

Повтор глагольных словоформ в английском языке:

'Come, come, Sikes', said the old man "We must have civil words; civil words, Bill [194, с.31] в форме сказуемого

(Давай, давай, Сайкс, - сказал старик. – Мы должны разговаривать корректно, Билл)

They are together for 19 hours. They talk, and talk, and talk [194, с. 33].

(Они не расстаются 19 часов подряд. Всё говорят, и говорят, и говорят и никак не могут наговориваться.)

в форме прост сказуемого

"What do you want to do," he smiled, "go without them?" [194, с. 94]

(«Что ты собираешься делать, - улыбнулся он, - идти без них?»)

I wondered if it had ruined me or only partly ruined me [194, с. 19].

(Я задавался вопросом, разрушило ли это меня полностью или только частично).

Повтор глагольных словоформ в составе сослагательного наклонения

"My dear fellow," said Mr. Butt, "I only wish I could. I wish I had the time" [194, с. 22]. («Дорогой мой, - сказал мистер Батт, - мне бы только хотелось, быть способным на это. Я хотел бы чтобы у меня было время).

Повтор глагольных словоформы в составе сослагательного предложения

“Yes, but **did - did** you tell him what he tried to do with Granny’s chair?” [194, с. 58]

(«Да, ты говорил, но спросил ли ты его, куда он собирается девать стул бабушки?»)

“No,” said Laura, “I don’t **want** to come in. I only **want** to leave this basket [195, с. 125].

(«Нет, - сказала Лора, - я не буду заходить. Я только хочу оставить у вас эту корзину.»)

*Laura only wanted to **get** out, to **get** away [195, с. 126].*

(«Лора хотела только одного - уйти, уйти сейчас же.»)

*Her face, puffed up, red, with **swollen** eyes and **swollen** lips, looked terrible [194, с. 126].*

Её лицо, пухлое, красное, с опухшими глазами и распухшими губами, выглядело ужасно.

3) Повтор словоформ других частей речи:

а) Повтор имени прилагательного (**оқ, кўк**) в составе именных словосочетаний:

Оқ чойнакка оқ қопқоқ,

(Белому чайнику белая крышка,)

Кўк чойнакка кўк қопқоқ.

(а синему – синяя)

Ўктам кўм кўк кўркам кўклам расмини кўм кўк қаламда чизмоқчи. (Он пытается воссоздать картину тёмно – красной тени с помощью те карандаша тёмных тонов.

Тўп тўп кўк копток,

Ҳар бир кўк коптокда биттадан катта кўк копток.

(Каждый маленький шарик был больше, чем один большой).

1. *Чақалоқ кўп йиғлоқи, йиғлоқи деб ким айтди?*

(Кто сказал, что ребёнок, много плачет?)

*Йиғлоқи деганларнинг ўзлари кўп йиғлоқи;
(Те, кто говорит, плакса, сами больше плачут)
2. Ана, бобонг келяпти, оқ тўнани кийяпти,
(Вот твой бабушка, надевает белое пальто,)
Оқ тўнининг орасидан оқ каптар учаяпти;
(Белые голуби летят за его белым пальто);
Юрак касал, дил касал,
(Сердце болит, язык болит,)
Кисса касал, пул касал,
(Карман, деньгами набитый, болит)*

**Повтор прилагательных в позиции сказуемого двусоставного
именного предложения:**

*Юз қизил, лаблар қизил, Бармоқ учи ҳам қип-қизил.
(Лицо красное, губы красные, кончик пальца красный.)
Қош қаро, кўзлар қаро, Ҳеч булмасин бахтинг қаро
(Брови чёрные, глаза чёрные, на не будет счастье чёрным.)*

**Повтор прилагательного в позиции сказуемого
придаточных частей сложноподчинного предложения:**

*Ёқут ёмғир ёгдирса ёлгон,
(Если капли дождя – это ложь,)
Нақ тогини ағдарса, ёлгон,
(Если ты, попадая на гору правды, лжёшь)
Ёвузликлар тугдирса, ёлгон,
(Если зло превращает в правду ложь),
Покликдан қир қидирса, ёлгон,
(То в поисках чистоты на ложь ты опять набредёшь и грязь ты найдёшь)
Уни қандай туглаймиз, кўнглим [156, с. 40].
(Так отринь же ты ложь, чтобы правду найти)*

Повтор прилагательных:

*I have some **awful, awful, awful** news to tell you, but I won't begin with it.*

(У меня есть ужаснейшие новостик для тебя, но я не буду с них начинать.)
“*Awful. Awful. It’s sad, actually, is what it is. Your father said last night -*” [194, с. 56].

(Ужасно. Ужасно. Это прискорбно на самом деле, но так оно и есть. Твойотецсказалэтовчеравечером.)

Happy... happy...All is well, said that sleeping face [196, с. 126].

(Чудно, чудно все хорошо, - было написано на её спящем лице.

б) Повтор числительных

Повтор числительного в позиции подлежащего:

Бариси насиба чизиғи: Бири ўғлиники, Бири қизиники, Бири ўзиники.

Бириси оламнинг қўхлиги

(Хорошо, это - судьба: один для сына, один для его дочери, один для себя.

Один - колыбель вселенной)

Повтор числительных, совмещенных семантическим повтором:

Сухбатда гарчи икки юрт, икки ўлка уламолари қатнашаётган эса-да, дин бир, эътиқод ягона бўлганидан, фикрлар деярли бир ердан чиқарди.

Сўнг жарчилар бири қўйиб, бири даштларни, адирларни, тоғ-у чўлларни гулдиратиб хабар қилади: -Тонг бўзарганда, Нону-Ширинга марҳамат!.

(Хотя в разговоре присутствовали две страны и ученые двух провинций, идея была почти такой же, как и религия единственная. Затем один из клерков, заглушая песню степных холмов, сказал: «Добро пожаловать к столу, на хлеб и сладости».)

Повтор числительного в функции частицы неопределенного значения:

Бир хаёл кезади, сокин, безавол,

(Воспоминание в голове, тихий, расслабляющий,)

Бир хаёл кезади, халолдан халол,

(Это мечта, это безумие,)

Бир хаёл, дунёга сигмайди хаёл,

(Мечта, воображаемый мир,)

Юрагимга жойлашган.

(У меня есть моё собственное сердце.)

Бир ёзду – оламнинг ёздулари жам,

(Это была радуга - огни Вселенной,)

Бир ёзду—на шамс - у, на шарор, на гам,

(Там нет стыда или позорав - нет, нет, нет горя,)

Бир ёзду—ойнинг илк ўн бешида ҳам

(Это рассвет - в пятнадцати днях месяцах)

Юрагимда ойланган.

(Это было в моём сердце.)

Бир варрак кетади осмонга чиқиб,

(Злаки тянутся в небо,)

Бир варрак..., кетмайди осмонда йитиб,

(Змей ... не уходит в небо,)

Бир варрак учади осмонда.

(В небе летает змей.)

Иззатимдан бино сарой Сизникидир [156, с. 33];

(Это черточ мой и твой)

Повтор числительного в позиции сказуемого именных двусоставных предложений: повтор именного двусоставного предложения.

Изтироби, армони гўл битта — Вали битта.

(Трепет, гармонии полон – он только мой и больше ничей.)

Повтор имен числительных в английском языке

Aslow, solemansquare-dance

(Медленный, торжественный бальный танец)

Of warriors feinting.

(Для военных неправычный)

One by one they fall,

(Один за другим они спотынаются)

Warriors fainting,

(Нет, этот танец не для них)

Thirty - two on sixty-four (poem)

(Тридцать два на шестьдесят четыре.)

*For **one** thing, **one** of her neighbors, a certain Mr. and Mrs. Ramsey, who were possessors of money, made out of the coal business, had done so [195, с.16].*

(Во-первых сотворили это одни из её соседей, неизвестные мистер и миссис Рэмси, которые сделали крупные деньги на угольном бизнесе.)

***One-one** was a race horse.*

(Раз – два, жила – была лошадь скаковая)

***Two-two** was **one** too.*

(Три – четыре, жила – была ещё одна такая ж точно)

***One-one** won **one** race.*

(Раз- два-первая выиграла на скачках)

***Two-two** won **one** too [185, с. 33.]*

(Три – четыре – вторая выиграла на них точно так же)

в) Повтор местоимений

В позиции подлежащего:

1. Бу ҳам Худонинг бандаларига меҳрибонлигида, - суҳбатга аралашиди Ўринжон момо. –Ўзи сабру қаноат беради. Ўзи нафсимизни тияди. Ўзи дилимизга ёруғ ниятлар индиради; (И это тоже дар Бога ", - прервал он беседу. Он сам образец терпения. Он не даст нам поддасться соблазну. Это проливает свет в наши сердца);

2. Сочларингни тарайман ўзим, садқангман ўзим, садқангман ўзим.

(Прости, прости, прости.Пир женицин в полдень...)

Повтор неопределенного местоимения в позиции подлежащего простого глагольного предложения:

Ҳеч ким чорламайди, шамолдан бўлак,

(Никто не зовет, нет ветра,)

Ҳеч ким йўкламайди, ёмгирдан ўзга.

(Никто не навещает, кроме дождя.)

Повтор личных местоимений в позиции сказуемых:

Юрагимнинг тўрида жой Сизникидир,

(Место в моем сердце твое,)

Хурматимнинг кўкида ой Сизникидир,

(Место в небе души моей как луна твоя,)

Повтор местоимений:

*She answered that **she** had not* [194, с. 47].

*She made no answer, because **she** could think of nothing to say* [194, с. 148].

(Она не ответила, потому – строчная что не могла придумать, что сказать)

*After the shower **she** rubbed him with a towel, then **she** rolled **him** up in a wet sheet and put **him** under blankets* [194, с.30].

(После душа она растёрла его полотенцем, затем завернула во влажную простыню и укутала его несколькими одеялами.)

*“I don’t know,” said Carrie vaguely – a flash vision of the possibility of **her** not securing employment rising in **her** mind* [194, с. 27].

(“Я не знаю”, - сказала Кэрри как-то неопределённо – внезапный промельк мысли том, что ей могут отказать в работе, вдруг пронёссе через её сознание.)

*He sympathized with **her** and showed **her** what **her** true value was* [194, с. 162].

(Он сочувствовал ей показал, какова её истинная ценность.)

*He felt **that** it was something to be connected with such a place, and he made her feel **that** way* [194, с. 28].

(Он чувствовал, что это как – то связано с таким местом, и он заставил её почувствовать то же самое.)

*“I came to tell you **that - that** I can’t take the money”* [194, с. 93].

(“Я пришёл сказать вообще, я пришёл сказать, что не могу взять деньги.”)

***They – they** wouldn’t know where I got them* [190, с. 94].

(Они – вообще, они не узнают, где я их взял.)

“You don’t like out there where you are, do you?” [190, с. 85]

(«Тебе ведь не нравится, где ты находишься?»)

г) Повтор наречий

Повтор наречия времени в позиции обстоятельства времени:

Пешинда хотин оши!. Сўнг кураш! Сўнг кўпкари! Сўнг пиёдаулоқ! Сўнг қиз йиглади! Сўнг то тонготар базму жамшид! [171, с. 21];

(Тогда борьба! Тогда улок! (козла дранье) Тогда девушка заплакала. Тогда до утра пир и торжество).

Нигоҳлар нигоҳларга тушганда ҳам йигитнинг, ҳам қизнинг хонумонига ўт тушиди. Бир зум бурангин олам туйғулар талошида қолди [159, с. 183].

(Юноши и девушки влюбились, когда взгляд их соприкоснулся. На несколько минут этот мир был в мире эмоций).

Повтор наречия меры-степени в позиции обстоятельства: *Бир зум бошлардаги зиё тўла қаҳкашон ҳам, оёқлар остидаги зеру замин ҳам, қуйида галт этиб оқайтган сой ҳам йўқликка юз тутди. Бир зумгина шу кўхна оламда фақат йигит билан қиз қолди. Бир зумгина уларнинг қалб тепкиси етти иқлимга эшитилиб турди. [159, с. 187]*

(На мгновение растаяли полноценный женский халат, нос и низ ступней, а также потомки потомков. В этом тёмном мире осталось только одна молодая девушка. На мгновение удар их сердца был услышан в семи разных поясах Земли).

Повтор наречий в позиции обстоятельства времени(бир кун):

Излаганинг топилар бир кун,

(Найдется то, что ищем,)

Кам-кўстларинг ёпилар бир кун,

(Исчезнут, все беды и ненастья,)

Гам алафи чопилар бир кун,

(Уберут все сорняки однажды,)

Одамзоднинг баҳори қайтмас;

(Но весна человечества не возвращается);

Повтор наречий меры-степени в позиции обстоятельства:

Сал шўх эди, сал ювоиш эди

(Он был озорным, этот)

Оиладатўртинчифарзанд

(Четвёртый ребёнок в семье)

Повтор наречий

'Well, well', said the old gentleman. "Don't be afraid! [194, с. 26]

(Да ладно, ладно, - сказал старый джентльмен. «Небойтесь!»)

Well, well fortune plays a man queer tricks [194, с. 274].

(Что ж, Фортуна играет с человеком странными шутками.)

"Well, well!" said a voice. In the first glance she beheld Drouet [194, с.81].

(«Ну, ну!» произнёс голос. Первым, кого она увидела, был Друэ.)

*Hurstwood looked, but **there** was no face **there** now [194, с. 269].*

(Херствуд попытался что – то увидеть, но ничего уже не было видно.)

*"Now, now," he said, walking. "**There, there,**" and there was a certain Swedish accent noticeable in his voice [194, с. 34].*

(«Ну – ну, - сказал он, шагая. «Вот, вот», и в его голосе был определённый шведский акцент.)

*In the drag of such a grey day the secret voice would reassert itself, **feebly** and **more feebly** [194, с. 121].*

(В сумраке такого безрадостного серого дня тайный голос, слабый и слабый нашёптывал что – то совсем другое, постепенно затихая.)

*"Well, it's about time he got here, your daddy. I've been expecting him **hourly, hourly**" [184, с. 60].*

(«Слушаю, как раз сейчас, самое время ему приехать, твоему папочке. Уже сколькождуге, часзачасом».)

*There lay a young man fast asleep – sleeping so soundly, so deeply, that he was **far, far** away from them both [184, с.126].*

(Там лежал молодой человек, крепко уснувший – спал он так крепко, так глубоко, что был далеко – далеко от них обоих.)

4) Повтор служебных частей речи

Повтор союзных слов в составе сказуемых придаточных предложений цели:

Кечалар бедор кўзим, кўрсам ўшал ҳулкарни деб,

(Ночью я не сплю, увидать бы ту красавицу,)

То хануз ўқилажак ул саҳифаи дафтарни деб,

(Не сплю из-за незаконченной книги любви)

Иброҳим суйди ўшал оби ҳаёт кавсарни деб,

(Ибрагим полюбил аз-за священной воды)

Не беспокойся, зачем не полюбить Ульмасу её,

(Сўрмангиз, Ўлмас нечун суймас бўлак дилбарни деб,)

Суймади, суймас, яна йиллар ўтиб суймайди ҳам [156, с. 36]

(Не любил, не любит и не полюбит)

Повтор междометий:

1. О, Лайло, Лайло, жоним қизим, о Лейло,

(Это Лайло, Лайло, моя любимая дочь Лайло,)

Эрка қизим, о, хайло, қора кўзим, о Лайло [156, с. 23].

(Моя дорогая дочь, она хороша, чёрно глазая, она Лайло.)

2. Аравада ун келди, чилдирмада гул келди,

(Муку привезли на карете, цветок на дойре,)

3. Хў - ба, хўба, нега йиглайсан?

(Ой, почему ты плачешь?)

Хў - ба, хў - ба, нега тиглайсан?

(Ты не плачешь, а смеёшься?)

Хў - ба, хў-ба, сен йиглама,

(О, нет, ты не плачь,)

Йиглаб бағримни тиглама,

(Не плачь, Ху-ба, ба, джон,)

Хў-ба, хў-ба, жон,

Садқа сенга ширин жон!

(Сожалею, моя милая!)

Ҳа-ю, читти гул, ҳа-ю, читти гул [156, с 49].

(Да, цветок расцветает, и а потом отцветает.)

“Stop!, Stop! Don’t take him away!” cried the new comer, breathless with haste [184, с.18]. («Стой! Стой! Незабирайтееэгоэсобой!»)

“Help! Help! The Marqu’s of Carabas is drowning!” [184, с. 16]

(«Помогите! Помогите! Маркиз Карабас тонет!»)

Wait! Wait! I want to tell you something! [190, с. 42].

(Подожди! Подожди! Я хочу кое – что у тебя спросить)

Повтор частиц- гина и -ми:

а) повторяется в составе одного и того же слова:

Шугинагина ким экан ўзи,

(Кто это,)

Шугигнагина пучуқчами,

(Всего лишь маленький котёнок)

Шугинагина кучукчами,

(Котёнок маленький всего лишь,)

Шугинагина мушукчами;

(Я говорю тебе);

б) частица – гина повторяется в составе разных слов:

О. шугина, шугина, мунчагина, тунчагина,

(О. шугина, дубай, мунчагина, тунчагина,)

Кунчагина, шунчагина, яшинаб турган гунчагина;

(Только в непосредственной близости от злаков)

в) частица – «ми»:

*Ҳеч ким сенга қарамади**ми**, сочларингни тарамад**ми**? и т д.*

(Кто-нибудь смотрел на тебя? не от сканировал ли этот неизвестный твои волосы?)

Повтор модальных слов (*холос*):

Дардларимни қувдим, холос,

(Только тогда я преодолел свои боли,)

Ғам - ҳасратлар кўриб толга

(Горе несчастной иве той,)

Кўзларимни ювдим, холос [156, с. 78];

(Я только что помыл глаза (оплакал));

3.4. Повтор синтаксического уровня

Повтор синтаксического уровня отличается от повторов других уровней языка. Это объясняется тем, что повтор синтаксического уровня – это повторы структурных схем (моделей) синтаксических единиц разных грамматических категорий. На основе характера собранного фактического материала мы определяем следующие группы повтора синтаксического уровня в узбекском и английском языках:

- 1) повтор членов предложения;
- 2) повтор на уровне словосочетаний;
- 3) повтор на уровне простых предложений;
- 4) повтор на уровне сложного предложения.

Повтор модальных слов и мемом:

“Can you tell me how to go about getting on the stage or can't you?” [190, с. 283]

(«Ты можешь сказать мне, как попасть на сцену, или нет?»)

Can you can a can as a canner can can a can [187, с. 38]?

(Можешь ли затарить бидон так, как может датарить бидон тот, кто затаривает его?)

I would if I could! But I can't, so I won't [187, с. 38]!

(Я бы затарил, если бы умел. Но я не умею, так что затаривать не буду!)

I would if I could, and if I couldn't, how could I?

(Я бы затарил, если бы умел, а если не могу, то как я могу?)

You couldn't, unless you could, could you? [194, с. 288]

(Ты не умел, а если б умел, то б сумел?)

1) Повтор на уровне членов предложения.

Повтор главных членов предложения:

а) повтор подлежащего:

Суюқ ва қуюқ тортилиб, зиёфат қиёмига етиб борар, сухбат ҳам мавзудан мавзуга кўчар, у фикрлар бахсига билимлар, илмлар, мантиқлар пойгасига айланиб борарди;

(Подали первое и второе блюда, праздник на высоком уровне, разговор также переходит от темы к теме: знания, диспуты, науки, логические состязания);

б) повтор сказуемого:

Тиллар Унинг номи ила куйлайди, сўзлайди, ёрдам сўрайди, нидо қилади («Шарқнома»);

(Языки говорят от своего имени, говорят, просят помощи, звонят)

в) повтор именных сказуемых:

1. *«Аллоҳ» беҳожатлик, боқийлик, қувват, нусрат, азизлик, қудрат, ҳикмат демакдир;*

(“Бог” это – умиротворение души бессмертие, сила победа честь, мощь это мудрость);

«Аллоҳ» лутф, иноят, ёрдам, мадад, муҳаббат, эҳсон демакдир;

(“Бог значит добро благодать, помощь любовь, пожертвование)

2. *Шокирлар кўп, шукр йўқдир,*

Зокирлар кўп, зикр йўқдир,

Калла катта, фикр йўқдир.

(Тучи саранчи, нет, спасибо многие из отметить, отсутствие воспоминаний великий ум а ума нет.)

Повтор второстепенных членов предложения

а) повтор определения:

«Аллоҳ» жалолат, азамат, ҳайбат ва куч - қудрат эгасидир (Аллах Всеславен, Велик у него есть сила и мощь) - в данном предложении повтор имеет характер безмаркерных притяжательных определений.

б) повтор дополнения:

Бошкаларга қараш. Уларнинг ишларини гапириш, қулоқ солиш, одамларга аралашш, ейиш ва ичишининг кўпини тарк этинг.

(Глядеть на других Говорить об их делах, Не слушайте их, не лезьте в их дела – оставьте это всё.)

- повтор непозиционных определений в составе косвенных дополнений:

Бировларнинг хатоси, миш-мишлар, адашишлар ва одамларҳақидаги хабарларга эътибор берманг.

(Не зацикливайтесь на чужих ошибках, не обращайтесь внимания на слухи, а игнорируйте их).

- повтор косвенных (биздан, нафсларимиздан) и прямых (ўкинч, ташвиш, изтиробни) дополнений:

Эй, Аллоҳ, биздан ўкинч ва ташвишни, нафсларимиздан изтиробни кетказ; (О Аллах! убери от нас беспокойство и тревоги, сними ненужную жажду с наших желаний)

Эй, Раббим, саросимага тушганларга уйқу, изтиробли қалбларга сукунат бер.

(О мой Господь! Угомони напрасно суетящихся, Дай их сердцам спокойствие).

в) повтор подлежащего, сказуемого и обстоятельства в структуре одного синтаксического целого:

Омонбий жону жаҳонини унутиб, Суқсуройга тикиларди, Суқсурой жону жаҳонини унутиб, Омонбийга тикиларди.

(Позабыв о мире глядел Омонбий на Суқсурой, И Суқсурой позабыв всё - на Омонбий)

г) повтор обращений:

На қўзи, қўзи, қўзи, енглари йўрмадўзи.

(Да, ягнёнок, ягнёнок, ягнёнок, не отпущу.)

д) повтор подлежащего, сказуемого и обстоятельства:

Омонбий жону жаҳонини унутиб, Суқсуройга тикиларди, Суқсурой жону жаҳонини унутиб, Омонбийга тикиларди.

(Позабыв о мире глядел Омонбий на Суқсурой, И Суқсурой позабыв всё - на Омонбий)

2) Повтор словосочетаний

а) Повтор именного словосочетания по модели «Npronom+Nsub» в позиции подлежащего:

Қизим, қизим, қиз киши, Қизимга келар минг киши,

(Моя дочь, дочь, девушка, девушка,)

Олиб кетар бир йигит, Қараб қолар минг киши.

(Молодой человек один заберет её, а тысяча человек будут смотреть.)

Лайлак қор - а, лайлак қор, лайлак қорга мен хуштор;

(Лайлак - снежный, снежный, белоснежный снежный снег;)

Яхши сўзлар, самимий дуолар, юракдан чиққан нидолар, айбсиз кўз ёшлар, гамли зорланишлар Унга (Аллохга) кўтарилади;

(Хорошие слова, искренние молитвы, душераздирающие слёзы, слезы невинных, лишения пренесённые поднимутся к Нему (к Аллаху));

Сахар вақти очилган кафтлар, ҳожат пайти кўтарилган қўллар, зулм билан йиғлаган кўзлар, мусибат чоғи сураган қалблар унга интилуру.

(Ладони открылись для него, руки, которые он поднял, когда нуждался в этом; глаза, которые он выплакал от угнетения, и душа, в которую он был ранен.)

б) повтор именного словосочетания по модели «adj+N» в позиции косвенного дополнения:

Зехнингиздаги қўрқинчли хаёллар ва ёмон фикрларга ён берманг

(Не поддавайтесь ужасным мыслям и заблуждениям, у вас обуревающим)

в) повтор именного словосочетания по модели «adj+N» в позиции обращения:

1. Той-той болам, той болам, (*Жеребенок мой - мой ребёнок*),
Ширин, эркатой болам, (*Милый, милый мальчик*),
Юмиоқ саримой болам, (*Мягкое маслощие, детка*),
Ўзимнинггина ой болам; (*Мой единственный ребёнок*);

2. Жоним қизим, о ҳайло, эрка қизим, о ҳайло.
(*Моя дорогая дочь, аха, моя дорогая дочь аха.*)

г) **повтор именного словосочетания посессивного отношения по модели «Nsub+Nsub» в позиции подлежащего:**

Менинг ҳам Ватаним—жанглар гувоҳи,
(*Также Родина моя свидетель - война,*)
Менинг ҳам тупрогим—топталганда хор[156, с. 76]
(*Моя земля, которой было больно.*)

д) **повтор именного словосочетания по модели «adj+N» в позиции подлежащего.**

Кўзларингдан сўзларингни уқсин танлаган ёринг,
(*Пусть читает мысли возлюбленный твой с глаз твоих*)
Юрагингга ёлқин бўлиб юқсин танлаган ёринг[156, с. 67].
(*Пусть разжигает пламя в сердце твоём – твой избранник.*)

е) **повтор именного словосочетания по модели «adj+N» в позиции сказуемого:**

Ферузахон ой қиз, кулгига кўп бой қиз,
(*Луноликая девушка Ферузахон, смеющаяся девушка,*)
Кулча юзи ширмой қиз, жўшқинлиги шўх сой қиз[156, с. 68];
(*Кровь с молоком, шустрая как ручей девушка*);

ё) **повтор именного словосочетания по модели «N+adj» в позиции именного сложного сказуемого:**

- «Аллоҳ» исмларнинг энг гўзали, ҳарфларнинг энг чиройлиси,
сўзларнинг энг тўғриси, калималарнинг энг бебахосидир.

(Аллах - самое красивое из имён, самый красивый шрифт, самые правильные слова, самое подходящее слово).

ж) повтор именного словосочетания по модели «N+adj» в позиции качественного определения:

*Кўли эгри, йўли эгри, кўнгли эгри кимсаларни,
(Кривые руки, кривая дорожка, Душа кривая,)*

Юволгаймн кўнгил кирин минг марта ҳам ҳаж зиёрати[156, с. 64].
(Может ли Хадж в тысячный раз отмыть это всё?)

з) повтор именного словосочетания по модели «adj+N» в позиции прямого дополнения:

*Сандиқчани бир тепдим, нуқра бодом тўкилди,
Нуқра бодом тергунча, қанотларим қайрилди*[156, с. 45];

Повтор именных словосочетаний в позиции подлежащего:

*Ииқ аввали - баланд, бепоён осмон,
Ииқ охири—ботқоқ, дунё қоронгу,
Ииқ аввали—ёш ва қайноқ орзулар,
Ииқ охири—қариб, кексайган орзу,
Ииқ аввали—қўллар ёрнинг бўйнида,
Ииқ охири—қўллар қўлтиқда бари.
Ииқ аввали—нигоҳ рга юзма-юз,
Ииқ охири—боқар юзсизлик сари.
Ииқ аввали—кокил узра гул-чечак,
Ииқ охири—бир бог хору хас, сўник.
Ииқ аввали—тенгсиз дунё эгаси,
Ииқ охири—эссиз, эгасиз ўлик.
Ииқ аввали—мардлар **тўнин кийган лоф,**
Ииқ охири—номард тўқиған туҳмат.
Ииқ аввали—дилда лаззатли азоб,
Ииқ охири—дилда ўрнашган гурбат.
Ииқ аввали—лабда эриган бўса,
Ииқ охири—аччиқ, шўр босган кадар.
Ииқ аввали—дийдор нашъу намоси,*

Ишқ охири—ҳижрон тутқазган заҳар.

Ишқ аввали—гулга бурканган баҳор,

Ишқ охири—хазон фасл, хиёнат.

Ишқ аввали—илк бор яралган дунё,

Ишқ охири—қойим бўлган хиёнат. [168, с. 34].

Повтор именного словосочетания в позиции подлежащего:

Ул макон, бул макон ўзгарар,

(Это пространство, изменится оно,)

Ул замон, бул замон ўзгарар

(Время изменится, да и)

Ул жаҳон, бул жаҳон ўзгарар,

(Мир, мир изменится, а вместе с ними всё вокруг)

е) Повтор глагольных словосочетаний по модели «Nn+S» в позиции прямого дополнения.

Фитна қилиш, тил бириктириш ва бировга муаммо етишини кутиб туришдан халос бўлинг.

(Избавьтесь от сглаза, от преследований и неприятностей, пока не решатся Ваши проблемы.)

3) Повтор на уровне простых предложений

Повтор отрицания-утверждения:

Бойчечак баҳормас, баҳор элчиси.

(Бойчечак ещё не сама не весна, а её предвестник)

а) повтор двусоставного глагольного предложения, подлежащее третьей предикативной части:

Аммо пок инсонлар номидай,

Энг баланд Жаҳоннинг Томидай,

Одамлар ёдида оқибат,

Яхшилик қолади тоабат.

Севишганлар тумори бўл, Шеърят,

Пок кўнгилнинг дутори бўл, Шеърят.

Йулингизга кўз тикармиз, қайтинг, қайтинг, дадажон

Ошиқларнинг дил изҳори ўзингсан,

Ҳам наҳори, ҳам ифори ўзингсан.

Ер айланур, ер айланур,

Ер югуриб тинмайди – [156, с. 101]

б) повтор двусоставного простого глагольного предложения по модели «S+N».

Меҳр-муҳаббатли ёр, дўст бўламиз энди биз,

(Мы друзья, мы друзья Сейчас, в этот момент)

Иймон-у эътиқодда рост бўламиз энди биз,

(Мы истинную веру исповедуем)

Дили дилга пайваста, покиза жуфти ҳалол,

(Изящный язык, чистая женщина - халал,)

Тақдирин маҳкам тутган даст бўламиз энди биз,

(Теперь, когда мы в общем кругу,)

Дўст бўламиз энди биз,

(Мы станем друзьями,)

Дўст бўламиз энди биз [156, с. 79].

(Друзья мы сейчас, вот в этот момент)

в) повтор простых нерасчлененных предложений по модели Nn+S в составе сложного синтаксического целого:

-Иним, бахтингиз бор экан. Мени Эгамберди табиб дейишади. Ўғлингиз бир шамол-тўполонда қолган экан, салгина жин чалибди, озгина шамоллогани хам бор. Агар худо шифосини берса, ҳеч нима кўрмагандек бўлиб кетади. Қалблар Унинг номи ила хотиржам бўлади, кўнгиллар таскин топади, ҳислар сокин бўлади, асаблар тинчланади, эс - ҳуш ўзига келади, ишонч қарор топади. «Аллоҳ бандаларига меҳрибондир»;

(Брат, счастливчик Вы. Меня зовут Эгамберди. Когда твой сын был в эйфорем обмана, джин вселился в него, и не совсем он пока от вихря того отошёл. Если Бог даст исцеление, кажется, что ничего не случится. Сердца в

безопасности во имя Его, сердца будут спокойны, чувства будут спокойны, нервы успокоятся, он придёт в себя, и его уверенность укрепитя. «Аллах добр к своим слугам». Если Бог даст исцеление, вы будете полностью здоровы. Скажи мне, что ты хочешь сказать ...)

г) повтор двусоставного глагольного предложения по модели «Nn+S» в составе бессоюзного сложного предложения:

Аравада ун келди, чилдирмада гул келди;

(Муку привезли в карете, а цветок в дойре);

Повтор двусоставного именного предложения по модели «Nn+S» в составе бессоюзного предложения:

Ёқаси мойли бўлсин, этаги лойли бўлсин.

(Пусть это будет масло, и пусть нога будет стройной.)

д) повтор двусоставного именного предложения по модели «S+Nn» в составе периода:

Ҳой-ҳояи бордир шунинг, зап дояси бордир шунинг,

(Есть у него, кто заступится за него)

Мард отаси бордир шунинг, бек буваси бордир шунинг,

(Есть у этого смельчака наверно отец, есть и дед, бек,)

Жон бувиси бордир шунинг, зўр акаси бордир шунинг,

(Есть бабушка у него, и прекрасный брат,)

Зўр опаси бордир шунинг, узоқ-узоқ жойларда

(Есть у неё прекрасная сестра, но далеко-далеко она)

Бахшидаси бордир шунинг [156, с. 99].

(Наверно и возлюбленная на примете.)

е) повтор односоставного глагольного предложения по модели «adj+S» в составе бессоюзного сложного предложения:

Эй, Аллоҳ, изтироб вақтида тасалли бер, гамнинг мукофоти қилиб сурур юбор, хавф пайти омонлик юбор;

(О Аллах, успокой в скорби и дай награду за несчастья и обиды);

2. Муаммоларингизни ечинг, режангиз йўлидаги тўсиқларни шу заҳоти йўқотинг, бугунги ишингизни эртага қолдирманг.

(Решите свои проблемы, избавьтесь от препятствий на пути к вашему замыслу и не пропустите свою работу на сегодня.)

ё) повтор односоставного глагольного предложения:

Иним, бахтингиз бор экан. Мени Эгамберди табиб дейишади. Ўзлингиз бир шамол-тўполонда қолган экан, салгина жчалибди, озгина шамоллагани ҳа м бор. Агар худо шифосини берса, ҳеч нима кўрмагандек бўлиб кетасизлар. Айтганингиз келсин... Айтганингиз келсин...

(Бартишка, счастье есть. Меня называют Эгамберди-лекарь. Твой сын в урагане остался, он немного устал и немного простудился и джин в него вселился в него. С божьей помощью был бы сразу здоров он. Да пусть будет так, да пусть будет так ...)

Повтор именного двусоставного предложения по модели «*Nsub+Nnum*»:

Изтироби, армони гўл битта—Вали битта.

(Есть лишь одна гармония в мироздании)

ж) повтор двусоставного именного предложения по модели «*Nn+Sadj*»:

Тонг яқин, тонг яқин, Утро ближе, утро ближе,

Оппоқ тонг яқин. Утро белое приближается.

з) повтор простого предложения с обособленным качественным определением по модели «*Npron+Spronom*»:

У нимадир, қизил ва кўк ўсади, Он бывает красным, синим.

У нимадир, оёғи йўқ, босади? Что это, не имеет ног, а ходит.

и) повтор двусоставного именного предложения по модели «*Nn+Sadj*»:

Юз қизил, лаблар қизил, Бармоқ учи ҳам қип-қизил,

(Лицо красное, губы красные, кончик пальца красный,)

Қош қаро, кўзлар қаро, ҳеч бўлмасин бахтинг қаро [156, с. 23].

(Глаза черные, брови черные, не будет пусть счастье черным)

й) повтор простого предложения с обособленным определением по модели «*adj+Spronom*»:

Яна кимки, ватан учун жанг қилса,

(И кто бы ни боролся за страну,)

Яна кимки, ёв ҳолини танг қилса,

(Тот, кто выгоняет врагов из страны,)

Яна кимки, ёвни қувса ватандан,

(Опять тот, кто прогоняет врагов,)

Менинг чехрам кўринади ўшандан [156, с. 12].

(Тогда только увидишь моё лицо)

к) повтор двусоставного глагольного предложения.

Ёмғир ёғар, ёмғир устига ёмғир...

(Идёт дождь, идёт дождь, дождь за дождем ...)

л) повтор двусоставного вопросительного предложения по модели «Nsub+Npron».

Ватан надур? Ватан надур? Ватан менинг кўксимдадур

Иймон надур? иймон надур? Иймон маним дилимдадур [179, с. 17].

(Что такое Родина? Что такое Родина? Родина у меня в груди).

Что такое вера? Что такое вера? Вера в моем сердце).

4) Повтор сложных предложений (СП):

а) повтор сложноподчиненного предложения (СПП) с придаточным времени по модели «Пр.ч.+Гл.ч.»:

Югуриб-югуриб юганда,

тикан ҳам шунга кирмасин Ийик билан мийиққа, Тогда юрган кийикка».

(Пока он бежит и бежит, и ни одна щепка не должна его поразить. Ведь гуляют же лоси свободно в горах.)

б) повтор главных частей СПП с придаточным времени по модели «adj+S»:

Эй, Аллоҳ, ...Хавфдан паноҳ сурасак, фақат Сендан сураймиз, фақат Сенга суюнамиз,.. ёрдамни фақат Ўзингдан тилаймиз.

(О Боже, ... только от тебя ждём помощи, только на Тебя и надеемся Желаем только твоей помощи.)

в) повтор СПП с придаточным времени по модели «Гл+Пр»:

Кувонгансиз, алла тинглаб ётганимда,

(Я рад, что вы слушали меня,)

Кувонгансиз, йўлга кириб, чопганимда,

(Когда ты бежишь и бежишь и бежишь,)

«Она» сўзин магзин чақиб, тотганимда,

(Когда я стенаю, свою мать вспоминая)

Кўшиқ куйлаб ўз нонимни топганимда,

(Когда я пел песню и нашёл свой хлеб,)

Ноним тотмай бевақт кетган онажоним [156, с. 4].

(Моя неповторимая мама, ушедшая, не увидев мой рассвет)

г) повтор СПП с придаточной цели по модели «Пр+Гл»:

Олис бир қишлоққа, тоққа тушдим деб,

(Выхожу замуж далеко, в горную деревню,)

Ўз юртимдан ўзга ёққа тушдим деб,

(Еду я в другую страну,)

Ширин сўз йигитга лаққа тушдим деб,

(Соблазнил меня красноречивый парень..)

Йиғлама, келинчак, йиғлама зор-зор,

(Не плачь, невеста, не плачь,)

Ота-онанг кўнгли чекмасин озор [156, с. 8].

(Чтобы родителей не огорчить)

д) повтор главной части СПП с придаточным времени по модели «Пр.ч.+Гл. ч.»:

Болаларим «дадам» деса, бағрим йиғлар,

(При слове “папа” моих детей, душа плачет)

Бахтим йиғлар, юрак тўла дардим йиғлар,

(Счастье мое плачет, сердце и участь плачут...)

Сизни суйган қалбим йиғлар, аҳдим йиғлар,

(Плачет сердце, любящее мое...)

е) повтор зависимой части СПП с придаточным причины по модели «Nn+Spronom»:

Йиғлама, қиз, йиғлама-ё, тўй сеники, Ёр-ёрай, тўй сеники,

(Не плачь, девочка, не плачь, свадьба твоя, Йор-йорай, свадьба, твоя,)

Ос-тонаси тилладан уй сеники, Ёр-ёр-ай, уй сеники (қўшиқдан).

(Дом с золотым порогом твой, Йор-йорай, дом твой) (из песни).

Самоварда қайнаб турган чой қани? – Ёр-ёрай, чой қани?

(Где кипящая вода в самоварах? Где чай?)

*-Сув бўлса ҳам, ичар эдик чой ўрнида, Ёр-ёрай, чой ўрнида
(қўшиқдан)*

- (Пока мы пили бы воду, то думали, что пили чай, казалось нам, что чай светился.) (в песне)

ё) повторы главной части сложноподчиненного предложения с придаточными дополнения (по модели “S(N)+P(V)”):

Отаси айтадики: «Белгинамнинг қуввати»

(Его отец говорит: «Сила моего пояса»)

Онаси айтадики: «Уйгинамнинг сараси»,

(Его мать говорит: «Дворец моего дома»)

Акаси айтадики: «Тилла пичогим дастаси»,

(Его брат сказал: «Золотой мой нож»)

Тогаси айтадики: «Адрас тўнимнинг киссаси»

(Дядя говорит: « карман моего пальто из Адраса »)

Опаси айтадики: «Юраккинамнинг қуввати»,

(Сестра говорит: «Сила моего сердца»)

Аммаси айтадики: «Эшиккинамнинг танбаси»,

(Тетя говорит, "Замок моей двери)

Холаси айтадики: «Рўмолгинамнинг нухаси»,

(Его тётя говорит: «Копия моего платка»)

Амакиси айтадики: «Жигаргинамнинг боласи» [156, с. 21].

(Дядя говорит: "Младенец моей печени")

и) повтор главной части бессоюзного СПП с придаточным определением:

Сўзлар бор: харсангдек бошга тушади,

(Есть слова: ударят как скала,)

Сўзлар бор: қанотга қанот қўшади

(Есть слова: они окрыляют тебя)

Беморни ҳам этар соглом ширин сўз

(Больного вылечит хороший язык)

Дилга берар завқу ором ширин сўз [156, с. 9].

(И душу успокоит хороший язык)

3.5. Семантический повтор

Кроме вышеуказанного, повтор характерен и для содержательного плана языка, он именуется «*семантическим повтором*», Семантический повтор как своеобразная система содержательного плана языка охватывает такие понятия, как *семантическая редупликация, смысловой (семантический) параллелизм* и др. Семантический повтор называется и смысловым повтором.

В узбекской разговорной и художественной речи, в языке фольклорных произведений широко распространён «смысловой повтор», противоположный словесному (лексическому) повтору. В конструкциях со смысловым повтором коррелируют (повтор) исходной лексемы под влиянием стиля претерпевает редукцию (эллипсис) и имеет нулевую, немаркированную, позицию. Примеры из узбекских и английских пословиц:

1) *Тулкининг тавбасидан қўрқ, мугамбирнинг ваҳмасидан;*

(Бойся покаяния лисы; преувеличения бездельника бойся);

Ақлли ўзини айблар, ақлсиз – дўстини;

(Лучше иметь дело с умным врагом, чем с другом - дураком);

Меҳнатдан дўст ортар, гийбатдан душман ;

(Трудишься – друга находишь, сплетничаешь – врагов наживёшь.)

Олтин ўтда билинар, одам—меҳнатда и т.п.

(Золото можно перепроверить в плаву (в пламени), человека – в труде.)

2) *But I can't be sure about my other brother, **Hugh** Well, we shall see*

(Но я не могу быть уверен, Хью, ладно, посмотрим.)

3) *We shall start for home as soon as possible” [196, с. 34].*

(«Мы отправимся домой как можно скорее»)

“Please raise, my lord...! He does not answer. He is still asleep” [196, с. 38].

Поветом ... dad. (Я люблю маму..., отец)

(«Пожалуйста, встаньте, милорд...! Он не отвечает. Он всё ещё спит»)

Смысловой повтор – это повтор семантического аспекта лингвистического знака, в связи с чем он и называется семантическим повтором.

Вопросы, связанные с семантическим повтором заслуживают отдельного монографического исследования.

В художественной прозе повтор активно употребляется в диалогической речи. Примером могут служить следующие отрывки из произведений русских авторов: 1. *М а р и я Л ь в о в н а. - Я это не вижу в вашем друге, не вижу, нет [152, с. 204].*

2. *В а р в а р а И в а н о в н а. Но она, ...эта ваша жена вашего солдата, очень глупа [152, с. 45].*

3. *Б е с с м е н о в. Ну да! Вы...вы! Как же...вы образовались, а я дурак!*

О речевом характере повтора Х.Р. Курбатов пишет, что «повтор как одна из синтаксических фигур, наподобие музыкальных оборотов и повторов музыкальных фраз, придает речи особое благозвучие, облегчает тем самым ее восприятие. Поэтому и можно даже их назвать в какой-то мере музыкой словесной речи» [83, с. 130]. Повтор функционирует в русской прозаической и поэтической художественной речи однозначно:

1. *О, О умолкай, поток седой, вымоли ее прощенье. Пади, пади к ее ногам!... [152, с. 99].*

Шумы, шуми с крутой вершины.

Зачем ты воешь, ветер ночной?

О чем так сетуешь безумно?

В некоторых сложных контекстах, т.е. дискурсах, могут употребляться два или более повторов. Характерным примером служит следующий пример, который извлечен из газеты «Комсомольская правда» от 26 июля 1973 года: *Одни говорят, что Эфенди Капиев создал Сулеймана Стальского. А другие говорят, что Сулейман создал Эфенди Капиева. На самом деле они были оба талантливы. Талант Эфенди создал Эфенди, а талант Сулеймана создал Сулеймана.*

Повтор является одной из разновидностей тавтологии. Но, однако, и между ними имеется существенное различие.

Различие между этими явлениями заключается в том, что «тавтология – содержательная избыточность высказывания, проявляющаяся в смысловом дублировании целого или его части. Тавтология может быть явной, лексической, т.е. выраженной в повторении тех же или близких слов, и скрытой, пропозициональной в смысловой тождественности логического субъекта и предиката предложения [13, с. 201]. Например, в высказывании «Утопный **труп** мертвого человека» (Чехов) мы имеем дело с тавтологией, но здесь не видим повтора. В отличие от тавтологии повтор, за исключением отдельных случаев, всегда имеет явное выражение.

Тавтология внешне напоминает плеоназм и иногда называется прочным плеоназмом, но тавтология, в отличие от плеоназма, - всегда принадлежность речи, не входит в систему и нормы языка, она необязательна и свидетельствует обычно о недостаточной логической и языковой грамотности говорящего, допускающего тавтологию. Плеоназм - это «избыточность выразительных средств, используемых для передачи лексического или грамматического смысла высказывания».

Все функциональные разновидности повтора характерны для всех языков мира, независимо от их отношения к различным грамматическим строям. Однако следует подчеркнуть, что удельный вес повтора в различных языках неодинаков, на что обращали внимание многие исследователи. Так,

например, П.Вайль писал: «В языках групп и семей повторение языковых единиц занимает разное место, играет разную роль и имеет свои особенности»[43, с. 37]. Об исключительном значении с повтора в немецком языке говорил Е. Дикенман, который утверждал, что «в немецком языке повтор слов является излюбленным средством словообразования» [55, с. 34].

Богат повторами разного типа английский язык, где они могут быть и полные (преимущественно звукоподражательные): quack-quack «кря-кря» (об утках), jug-jug – «щелканье соловья» или звук мотора», plod-plod – «стук копыт лошади», tick-tick - «ход часов» и т.п.; неполные (с изменением гласной): wig-wag - «флаговый сигнал», zig-zag – «зигзаг», flick-flock - «шарканье сапог» или ruff-raff – «сброд», «шпана», wish-wash – «бурда», «болтовня», сюда же относится и название игры ping-pong – «настольный теннис» (от звукоподражательного «стук капель дождя по стеклу»); интереснее случай sing- song в значении прилагательного «монотонный», где sing - «петь» и song - «песня»

Авторами «Теоретической грамматики английского языка» повтор рассматривается как одно из основных явлений расширения синтаксической структуры предложения и отмечается, что «простейшим видом расширения является повторение некоторого элемента в синтагматической цепи. Это может быть член предложения или его составная часть: *I waited and waited* (А я всё ждали и ждал) [189, с. 12]. *Nike nike old woman* [183, с. 18]. *The exited voices grew eouder and eouder* [192, с. 21]».

И.В. Арнольд справедливо подчеркивает, что “повторы можно рассматривать в плане расхождения между традиционно обозначающим и ситуативно обозначающим как некоторое целенаправленное отклонение от нейтральной синтаксической нормы, для которой достаточно однократного употребления слова [23, с. 159]: *Beat! Beat! Drums! – blow! blow!* [197, с. 32]”

(Бей! Бей! Барабаны! – дуй! Удар)

Среди повторов важное и центральное место занимает лексический повтор, т.е. повтор словесного характера, являющийся наиболее

«естественным» способом цепной связи в строении дискурса, устанавливающим прямой смысловой контакт между самостоятельными предложениями в макроконтексте – дискурсе. Лексические повторы в чистом виде встречаются в прозаических текстах сравнительно редко, ибо такой повтор создает нежелательную тавтологическую помеху, однако дистантное расположение повторяемой лексической единицы и изменение ее формы при каждом повторе ослабляет или совсем снимает нежелательный тавтологический момент.

Одна из важнейших функций лексического повтора — это его **связочная функция**, которая осуществляется между последовательно расположенными предложениями в общей структуре дискурса, т.е. текста. Связочная функция повтора чаще всего наблюдается в художественной прозаической речи.

Например:

Кампир аёлдан ўйлаганидан ҳам мушкулроқ воқеани билиб олди. Ярим тунда аёлнинг қизи бир алпозда онасини уйғотиб, ўша даҳшатли нарсани айтади. Кўрқинчдан аёлнинг девона бўлиб қолишига бир баҳя қолади. Ҳа,бу даҳшатли нарса шу эдики, қизни ҳали турмуш кўрмаган, ҳамма бокира ҳисоблаган, эндигина ўн саккизга кирган қизни дард, тўлғоқ тутаётган эди! Бировлар-ку, майли, ҳатто ўз туққан онасиам унинг шунча вақтдан буён ҳомиладор эканлигини билмаган эди. Букчайиброқ юришини кўриб, сал хавотирланиб кўярди. Яхшиямки, акаси Карим командир чегарада бўлаётган урушга кетган. Агар командир бу воқеани эшитса, синглисини ҳам, онасини ҳам тириклайин кўмади [167, с. 32].
(Старуха узнала намного больше того, что о ней думают. Посреди ночи дочь разбудила мать в смятенном состоянии и рассказала эту ужасную вещь. Объятая страхом (ужасом, женщина чуть не сошла с ума. Да ... это было ужасно, девушка незамужняя, все считают её девственницей, девушка, которой было восемнадцать лет ..., и вдруг схватки! Другие - то ладно, но даже её собственная мать не знала, что она ходила беременной. Улицезрев

её позу, она пришла в смятение. К счастью, его брат Карим ушёл на войну и находится на границе. Если командир услышит эту историю, его сестра и мать просто не выживут).

Лексическому повтору противостоит так называемый «смысловой повтор» - «смысловой дублёр». Этот тип повтора является вариантом словесного (лексического) повтора, при котором «повторяется» не лексическая единица как таковая, а ее значение, выражаемое смысловым «дублёром» или чистым синонимом, которые обогащают это значение различными семантико-экспрессивными и другими оттенками.

Лексический повтор в узбекском языке, как и в других языках, тесно связан с явлением **параллелизма**, ибо параллелизм возникает на основе функционирования лексического повтора. Лексический повтор, как и, в принципе, всякий вообще повтор, - это способ экспрессивного выделения, подчеркивания, фиксации внимания, например, сложный глагол «*яхшилик қилмоқ*» («делать добро») дважды повторяется в бессоюзном сложном предложении

«Яхшилик қилгилким, яхшилик қилгил.

("Будь добр, делай добро.)

Яхшилик қилгали берилгай умр», - чем обеспечено

Хорошая работа стоит того.

выражение экспрессивной поэтичности и логической ясности данного художественного контекста.

Узбекская поэтическая речь, в том числе и язык таких узбекских фольклорных произведений, как пословица, богата параллелизмами. Например:

Эскини эски дема: эскини топгунча эсинг кетади [175, с. 36];

(Не говори о старомодном: пока найдёшь что - то старомодное, с ума сойдёшь.)

Яхши меҳмон ош устига, ёмон меҳмон бош устига (пословицы).

(Хорошего гостя и пловом угостить приятно. Незванный гость одним своим присутствием тячатит)

Повторы в контекстах узбекских пословиц занимают разные позиции членов предложения. В следующих пословицах исходные и повторные слова занимают однозначную позицию членов предложения:

а) позиция подлежащего:

Тогнинг кўрки тош билан, одамнинг кўрки бош билан [175, с. 34];

(Гора прекрасно с камнем мужчина прекрасен головой);

Илоннинг боласи – илон, чаённинг боласи – чаён [175, с. 43];

(Дитё змея - змея, а скорпиона – скорпион);

Арпа эккан арпа олади, бугдой эккан бугдой олади [175, с.14];

(От ячменя вырастает ячмень, и пшеницу жнёт, пшеница);

б) позиция сказуемого:

Тўяр ошни кўз танийди, ошнани кўнгил танийди [175, с. 28];

(Владелец узнаёт свой суп, сердце узнаёт товарища);

Яхши қанд едирар, ёмон панд едирар [175, с. 133];

(Каждый получает по заслугам.)

Аҳмоқ ҳориганини билмас, кўса қариганини билмас [175, с. 13];

(Дурак не знает усталости, а безбородый не замечает, что он стар);

Извогарнинг ўзи ёмон, ўзидан ҳам сўзи ёмон [175, с. 21];

(Гегемон плох, и его слова хуже его самого);

Салом ҳам—фарз, алик ҳам—фарз [175, с. 33];

(Здороваться - Фарз, поприветствовать – тоже фарз.)

в) позиция определения:

Ҳар бир ишнинг чамаси бор, ҳар бир дарднинг давоси бор [175, с. 139];

(Против всего есть предубеждение, против каждой болезни есть лекарство);

Яхши қиз—ёқадаги қундуз, яхши йигит—кўкдаги юлдуз [175, с. 143];

(Хорошая дочь-как воротник из норки, хороший сын- звезд с неба);

г) позиция дополнения:

Эр юзини ер очар, ер юзини эр очар[175, с. 141];

(Он изольёт землю и пронзит её);

Севги пулга сотилмас, кўнгил пулга топилмас[175, с. 117];

(Любовь нельзя продать или заплатить деньгами за неё);

Яхши отга – бир қамчи, ёмон отга – минг қамчи[175, с. 142];

(По Хорошей лошади – один раз кнутом, по плохой лошадь - тысяча раз);

д) позиция обстоятельства:

Яхши уйдан кулги, ёмон уйдан йиғи эшитилар[175, с. 134].

(Из хорошего дома, доносится смех, из плохого дома доносится плач).

Исходный эквивалент и повтор могут занимать разную синтаксическую позицию, употребляясь в функциях разных членов предложения. Эта особенность повторов может представляться следующим образом:

а) исходный эквивалент в позиции подлежащего, повтор в позиции дополнения:

Сен ўзингни мақтама, сени биров мақтасин;

(Не хвали себя, пусть кто-нибудь хвалит тебя);

Ўтники ўтга кетар, сувники сувга кетар[175, с. 136];

(Дрова сжигаются, вода уходит в воду же);

Ит итга буюрар, ит—қуйругига;

(Собака приказывает собаке, а собака своему жиру...);

б) исходный эквивалент в позиции подлежащего, повтор в позиции сказуемого и в позициях других членов предложения:

Билим кучда, куч билимдадир[175, с. 13];

(Знание - это сила, а сила - в знании.)

Сулув сулув эмас, севилган—сулув;

(Красота не красота, когда полюбят красоту – тогда и есть красота.)

в) исходный эквивалент в позиции сказуемого, повтор в позиции определения:

Онанинг кўнгли болада (дир), боланинг кўнгли далада (дир).

(Мать о ребёнке думает, а ребёнок (дитя) об игре.)

Сочетание лексического повтора с обратным параллелизмом характерно для живой английской разговорной речи. Например:

It was an unearthly howl that made my skin prickle, and everyone at him looked up sharply. "It's Konrad," he said. "Someone was passed along the road, too near the gate to suit his taste. He's a faithful brute, *this Konrad*" [196, с. 67].

(Это был неземной вой, от которого у меня пошли мурашки по коже, и все на него резко посмотрели. – Это Конрад, - сказал он. «Кто – то прошёл по дороге, слишком близко к воротам, что по его понятиям было признаком дурного тона. Он верен себе, этот прогладит Конрад».)

Или:

"Were you, damme? Well, and what of it? He's a stout fellow, *is George Godolphin*, one of my oldest friends."

- Неужели, черт возьми? Ну и что с того? Он надёжный парень, Джордж Годольфин, один из моих самых давних друзей.

3.6. Повтор и актуальное членение предложения

Понятие «актуальное членение предложения» введено в науку о языке чешским лингвистом В. Матезиусом, в котором противопоставляются его формальные члены.

Таким образом, актуальное членение предложения характеризуется выделением в нем формальных частей - компонентов, которые различаются характером коммуникативной нагрузки, участием в сообщении конкретной семантики высказывания. Одни (первые) выступают как исходные, заключающие уже в известной участникам общения смысл, вторые(последующие) – сообщает новое, неизвестное. Например, высказывание *Гостей собралось // довольно много (Паустовский)* в русском языке первая часть включает уже известное содержание, основу для сообщения нового (довольно много)

В актуальном членение предложения противопоставляются две функциональные различные части; для их обозначения используются парные термины: «данное» — «новое», «основы» — «ядро» и наиболее употребительные «тема» - «рема».

Основные элементы актуального членения – это исходная точка (или основа) высказывания, т.е. то, что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть легко понято и на чего исходит говорящий, и ядро высказывания, т.е. то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания.

3.7. Немаркированный повтор

В работах по лингвистике текста употребляется новый термин «антиэллипсис», который «в структурном и функциональном планах является коррелятом эллипсиса, а в рамках понятия повтора представляет собой либо гиперхарактеризованную тавтологию, либо плеоназм, либо совмещение того и другого» [123, с. 143]. Авторы данного термина утверждают, что «Стилистическая оппозиция «эллипсис—антиэллипсис» обладает определенной динамикой, которая связана с изменением маркированности членов оппозиции (маркированность «переходит» от одного члена оппозиции к другому) в зависимости от стилистического типа текста, в котором выступает данная оппозиция. Член оппозиции, характеризующейся высокой частотностью, нормативностью употребления, обладает нейтральным стилистическим качеством и служит фоном, на котором проявляется стилистическая маркированность другого члена оппозиции» [123, с. 34].

С точки зрения функциональной перспективы высказывания антиэллипсис (избыточное замещение синтаксической позиции) всегда имеет связь с повторением данного: темы (а), ее части (б) или значительно реже – части темы (в) [114, с. 272-273] в отрезке речи, взятой из «Комсомольской правды» от 26 июля 1973 г. *«Одни говорят, что Эфенди Кариев создал*

Сулеймана Стальского. А другие говорят, что Сулейман создал Эфенди Кадиева, На самом деле они были оба талантливы. Талант Эфенди создал Эфенди, а талант Сулеймана создал Сулеймана», где последние три «создал» является антиэллипсисом.

Понятие «антиэллипсис» функционально совпадает с маркированным повтором, о котором подробно - в другой нашей работе. Цель настоящей работы – показать нулевую позицию лексического повтора в языке фольклора узбекского языка, где в качестве иллюстративного материала привлечены узбекские пословицы.

Бывают повторы, которые под влиянием закона экономии языковых единиц, не имеют звуковых выражений, т.е. фонетического оформления, и напоминают явление эллипсиса. Немаркированные повторы—эти повторы нулевой позиции, что соответствует требованиям литературной нормы узбекского языка. Немаркированные повторы всегда сопровождаются маркированными коррелятами синтаксической конструкции любого характера: без маркированных коррелятов не могут функционировать немаркированные повторы.

Повторы такого характера чаще всего встречаются в предложениях-пословицах (и поговорках) в узбекском языке. Так, например, слово «ортар» немаркировано (без звукового оформления) повторяется в структуре второго компонента бессоюзного сложносочиненного предложения *«Меҳнатдан дўст ортар, гийбатдан душман»*. Также «повторный» коррелят «бўлмас» формально (маркированно) отсутствует в структуре второго компонента бессоюзного сложносочиненного предложения *«Аҳмоқнинг моҳири бўлмас, дўстликнинг - охири*. Подобный же характер имеет структура пословицы *«Каттани катта бил, кичикни кичик»* в узбекском языке, где коррелят повтора «бил» не имеет формального выражения, т.е. является немаркированным. Следует отметить, что восстановить и включить немаркированные коррелятив повтора в структуру предложения

стилистически невозможно: конструкция предложения под влиянием неудачной избыточности претерпевает ущерб. Сравните:.

1. *Меҳнатдан дўст ортар, зийбатдан-душман – Меҳнатдан дўст ортар, зийбатдан душман ортар(?)*[175, с. 11]. (*Трудишься – друга находишь, сплетничаешь – врагов наживёшь.*)

2. *Аҳмоқнинг моҳири бўлмас, дўстликнинг–охири – Аҳмоқнинг моҳири бўлмас, дўстликнинг охири бўлмас(?)* [175, с. 11];

(Дружба крепка не лестью, а правдой и чистью).

3. *Каттани катта бил, кичикни-кичик - Каттани катта бил, кичикни кичик бил(?)*.

(Старшим – больше, младшим – меньше (к каждому имей свой подход)).

Все члены предложения могут иметь нулевую позицию, являясь немаркированными повторами, что подтверждается примерами, которые встречаются в конструкциях узбекских пословиц.

1. Немаркированное слово в позиции сказуемого второй предикативной части бессоюзного сложного предложения (высказывания-пословицы):

а) немаркированным бывает глагол в позиции сказуемого:

Яхшидан от қолади, ёмондан—дод (Яхшидан от қолади, ёмондан дод қолади); (От хорошего человека имя хорошее остается, а от плохого – дурное слово).

Булбул чаманни севар, одам—Ватанни (Булбул чаманни севар, одам Ватанни севар); (Соловей склонен к любви, человек любит свою Родину)

Сувсиз ҳаёт бўлмас, меҳнатсиз—роҳат (Сувсиз ҳаёт бўлмас, меҳнатсиз роҳат бўлмас); (Без воды нет жизни, без труда – отдыха(Без воды никакой труд не состоится));

Бирни биров беради, кўпни—меҳнат (Бирни биров беради, кўпни меҳнат беради); (Кто-то дает – один раз дает, много даёт только работа)

б) в позиции немаркированного повтора выступают существительные в функции сказуемого:

Салом ҳам фарз, алик ҳам (Салом ҳам фарз, алик ҳам фарз);

(Приветствия положены абсолютно всем, здороваться нужно со всеми.)

Кўрган кўзга фойда, севган кўнгилга (Кўрган кўзга фойда, севган кўнгилга фойда);

(Благо глаза - это благо того, чье сердце любимо (благо глаза, благо верующего));

в) в позиции немаркированного повтора выступает прилагательное в функции сказуемого:

Кийимнинг янгиси яхши, дустнинг эскиси (Кийимнинг янгиси яхши, дўстнинг эскиси яхши);

(Новая Одежда хорошая, а, друг старый);

Сухбат сўз билан ширин, овқат туз билан (Сухбат сўз билан ширин, овқат туз билан ширин);

(В разговоре красноречие хорошо, а еда с солью хороша.)

Ипнинг узуну яхши, гапнинг – қисқаси (Ипнинг узуну яхши, гапнинг қисқаси яхши);

(Длинная лента хороша, а слова когда меньше их.)

Эчкининг шохи хавфли, отнинг—туёғи (Эчкининг шохи хавфли, отнинг туёғи хавфли);

(Рог козы опасен, и копыта лошади опасны);

г) в позиции немаркированного повтора выступает числительное в функции сказуемого:

Ҳаёт ҳам битта, муҳаббат ҳам (Ҳаёт ҳам битта, муҳаббат ҳам битта);

(Жизнь единственная, любовь тоже) (Жизнь одна и любовь одна);

д) в позиции немаркированного повтора выступает вспомогательная часть сказуемого:

Тог бўрисиз бўлмас, тўқай-арслонсиз (Тог бўрисиз бўлмас, тўқай арслонсиз бўлмас); (Гора без волка не бывает, а лес – без тигра.)

Ойнинг ўн беши қоронги бўлса, ўн беши ёруғ (Ойнинг ўн беши қоронги бўлса, ўн беши ёруғ бўлади); (Если пятнадцать дней месяца темные, то пятнадцать – светлые)

Кўпчилик қайда бўлса, тўқчилик шунда (Кўпчилик қайда бўлса, тўқчилик шунда бўлади); (Где много людей, то там и сытно (Если много людей, то много голубей));

Яхши қанд едирар, ёмон панд (Яхши қанд едирар, ёмон панд едирар); (Хороший даёт тебе сахар, а плохой – плохой поступок);

е) в позиции немаркированного повтора выступают модальные слова в функции сказуемого:

Қалбга қаримоқ йўқ, севгига ўлим (Қалбга қаримоқ йўқ, севгига ўлим йўқ). (Сердце не стареет, а любовь не умирает)

2. В функции немаркированного повтора выступают существительные в позиции прямого дополнения:

Одамни умид яшартади, гам қақшатади (Одамни умид яшартади, одамни гам қақшатади); (Надежда омоложает человека, а несчастье – убивает)

3. В функции немаркированного повтора выступают существительные в позиции притяжательного определения:

Бола—азиз, одоби ундан азиз (Бола азиз, боланинг одоби ундан азиз); (Ребенок дорог, но дорого и его поведение (воспитание))

Болангни яхши кўрсанг, одобига айнима (Болангни яхши кўрсанг, болангнинг одобига айнима). (Если вы любите своего ребенка, с вами будут обращаться обычно)

В данной конструкции немаркированный повтор является асимметричными, который характеризуется тем, что основной коррелят различается от немаркированного его коррелята в отношении морфологической оформленности. Коррелят немаркированного повтора является существительным в винительном падеже, а немаркированный коррелят – существительным в родительном падеже.

Немаркированный коррелят повтора является симметричным, если его коррелятивная пара совпадает с ним в отношении морфологического оформления. Например, в предложениях-пословицах *Ер бойликнинг онаси бўлса, отаси—меҳнат* (*Ер бойликнинг онаси бўлса, бойликнинг отаси – меҳнат*) [175, с. 18];

(Земля является матерью богатства, а отцом - труд)

Ҳар ернинг ўз тупроғи бор, ўз шароити бор (*Ҳар ернинг ўз тупроғи бор, ҳар ернинг ўз шароити бор*) [175, с. 100];

(У каждого человека своя почва, а у неё свои условия (у каждой земли своя почва, у всех свои условия));

Ойнинг ўн беши қоронғи бўлса, ўн беши ёруғ (*Ойнинг ўн беши қоронғи бўлса, ойнинг ўн беши ёруғ*).

(Если пятнадцать дней месяцев луны тёмные, то пятнадцать – светлые)

В симметричных случаях немаркированный повтор и его маркированный коррелят имеют однозначное морфологическое оформление. В вышеприведенном примере оба коррелята повтора в одинаковой морфологической форме: существительные в родительном падеже—существительные в родительном падеже.

В функции немаркированного повтора выступает именное словосочетание в позиции подлежащего:

Инсон кўнгли гулдан нозик, тошдан қаттиқ (*Инсон кўнгли гулдан нозик, инсон кўнгли тошдан қаттиқ*) [175, с. 39];

(Люди тоньше цветков, тяжелее камней);

Кўз бўямачи тулки бўлади, халқ ичида кулги бўлади (*Кўз бўямачи тулки бўлади, кўз бўямачи халқ ичида кулки бўлади*) и др.

(Очковтирательным человек – лиса, в народе становится посмешищем).

Во многих случаях в литературной и разговорной речи обнаруживаются так называемые «обратные повторы», которые противостоят обычным, «нормальным» повторам лексического характера. Термин «обратный повтор» употребляется нами условно.

«Обратный повтор», являясь одной из разновидностей смыслового повтора, характеризуется тем, что в нем маркированным является второй коррелят повторяемого слова, он имеет фонетическое выражение, а первый член повторного коррелята осмысливается без фонетического выражения, т.е. является немаркированным. Так, например, в предложении-пословице «Сафар қилсанг, ҳамроҳинг, уй-жой қилсанг, ҳамсоянг бўлсин» (Если ты путешествуешь, имей напарника, а если обзаведёшься домом, то заводи дружбу с соседом) многокомпонентное сложное предложение состоит из четырёх предикативных частей:

- 1) сафар қилсанг;
- 2) ҳамроҳинг бўлсин;
- 3) уй-жой курсанг;
- 4) ҳамсоянг бўлсин.

Во второй его предикативной части сказуемое «бўлсин» является немаркированным, оно характеризуется как «обратный повтор» (сравните: Сафар қилсанг, ҳамроҳинг бўлсин, уй-жой курсанг, ҳамсоянг бўлсин).

«Обратный повтор» широко употребляется в конструкциях пословиц узбекского языка, основными его разновидностями являются следующие:

1. Обратным повтором является сказуемое первой части сложного предложения:

Яхши сўз билан илон инидан, ёмон сўз билан пичоқ қинидан чиқар (Яхши сўз билан илон инидан чиқар, ёмон сўз билан пичоқ қинидан чиқар);

(Словом можно убить, словом можно оживить).

Яхши бўлсанг, ошингни, ёмон бўлсанг, бошингни ейсан (Яхши бўлсанг, ошингни ейсан, ёмон бўлсанг, бошингни ейсан);

(Если ты хороший, то будешь кушать плов, если ты плохой, то потеряешь свою голову).

Сўз олқишидан, севги боқишидан билинар (Сўз олқишидан билинар, севги боқишидан билинар);

(Всё становится известным из слов, а любовь через взгляд).

2. В позиции «обратного повтора» употребляется сказуемое, которое имеет форму отрицательного глагола, в позиции маркированного повтора - глагол утвердительной формы:

Эр йигитни одам эмас, номус ўлдиради (Эр йигитни одам ўлдирмайди, номус ўлдиради) [175, с. 142];

(Человека убивает не человек, а – честь)

Одамни пўстин эмас, ишқ қиздиради (Одамни пўстин қиздирмайди, иш қиздиради) [175, с. 53];

(Человека греет не шуба, а любовь)

3. В позициях обоих повторов — глаголы утвердительной формы в позиции сказуемого:

а) Сўзни ўлчаб, кулгини мисқоллаб сот (Сўзни ўлчаб сот, кулгини мисқоллаб сот) [175, с. 73];

(Мера слова, а смех в пору);

Куённи қамиш, одамни номус ўлдиради (Куённи қамиш ўлдиради, одамни номус ўлдиради);

(Кролика, убивает тростник, человека – честь)

б) формы именного сказуемого:

Эчкининг шохи, отнинг туёғи хавфли (Эчкининг шохи хавфли, отнинг туёғи хавфли);

4. В позиции обратного повтора употребляется косвенное дополнение, выраженное именным словосочетанием:

Яхши гап ҳам, ёмон гап ҳам бир оғиздан чиқади (Яхши гап ҳам бир оғиздан чиқади, ёмон гап ҳам бир оғиздан чиқади). (Хорошие или плохие слова, всё из одного и того же уста) Это предложение отличается от предыдущих предложений по количеству обратных повторов. В нем два обратных повтора: а) бир оғиздан; б) чиқади.

Следует отметить, что в узбекском языке конструкции с «обратными повторами» без изменения смысла легко трансформируются в конструкции с

обычными, «постпозитивными» повторами. Сравните: *Яхши гап ҳам, ёмон гап ҳам бир оғиздан чиқади – Яхши гап ҳам бир оғиздан чиқади, ёмон гап ҳам; (Хорошие или плохие слова, всё из одного и того же уста)*

Эчкининг шохи, отнинг туёғи хавфли – Эчкининг шохи хавфли, отнинг туёғи.

Қуённи қамиш, одамни номус ўлдиради – Қуённи қамиш ўлдиради, одамни—номус (Кролика, убивает тростник, человека – честь) и т.д.

Между ядерными и трансформированными эквивалентами предложений с немаркированными и обратными повторами различие обнаруживается лишь в интонационном строении высказываний: не препозитивное в отношении немаркированного повтора произносится выделительной паузой, что в письменной речи обозначается с помощью тире. Ср. *Қуённи қамиш, одамни номус ўлдиради – Қуённи қамиш ўлдиради, одамни—н о м у с.*

Немаркированные повторы активно встречаются и в парцеллятивных конструкциях. Парцелляционная конструкция характеризуется тем, что при ней «содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или более интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы. Парцелляция широко используется в художественной литературе как средство изобразительности, особый стилистический прием, позволяющий усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений» [60, с. 15]. Так, например, сказуемое «келди» является не маркированным повтором в речевом отрезке *«Бизнинг касалхонага яқинда бир қиз келди. Тошкентдан («Шарқ юлдузи») (Девушка недавно пришла в нашу больницу. Она приехала из Ташкента), является парцеллятивной конструкцией, в которой парцеллят «Тошкентдан» не имеет формального лексического повтора. Наличие немаркированного повтора осмысливается через пресуппозиции данного предложения, где маркером пресуппозиции является сказуемое «келди», которое употреблено в основной (базовой) структуре парцеллятивного высказывания, Ср.: *Бизнинг касалхонага яқинда бир қиз келди. Тошкентдан (келди).* Непарцеллятивным, обычным*

эквивалентом данного высказывания является форма предложения: «*Бизнинг касалхонага яқинда Тошкентдан бир қиз келди*». Эти две конструкции (парцелляционной и не парцелляционной структуры) в отношении общего смысла не различаются; различаются они друг от друга в отношениях прагматико-стилистического и структурно-грамматического аспектов высказывания.

Немаркированные повторы в одной парцеллятивной конструкции могут быть два и больше. Например, в структуре высказывания «*Район марказига атроф қишлоқлардан бозор-учарга одамлар келишарди. Машиналарда. Яёв*» («*В центр района люди шли из окрестных деревень на рынок. На машинах. Пешком*»)

два парцеллята с не маркированным повтором:

- 1) Машиналарда (келишарди);
- 2) Яёв (келишарди). Кроме этого, в данном высказывании обнаруживается и смысловой повтор (*одамлар: одамлар машиналарда келишарди; одамлар яёв келишарди*), он так же имеет не словесное оформление, т.е. немаркированное. Языковые (точнее речевые) данные подобного характера, в которых повторы не имеют формального оформления, многочисленны в узбекском языке и в языках иного грамматического строя, что требует осамостоятельного изучения.

3.8. Смешанный повтор

В смешанном повторе наблюдается употребление нескольких видов повтора в строении одного синтаксического целого (микротекста). Например, в строении:

Тожикистон-юртим менинг,

(Моя страна Таджикистан,)

Камол топган уйим менинг,

(Мой дом, где я вырос.)

Ҳам тан-у, ҳам жоним менинг,

(И тело моё, и моя душа,)

Шу ватаним менинг.

(Это моя родина.)

Мен-чун қадрдон дўст-ёрим,

(И мои друзья здесь,)

Мангу навқирон баҳорим,

(И Вечная весна,)

Мангу навқирон баҳорим.

(И Вечная весна.)

Шу замин ватаним менинг [156,с. 40].

(Это родина моя)

В данном поэтическом тексте имеются повторы следующего характера:

1) лексический повтор: повторяется личное местоимение в функции инверсивного компонента именных словосочетаний (уйим менинг—менинг уйим);

2) синтаксический повтор:

а) повтор члена предложения: повторены притяжательные определения (менинг); качественные определения (навқирон);

б) повтор простого именного предложения (*Шу замин ватаним менинг*).

В следующем поэтическом отрывке повторены собственные имена существительные *Меҳрижон, Фарангиз, Гулсара, Анорхон, Ойсара, Нури, Майрам* в формах разного падежа и лексема **эри** в именительном падеже:

-Фалончининг эри-чи, Фалончи-ла юрармиш,

(Что не так с её мужем, гуляет он с другой)

Хаттоки ўша ерда Гоҳ-гоҳида тунармиш.

(Да и ночью там ночует порой.)

-Вой, буни Сиз қўшнижон, Қаердан эшитдингиз?

(Вау, это твой сосед, где ты это слышал?)

-Айтди менга Меҳрижон, Меҳрижонга Фарангиз,

(Мне сказал Меҳриджон, Меҳриджону Фарангиз,)

Фарангизга Гулбаҳор, Баҳоройга Гулсара,

(Фарангизу Гулбахор, Бахаройу Гулсара,)

Гулсарага-чи Анор, Анорхонга Ойсара,

(А Гульсаре Анор, Анорхону Ойсара,)

Ойсарагами, Нури, Нуригами, ҳа-а, Майрам,

(А Ойсаре, Нури, А Нури - Майрам,)

Майрамойгами эри, Эри-чи аллакимда [156, с. 7].

(А Майрам – её муж, она красивая)

В нижеследующем примере:

Ўзим гуноҳкорман, ўзимқозиман...

(Сам виноват – сам судья)

Адашсам, на йўл, на бўзимдан гина,

(Я не виню никого и ничего)

Гуноҳкор шу икки кўзимдан гина,

(Виноваты тут мои глаза.)

Дўст сотса, ранжима ўртаниб, кўнгил,

(Не огорчайся, если предаст друг,)

Дўст танлай олмаган ўзимдан гина. - имеются:

(Не смог значит найти себе друга)

а) повтор местоимения (*ўзим*);

б) повтор отвлеченного существительного в позиции сказуемого (*гина-гина*);

в) повтор существительного («*дўст*») в позиции нефункционального прямого дополнения: А в предложении, взятом из художественного литературы на английском языке, имеются повторы следующего типа:

He felt firmer and lighter and felt things as edges he must whip around and channels he must rush down [190, с. 98].

(Он чувствовал себя увереннее и легче, он ощущал все острые углы которые он должен обойти и все подводные течения, которые нужно будет преодолеть.)

He couldn't spy on her. If she wanted to keep things from him – she must; he couldn't spy on her [190, с. 101].

(Он не мог шпионить за ней. Если она хотела что – то от него скрывать – она имела на то право но шпионить, за ней он не мог.)

Повторы:

а) существительное в позиции сказуемого именного двусоставного предложения тождества;

б) личное местоимение в позиции подлежащего двусоставного глагольного предложения:

Дунёнинг тарихи—баҳслар тарихи,

(История мира - история споров,)

Муллолар ўтарлар ўқиб билганин.

(Муллы читали отрывки, что знали.)

Биздан бурун келгандилар, кетгандилар,

(Они пришли до нас, и до нас ушли,)

Кимлар барбод, кимлар бунёд этгандилар [156, с. 38].

(Кто сломал и кто это создал?)

Повтор числительного в позиции подлежащего; повтор наречия в позиции обстоятельства времени:

Сўнг жарчилар бири қўйиб, бири даитларни, адирларни, тоғ-у чўлларни гулдиратиб хабар қилади: -Тонг бўзарганда Нону-Ширинга марҳамат! Қуёш найза бўйи кўтарилганда, хатми қуръон! Чошгоҳда эрларга зиёфат! Пешинда хотин оши!..Сўнг кураш! Сўнг кўпқари! Сўнг пиёдаулоқ! Сўнг қиз йиғлади! Сўнг то тонготар базму жамшид! [163, с. 20].

(Затем один позвал всех, из холмов и пустынь: «Добро пожаловать за стол!» Когда солнце поднимается над горизонтом, Коран будет читаться! Банкет для мужчин на рассвете! В полдень – женищинам! .. Тогда борись! Тогда иди! Тогда пешком! После чего тир до утра!)

Повтор служебной части сложного глагола в позиции сказуемого (кетгай); собственное имя в позиции обращения (Гулюз):

Туманлар тарқалиб кетгай,

(Туман рассеивается,)

Гумонлар йўқ бўлиб кетгай,

(Разочарования исчезнут,)

Йўлимизга тўсиқ бўлган

(Он преградил нам путь)

Ёсуманлар қолиб кетгай,

(Там нет необходимости для них,)

Келақол, Гулюз, Кўнглим ол, Гулюз [156, с. 21].

(Иди ко мне Гулюз, иди ко мне!)

Повтор модальных слов в позиции сказуемых (йўқдир); повтор прилагательного в позиции сказуемого (билагон):

Шокирлар кўп, шукр йўқдир,

(Много тех, кто учит нас,)

Зокирлар кўп, зикр йўқдир,

(А сами бога не благодарят)

Калла катта, фикр йўқдир,

(Головы большие, нет умов,)

Бу не холдир, Оллоҳим? [156, с. 23].

(Что это, Боже ты мой?)

Бу қандай маконки, ҳамма билагон,

(Как это может быть так,)

Ҳамма билагон-у. ёлғиз толиб йўқ;

(Все знают. Только он не в курсе, где это?);

Повтор именной словоформы в позиции определения (сўзнинг) и в позиции подлежащего (сўзлар):

Сўз билан бошингдан гамлар арисин,

(С самого начала пусть уходят беды,)

*Сев Сўзнинг мардини, Сўзнинг парисин,
(Люби настоящее слово, то есть пери слов!)*

*Сўзлар қаримасин, Кўнгилдан сўрагил,
(Не говори, не волнуйся, спроси у сердца)*

*Кўнгил худодир [156, с. 26];
(Сердце - это Бог!)*

**Повтор главной части сложноподчиненного предложения с
придаточными дополнения (по модели “S(N)+P(V)”):**

Отаси айтадики: «Белгинамнинг қуввати»

Онаси айтадики: «Уйгинамнинг сараси»,

Акаси айтадики: «Тилла пичогим дастаси»,

Тогаси айтадики: «Адрас тўнимнинг киссаси»

Опаси айтадики: «Юраккинамнинг қуввати»,

Аммаси айтадики: «Эшиккинамнинг танбаси»,

Холаси айтадики: «Рўмолгинамнинг нусхаси»,

Амакиси айтадики: «Жигаргинамнинг боласи» [156, с.39].

Повтор корневой морфемы (ба~ир), повтор модального слова(қанийди):

Бағритошим, бағрингизга бошим қўйсам, қанийди,

(Жестокосердный мой, хочу быть в объятиях твоих)

Кўзларингиз қаросига ботиб кетсам, қанийди

(Хочу утонуть во мгле глаз твоих.)

Смешанный повтор в английском языке:

She had had nothing to eat, and yet there she sat, thinking it over [194, с. 27].

*(В те времена ей нечего было есть, и всё же, уже давно пережив тот голод,
сейчас она сидела не в силах выкинуть его из памяти.)*

*Not a bit, not an atom... And now there came the **chock-chock** of wooden
hammers [162, с. 115].*

*(Ни капельки, ни на йоту и тут вот послышалось вдруг перестукивание
деревянных молотков.)*

*While the danger **had not** lessened, it **had not** as yet materialized, and with him no **news** was good **news** [162, с. 66].*

(Пока опасность не миновала , хотя ещё и не стала явью, ниодна новость не могла быть хорошей для него.)

***She** put her arm round her mother's neck and **gently**, very **gently**, **she** bit her mother's ear [162, с. 117].*

(Она обняла мать за шею и нежно, очень нежно к уснула её за ухо.)

*When he looked at his fine clothes, he saw them with **her eyes** - and **her eyes** were young [162, с. 18].*

(Когда он смотрел на свои красивые одеяния, он видел их её глазами то были глаза, запомнившиеся ему по их юности.)

Выводы по третьей главе

Сфера функционирования повтора охватывает все ярусы языка - от фонетики-фонологии вплоть до дискурса (микротекста) синтаксического яруса языка. Среди них важное, центральное, место занимает лексический повтор. Рассмотрим вкратце особенности повторов всех уровней языка, что поможет ясно представить лингвистический характер лексического повтора.

Фонетический повтор в структуре одной и той же лексемы является внутренним повтором, повтор в структуре разных лексем — внешним, первый из них имеет нейтральный, не стилистический характер, выпадения повторного звука или слога не должно быть, иначе разрушается фонетическая целостность слов.

Морфема - самая мельчайшая значимая часть структуры слова. Общая совокупность морфем образует морфемную структуру слова, - одним из основных разделов языкознания. Морфемная структура позволяет получить ценные сведения о структуре слова, широко используемые при словообразовательном и морфологическом анализе.

Как известно, морфемы бывают корневые и аффиксальные. Корневая морфема является центральным элементом в морфемной структуре слова, предопределяющим его лексическое значение.

Аффиксальная морфема, противопоставленная морфеме корня, является служебной морфемой морфемной структуры слова. В слове аффиксальные морфемы группируются вокруг корня, образуя периферийные элементы морфемной структуры слова. По своей функции аффиксальные морфемы бывают: а) номинативные и б) структурные (соединительные).

Повтор в морфологическом ярусе называется морфологическим повтором, где повторяются одни и те же словоформы. Как известно, словоформы тесно связаны с грамматическим оформлением лексем определенной части речи, чаще всего лексем имени существительного и глагола.

Повтор морфологического уровня совмещается с повтором лексического и синтаксического уровней. Повтор морфологического уровня отличается от повторов всех других уровней тем, что в морфологическом повторе могут повторяться не лексемы, а грамматические формы именных, глагольных лексем, а также лексем других самостоятельных частей речи.

Повтор синтаксического уровня отличается от повторов других уровней языка. Это объясняется тем, что повтор синтаксического уровня – это повторы структурных схем (моделей) синтаксических единиц разных грамматических категорий. На основе характера собранного нами фактического материала мы определяем следующие группы повтора синтаксического уровня в узбекском и английском языках.

Бывают повторы, которые под влиянием закона экономии языковых единиц, не имеют звуковых выражений, т.е. фонетического оформления, и напоминают явление эллипсиса. Немаркированные повторы — это повторы нулевой позиции, что соответствует требованиям литературной нормы узбекского языка. Немаркированные повторы всегда сопровождаются маркированными коррелятами синтаксической конструкции любого характера: без маркированных коррелятов не могут функционировать немаркированные повторы. Повторы такого характера чаще всего встречаются в предложениях-пословицах (и поговорках) на узбекском и английском языках.

Все члены предложения могут иметь нулевую позицию, являясь немаркированными повторами, что подтверждается примерами, которые встречаются в конструкциях узбекских пословиц.

Немаркированные повторы активно встречаются и в парцеллятивных конструкциях. Парцелляционная конструкция характеризуется тем, что «при которой содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или более интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы. Парцелляция широко используется в художественной литературе как средства изобразительности, особый

стилистический прием, позволяющий усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений».

Языковые (точнее речевые) данные подобного характера, в которых повторы не имеют формального оформления, многочисленны в узбекском языке и в языках иного грамматического строя, что должно стать специальным рассмотрением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На земном шаре существует огромное количество языков, причем каждый из них обладает некоторыми общими с другими языками чертами, которые мы находим только в отдельном языке. В настоящее время типологические исследования значительно расширяют границы лингвистических исследований, выводя их за рамки генетически родственных языков, дают возможность привлечь широкий круг разноструктурных языков, обогащая этим привлекаемый для исследования материал и, тем самым, позволяют решить широкие общезыковые проблемы.

Для сопоставительно-типологических исследований принципиальное значение имеет установление как структурного тождества, так и структурных различий конститутивных единиц и отношений между ними в двух или нескольких сравниваемых языках. Необходимость сравнения и сопоставления материалов двух языков осознана многими, и они дали и продолжают давать свои положительные результаты при обучении языкам в различных направлениях.

Узбекский язык и его культура сложились в результате слияния различных говоров и диалектов ареала расселения тюркоговорящего населения, и поэтому он распространен и за пределами Республики Узбекистан. В диалектном отношении современный литературный узбекский язык неоднороден, и, в свою очередь, он в подробностях не тождествен ни одному из живых диалектов и говоров.

Современный английский язык является одним из германских языков, имеет большое количество территориальных диалектов. Диалектные варьирования носят значительно более ярко выраженный характер, чем в США, где основой литературной нормы становится центральный диалект.

Цель сопоставительного языкознания — систематически представить культурные различия и культурную общность языков, что включает в себя следующие три направления:

- 1) сопоставительное описание классических и родных языков;
- 2) сопоставительное описание родных и иностранных языков;
- 3) сопоставительно-типологическое и сопоставительно-ареальное описание языков в виде словарей, грамматик, фонетик и монографических исследований разных проблем.

Сопоставительное изучение материалов языков разного грамматического строя, в том числе узбекского и английского, относится к одной из важнейших проблем типологии, которая обозначилась как одно из основных и ведущих направлений современного общего языкознания.

Повтор неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, начиная с Античности и далее в течение всего развития и становления лингвистики: к проблеме повтора обращались философы и логики, он изучался в рамках риторики, литературоведения, психологии. Изучение повтора предполагает необходимость исследования причин его возникновения в речи, поскольку понимание психологической, эмоциональной и социологической мотивации повтора позволяет раскрыть наиболее полно особенности его функционирования в тексте.

Подводя итог нашего исследования следует прийти к таким выводам:

1. Функционирование лексического повтора — это объект изучения экспрессивного синтаксиса, потому что это явление функционирует в грамматике: в связном тексте, вернее, в предложении. В предложении повторяются словоформы, а не лексемы. Словоформы, как нам известно, изучаются в грамматике, а в не лексикологии.
2. Повтор имеет место в микротексте, формирующемся на основании анафорического (указания на предшествующее) и катафорического (указания на последующее) способов связи. Анафорические средства выражения когерентности микротекста устанавливают связи последующего предложения с предыдущим, а функция

анафорических средств, наоборот, состоит в установлении правосторонней связи между предложениями микротекста.

3. Синергетика—новое современное междисциплинарное направление исследования систем, состоящих из большого числа компонентов или подсистем, сложным образом взаимодействующих между собой. В результате такого взаимодействия возникают процессы, которые приводят к самоорганизации систем. В языке художественных произведений типа узбекских дастанов (эпосов) обнаруживаются многочисленные повторы разного характера, среди них важным является лексический повтор. Повтор, независимо от того, к какому ярусу языка он относится, противоположен к литературной норме. Однако под влиянием синергетики повтор всякого рода, постепенно ассимилируясь, т.е. подчиняясь к литературной норме, приобретает характер системности.
4. Повторы передают значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации; служат важным средством связи между предложениями, при этом иногда предметно-логическую информацию бывает трудно отделить от дополнительной информации.
5. Лексический повтор, в свою очередь, является своеобразным языковым знаком, который отличается от других знаков языка своей вторичностью по отношению к первичному знаку. Под термином «повтор» должны рассматриваться повторения единиц фонетического, морфемного, словообразовательного, морфологического и синтаксического уровней языка, которые функционируют в речевом потоке и в предложении. Повтор такого характера нельзя смешивать с явлением повторных слов.
6. Повтор—это вторичная номинация, неисчерпаемый резервуар развития значения слов, поскольку ресурсы контекстообразования неисчерпаемы. Лексические повторы в синтаксисе служат в качестве

строевой роли. Строевая роль лексических повторов, пожалуй, в наиболее чистом своем виде обнаруживается в диалоге. Лексические повторы различного вида широко используются для придания экспрессивности художественному тексту. Повторение слов способствует большей силе высказывания, большей напряженности повествования. Функция повтора в разговорной речи значительно разнообразнее, чем только выполнение коммуникативных задач. Средства языковой экономии и языковой избыточности в разговорной речи – явления хотя и противоположные, но оба представляют слабые элементы разговорной речи.

7. Любой повтор вносит элемент п л е о н а с т и ч н о с т и в синтаксическую структуру, даже в случаях, когда он вызван требованиями художественной выразительности. Поэтому повторы тоже можно отнести к той группе элементов авторской обработки, которые создают полноту высказывания.
8. Лексический повтор тесно связан с явлением параллелизма.
9. Сфера функционирования повтора охватывает все ярусы языка, от фонетики-фонологии вплоть до дискурса (микротекста) синтаксического яруса языка. Среди них важное, центральное место, занимает лексический повтор.
10. Повтор в морфологическом ярусе называется морфологическим повтором, где повторяются одни и те же словоформы. Как известно, словоформы тесно связаны с грамматическим оформлением лексем определенной части речи, чаще всего лексем имени существительного и глагола. Повтор морфологического уровня совмещается повтором лексического и синтаксического уровней. Повтор морфологического уровня отличается от повторов всех других уровней тем, что в морфологическом повторе могут повторяться не лексемы, а грамматические формы именных,

глагольных лексем, а также лексем других самостоятельных частей речи.

11. Повтор синтаксического уровня отличается от повторов других уровней языка. Это объясняется тем, что повтор синтаксического уровня – это повторы структурных схем (моделей) синтаксических единиц разных грамматических категорий. На основе характера собранных нами фактического материала, мы определяем следующие группы повтора синтаксического уровня в узбекском и английском языках.

12. Бывают и повторы, которые под влиянием закона экономии языковых единиц, не имеют звуковых выражений, т.е. фонетического оформления и напоминают явление эллипсиса. Немаркированные повторы—эти повторы нулевой позиции, что соответствует требованиям литературной норме узбекского и английского языков. Немаркированные повторы всегда сопровождаются с маркированными коррелятами синтаксической конструкции любого характера: без маркированных коррелятов не могут функционировать немаркированные повторы. Повторы такого характера называются семантическими повторами, и они чаще всего встречаются в предложениях-пословицах (и поговорках) в узбекском и английском языках.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Научная литература

1. Абдурахмонов, Х. Ўзбек халқ оғзаки ижоди асарларининг синтактик хусусиятлари бўйича кузатишлар./ Х. Абдурахмонов. - Ташкент: Фан, 1971. – 184 с.
2. Абдурахмонов, Ғ. Ҳозирги ўзбек тилида қўшма гаплар. / Ғ.Абдурахмонов. - Ташкент: Фан, 1960. – 204 с.
3. Абдурахмонов, Ғ. Қўшма гап синтаксиси асослари. / Ғ. Абдурахмонов. - Тошкент: Фан, 1958. – 675 с.
4. Абдуллаева, С.Н. Наречия времени в современном английском и узбекском языках: автореф. дис... канд. филол. наук: / С.Н. Абдуллаева. - Фрунзе, 1974.- 22 с.
5. Абдуллаев А.Б. Актуальное членение и текст. / А.Б. Абдуллаев. - Издательство Университета Хазар. Баку, - 1998. – 344 с.
6. Абдурахманов, Ш. Предложно-именные словосочетания в английском языке и их соответствия в узбекском языке: автореф. дис... канд. филол. наук: / Ш. Абдурахманов. - М., 1972.- 20 с.
7. Аганина, Р.А. Повторы в однокоренные парные сочетания в современном турецком языке / Р.А. Аганина. – М.: Восточная литература, 1959. – 73 с.
8. Агишева, Х.Г. Синтаксические сочетания однокоренных слов в русском и татарском языках: автореф. дис... канд. филол. наук: / Х.Г. Агишева. - Казань, 1970. – 22 с.
9. Аглаев, Ю.Типологические принципы составления двуязычного учебного словаря служебных слов. На материале англо-узбекского словаря предлогов: автореф. дис... канд. филол. наук: / Ю. Аглаев - М., 1978. – 20 с.
10. Агрикола, Э. Микро – медио - и макроструктура как содержательная основа словаря // Э. Агрикола. Вопр. языкознания. 1984. Вып. 2.С. 72–82.
11. Адилов, М.И. Система повторов в азербайджанском языке: автореф. дис.. д-ра. филол. наук. / М.И. Адилов. - Баку, 1968. – 26с.

12. Адмони, В.Г. Синтаксис современного немецкого языка / В.Г. Адмони. - М.: Изд-во лит - ры на иностр. языках, 1955. – 392 с.
13. Адмони, В.Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка / В.Г. Адмони. – Л: Наука, 1979. – С. 354
14. Адылова, М.И. Синтактико-конструктивные повторы в азербайджанском языке /М.И. Адылова / Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. - Баку, 1972. – 246 с.
15. Азизов, О. Тилларни қиёсий ўрганиш масалаларига оид туркий тиллар тараққиёти муаммолари. / О. Азизов –Ташкент, 1995. – 206 с.
16. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г.Н. Акимова. - М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.
17. Алифходжаев, А.А. Конфронтативное исследование пассива современного немецкого языка и его передачи на узбекский язык: автореф. дис... канд. филол. наук: / А.А. Алифходжаев - Лейпциг, 1976.- 20с.
18. Амиров, Р.С. Особенности синтаксиса казахской разговорной речи / Р. Амиров. - Алма-Ата, 1972. - 180с.
19. Амиров, Р.С. Способы актуального членения в казахском языке / Р.С. Амиров. – СГ, Баку, 1970, № 6, с. 56-64.
20. Амиров Р.С. Советская тюркология./ Р.С. Амиров. - 1970,- № 1. - С. 362.
21. Андреев, И.А. Структура простого предложения современного чувашского языка: автореф. дисс. д-ра филол. наук: / И.А. Андреев. - М., 1970.- 16 с.
22. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. / В.Д. Аракин. – Л.: Просвещение, 1979. – 232с.
23. Арнольд, И.В. Стилистика английского языка/ И.В. Арнольд. – Л: Просвещение, 1978. – 298 с.
24. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. - Л: Просвещение, 1973. – 295 с.

25. Аскарлов, М.А. Ҳозирги ўзбек тилида кўшма гаплар. / М.А. Аскарлов. Тошкент: Фан, 1960. – 197 с.
26. Астафьева, И.М. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование: автореф. дис... канд. филол. наук:/ И.М. Астафьева. – М., 1962. - 20 с.
27. Аташев, С.М. Kazirgi kхazakх tilindegi soilemnin aktualdy musxelenui. автореф. дис.канд.филол.наук., / С.М. Аташев.- Алматы., 1995. - 26 с.
28. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова.- М.: «Советская энциклопедия», 1969. - 608с.
29. Ахмедов, А. Ўзбек тилида гапнинг коммуникатив турлари. / А. Ахмедов. - Ташкент: Фан, 1979. – 170 с.
30. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка: / Ш. Балли; пер с франц. – М., 1955. – 416 с.
31. Баскаков, Н.А. Тюркские языки / Н.А. Баскаков. - М.: Издательство восточной литературы, 1960. — 248 с.
32. Батманов, И. А. Русские тюркологи и узбекское языкознание / И. А. Батманов. - Фан, 1979. – 216 с.
33. Беляева, В.А. Хомякова Нестандартная лексика английского языка / В.А. Беляева, Хомякова. - Л: Изд-во. Ленингр. ун-та, 1985. – 136 с.
34. Бернштейн, С.И. Большая советская энциклопедия: / С.И. Бернштейн. - М.: 1892. - 456 с.
35. Бердиалиева, Д.А. Сочинительная связь, повтор и синонимия // Д.А. Бердиалиева Актуальные проблемы подготовки кадров XXI века: Материалы междунар. науч. конф. – Бишкек, 1999. – С. 46-49.
36. Бердиалиев, А. Ўзбек тили эргаш гапли кўшма гапларида семантик – сигнификатив парадигматика/А. Бердиалиев. - Тошкент: Фан, 1988.– 240 с.
37. Бодуэн де Куртенэ, И.А. О смешанном характере всех языков / И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. –М., 1963. –371 с.

38. Бозоров, Д. Синергетика парадигмацининг фалсафий – методологик тахлили: автореф. дис... канд. филол. наук: / Д. Бозоров – Ташкент, 1976. - 18 с.
39. Бочанов, К.Б. О повторяемости слов и лексическая синонимия Брэджа Б. Качру, Дэвид Кристал / К.Б. Бочанов. - Иркутск, 1965. – 186 с.
40. Брэджа Б. Качру, Дэвид Кристал Английской язык как глобальный./ Брэджа Б. Качру, Дэвид Кристал – М., 2001. – 240 с.
41. Будагов, Р.А. Язык—реальность—язык. / Р.А. Будагов. - М.: Наука, 1983. – 206 с.
42. Буранов, Дж. Сопоставительная грамматика английского и узбекского языков. Теоретический курс / Дж Буранов. - Ташкент, 1973. – 216 с.
43. Вайль, П. «Родная речь. Советское барокко. 60-е. Мир советского человека. В 2 томах. Том 1 (сборник)»/ П.А. Вайль У- Фактория, 2004. - 256 с.
44. Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес - М., 1937. – 410 с.
45. Ванников, Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи / Ю.В. Ванников – М., 1979. – 294 с.
46. Васильевская, Е.А. Словоупотребление в русском языке / Е.А. Васильевская – М.: Учпедгиз, 1962. – 105 с.
47. Виноградов, В.В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка. / В.В. Виноградов // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М.: АН. СССР, 1953. - Т. III.- 378 с.
48. Гак, В.Г. Сопоставительное изучение языков и лингвистическая типология / В.Г. Гак // Русский язык за рубежом. – 1974. - №3. - 262 с.
49. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. М.: Изд-во лит - ры на иностр. яз, 1958. – 459 с.
50. Герман, И.А., Саирский Я.И. Введение в лингвосинергетику / И.А. Герман, Я.И. Саирский. – Барнаул, 1999. – 234 с.

51. Герцновенберг, Л., Юсуфджанова Ж.М. О методе сопоставительного изучения языков / Л. Герцновенберг, Ж.М. Юсуфджанова // Теория языка. Англистика. Кельтология. – М.: Наука, 1976. – 346 с.
52. Гуляева Э.А. О некоторых особенностях экспрессивного синтаксиса. По мат. Романа Эрве Базена “Viregauröing”|| Экспрессивный синтаксис и анализ художественного текста: Об. науч. трудов.- Смоленск: СГПУ, 1991.- С. 39-45.
53. Данеш, Ф., Гаузенблас К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств. — Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие./ Ф. Данеш, К. Гаузенблас. - М., 1969. – 331 с.
54. Джалолов, Д.Д. Постановка английского произношения в узбекской школе: автореф. дис. канд. пед. наук: / Д.Д. Джалолов – М., 1972. – 24 с.
55. Дикенман, Е. «Античные теории языка и стиля» / Е. Дикенман. - М.Л., 1936. - 344 с.
56. Димитриев, Н.К. Строй тюркских языков / Н.К. Димитриев. - Изд-во восточной лит-ры, 1962. - 606 с.
57. Доблева, Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания./ Л.П. Доблева М.: Просвещение, 1982. - 176 с.
58. Дресслер, В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. / В. Дресслер. - М.: Прогресс, 1978. – с. - Вып. VIII: Лингвистика текста. - С. 111-137.
59. Дудников, А.В. Современный русский язык. / А.В. Дудников – М.: Высшая школа, 1990. – 424 с.
60. Егорова, В.Г. Слова-повторы как показатели формальных грамматических категорий в ряде языков мира. / В. Г. Егорова // Ученые записки научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1965. - Вып. 28.- С.20-32
61. Земская, Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения/ Е.А. Земская. – М.: Русский язык, 1979. –174с.

62. Зикрияев, Ф.К. Структурно-семантические особенности таджикского паратаксиста / Ф.К. Зикрияев. – Душанбе: Дониш, 1986. – 189 с.
63. Зиядуллаева, Д.М. Принципы составления англо-узбекских словарей: автореф. дис. канд. филол. наук: /Д.М. Зиядуллаева - Ташкент, 1981. –22 с.
64. Золотова, Г.А. Синтаксис текста: монография / Г.А. Золотова. - М.: Наука, 1979. –190 с.
65. Зуфарова, Н.З. Степени сравнения сравнительные конструкции в современном английском и узбекском языках: автореф. дис. канд. филол. наук: (10.02.04) / Н.З. Зуфарова - Ташкент, 1971. – 26 с.
66. Ибрагимова, Х.К. // Большая советская энциклопедия — М.: Советская энциклопедия. 1969. - 459 с.
67. Иванов, С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка / С.Н. Иванов – Л.: Ленингр. ун-т, 1969. – 150 с.
68. Иванова, И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
69. Иванчиков, Е.А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения / Е.А. Иванчиков // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – 139 с.
70. Изетов, Э.С. Периодик нутқ кўринишлари. Ўзбек тилидан махсус курс/ Э.С. Изетов. - Фарғона, 1990. – 198 с.
71. Ирискулов, М.Т. Анализ системы личных, притяжательных и возвратных местоимений современного английского языка в сопоставлении с узбекскими местоимениями: автореф. дис. канд. филол. наук: / М.Т. Ирискулов – М., 1970. – 22 с.
72. Исмоилов, Ш., Каххоров, М. Оид ба таълими калимаҳои тақлидӣ / Ш.Исмоилов, М. Каххоров \\ Мактаби советӣ, №6, 1986. - С.27.
73. Каримова, Н.Р. Связочные глаголы английского языка и их соответствия в узбекском языке: автореф. дис. канд. филол. наук:/ Н.Р. Каримова - М., 1970. – 24 с.

74. Каримова, Н.Р. Логико-грамматическое членение простого предложения современного узбекского языка в сопоставлении с английским: автореф. дис. канд. филол. наук: /Н. Р. Каримова - М., 1981. – 26 с.
75. Касаткин, Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант; под ред. П.А.Леканта. – М.: Высшая школа, 1991. – 386 с.
76. Карцевск, О.С. Из лингвистического наследия Т. II / О.С. Карцевск М.: Языки славянской культуры, 2004 - 297 с.
77. Карцевский, С О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака 1929 г.; перев. на русск. яз. (статье) – 1965. - С. 45-48
78. Квиквидзе, Л.Н. Повторы и их стилистические функции в публичных выступлениях В.И.Ленина.1917-1919 г./Л.Н. Квиквидзе. - Тбилиси, 1972. – 148 с.
79. Ковтунова, И.И. Поэтический синтаксис. / И.И. Ковтунова. – М.: Наука, 1986. – 208 с.
80. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. - М.: Наука, 1980. –152 с.
81. Кононов, А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. / А.Н. Кононов - М.; Л.: Наука, 1980. – 434 с.
82. Кукушкина, Е.Ю. Лексика православной веры в северорусских свадебных причитаниях /Е.Ю. Кукушкина // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сборник докладов. Т. 3. – М., 2006. – С. 153-160.
83. Курбатов, Х.Р. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика / Х.Р. Курбатов - М.: Наука, 1978. – 230 с.
84. Крылов, Н.И. «Огненный бастмор» / Н.И. Крылов – М.: Воениздат, 1973.-416 с.
85. Летучев, В.П. Сложноподчиненное предложение с ЛСП как прием экспрессивного синтаксиса / В.П. Летучев // Экспрессивный синтаксис и

- анализ художественного текста: Сб. научных трудов. Смоленск: СГПИ, 1991.- С.9-15
86. Лосева, Л.Н. Как строится текст/Л.Н. Лосева – М.: Просвещение, 1980. – 96 с.
87. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман.- М.: Искусство, 1970. - 384 с.
88. Майзель, С.С. Изафет в турецком языке / С.С. Майзель. – М.; Л: АН СССР, 1967. – 147 с.
89. Максумов, А.Г Артикуляционные, акустические, перцептивные и фонологические характеристики английских носовых сонантов в сопоставлении с узбекским. автореф. дис. канд. филол. наук: / А.Г. Максумов – М., 1972 – 27 с.
90. Мамаджонов, А., Махмудов У. Услужий воситалар / А. Мамаджонов, У. Махмудов. – Фарғона, 1996. - 147 с.
91. Мамаджонов, А. Қўшма гап стилистикаси. / А. Мамаджонов. - Ташкент: Фан, 1990. – 189 с.
92. Махмудов, У. Ўзбек тилидаги содда гапда семантик-синтактик асимметрия. / У. Махмудов. - Тошкент: Фан, 1984. – 204 с.
93. Махмудов, Н.М. Проблемы синтаксиса и семантики в работах узбекского языка: автореф. дис. д-ра филол. наук / Н.М. Махмудов. Ташкент, 1984. - 26 с.
94. Махмудов, Н.М. Семантико-синтаксическая асимметрия в простом предложении узбекского языка: автореф. дис. д-ра филол. наук / Н.М. Махмудов. Ташкент, 1984. - 45 с.
95. Мещанинов, И.И. Общее языкознание: к проблеме стадильности в развитии слова и предложения / И.И. Мещанинов. – Ленинград: УЧПЕДГИЗ , 1940. – 260 с.
96. Морен М.К., Тетеревников Н.Н. Стилистика современного французского языка. Stylistique Francaise. / М.К. Морен, Н.Н. Тетеревников. М.: Высшая школа, 1970. - 262 с.

97. Москальская, О.И. Грамматика текста. / О.И. Москальская. М.: Высш. шк., 1981. - 184 с.
98. Музафарова, Д.Ш. "Редупликативные слова в таджикском и английском языках (сопоставительный анализ)" Дис. канд. филол. наук. (10.02.20.) / Д.Ш. Музафарова – Душанбе, 2016 - 168 с.
99. Мусаева, В.Д. Атрибутивные словосочетания со значением индивидуальной принадлежности в разносистемных языках на материале английского и узбекского языков. автореф. дис. канд. филол. наук. / В.Д. Мусаева - Ташкент, 1978 - 24 с.
100. Мусаев, К. Стилистические вопросы художественного перевода с английского языка на узбекский традиционные числительные и фразеологизмы. автореф. дис. канд. филол. наук./ К. Мусаев - Самарканд, 1967. – 24 с.
101. Николаева, Т.М. Непарадигматическая лингвистика (История «Блуждающих частиц»). Серия «STUDIA PHILOLOGICA» М.: языки славянских культур, 2008. - 375 с.
102. Новиков, Н.С. Повтор, вариативность, контраст и семантическая организация текста. К обоснованию интегративного подхода как принципа лингвистического описания / Н.С. Новиков// Филологические науки, 1997, №4, С. 76-84
103. Нурмонов, А.Н. Проблемы системного исследования синтаксиса узбекского языка. / А.Н. Нурмонов. - Тошкент: Фан, 1982. – 246 с.
104. Охунов, О. О. Английские союзы, союзные слова и их соответствия в узбекском языке. - Автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.20./ О.О. Охунов - Ташкент, 1973.- 26 с.
105. Павловская, Ж.С. Прагматический статус повтора в диалогическом тексте современного французского языка. Автореф. .дис. канд. филол. наук / Павловская Ж. С. Минск, 1990. – 24 с.

106. Парпиев, А.П. Методика обучения английским модальным глаголам и их эквивалентам во взрослой аудитории с узбекским родным языком. Дис. канд. пед. науки/А.П. Парпиев. - Ташкент, 1975. – 173 с.
107. Поливанов, Е.Д. Опыт частной методики преподавателя русского языка / Е.Д. Поливанов, - Ч.1. Ташкент - Самарканд, 1935. – 333 с.
108. Поливанов, Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык./ Е.Д. Поливанов. – Ташкент, 1933. –194 с.
109. Петрова, Е.Н. Повтор в английском диалогическом тексте: ономазиологический аспект речеподражания. автореф. дис. канд. филол. наук (10.02.04) / Петрова Е. Н. Иркутск, ИГПИИЯ, 1996. – 21 с.
110. Потоцкий, Н.П. Стилистика современного французского языка./ Н.П. Потоцкий. – М.: Высшая школа, 1974. – 184 с.
111. Расулова, М.И. Способы выражения категории уменьшительности в узбекском и английском языках: диссертация... канд. филол. наук:(10.02.02)/М.И. Расулова. - Ташкент, 1981. - 167 с.
112. Реформатский, А. А. Введение в языковедение./ А.А. Реформатский. – М.: Просвещение, 1967. – 536 с.
113. Ризель, Э.Г. Стиль немецкой обиходно-разговорной речи. / Э. Г. Ризель - М. Высшая школа 1964. - 315 с.
114. Розенталь, Д. Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 399 с.
115. Рождественский, Ю.В., Блинов А.В. Введение в языкознание / Ю.В. Рождественский, А.В. Блинов. – М.: 2005. – 336 с.
116. Русская грамматика. 11 том.. Синтаксис. – М.: «Наука», 1980. –С.222
117. Русская разговорная речь. – М., 1973. –С. 365-380
118. Саидов, Р. Баъзе шаклҳои тавтологӣ дар забони тоҷикӣ / автореф. дис. канд. филол. наук. / Р.Саидов \\ Мактаби советӣ. -№1, 1975. - 26. с.

119. Саидов, Ю. Личные формы глагола, выражающие нереальность в современном узбекском и английском языках./ Ю. Саидов Ташкент, 1971. - 26 с.
120. Салимова, Т.Т. Атрибутивно-субстантивные словосочетания, образованные по моделям «существительное + существительное» и «прилагательное + существительное» в языках разных систем, автореф. дис. канд. филол. наук. / Т.Т. Салимова. - Ташкент, 1980. – 26 с.
121. Сафиуллина, Ф.С. Синтаксис разговорной речи. / Ф.С. Сафиуллина. - Казань: Изд-во Университета, 1978. – 195 с.
122. Сафиуллина, Ф.С. Синтаксис татарской разговорной речи. / Ф.С. Сафиуллина. - Казань: КГУ 1978. – 256 с.
123. Сковородников, А.П. Об одном виде повторной номинации со стилистической значимостью / А.П. Сковородников // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – 183с.
124. Скребнев, Ю. М. Основы стилистики английского языка / Ю. М. Скребнев. - М.: Астрель, 2003. – 221с.
125. Слюсарева, Н.А., Березен Ф.М., Трошина Н.Н. (ред) Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. / Н.А. Слюсарева, Ф.М. Березен – М.: Наука, 1982. С. 84- 89
126. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое) / Г.Я Солганик. - М.: Высшая школа, 1973. – 214 с.
127. Таджиева, Д. Таджикский язык / Д. Таджиева Душанбе: Маориф, 1983. - 159 с.
128. Тайметов, К.С. Исследования по типологии структур консонантных сочетаний // на материале японского, узбекского, английского, русского и других языков. автореф. дис. канд. филол. наук./ К.С. Тайметов.- Ташкент, 1969. - 18 с.
129. Турсунов, Р.У. Сослагательное наклонение в типологически разносистемных языках. автореф. дис. канд. филол. наук. / Р.У. Турсунов. - Ташкент, 1974.- 24 с.

130. Турсунова, Ф.Р. Структурно - семантический анализ звукоподражательных слов в английском и таджикском языках. Автореф. дисс. канд. филол. наук. (10.02.20)/ Ф.Р. Турсунова – Душанбе, 2013. – 28 с.
131. Тухсонов, М. Микротекст и система средств выражения его когерентности в узбекской художественной речи. автореф. канд. дисс./ М. Тухсонов. - Ташкент, 1987. – 20 с.
132. Тынянов, Ю.Н. Проблема стихотворного языка. / Ю. Н. Тынянов Статьи. 1965, - С.152-154
133. Убрятова, Е.И. Усилительное повторение основы слов в форме зависимого от нее члена предложения в якутском языке /Е.И. Убрятова // Тюркологические исследования. – М.;Л., 1963. – 245 с.
134. Уринбаев, Б.Л. Синтаксический строй узбекской разговорной речи / Б. Л. Уринбаев. – Ташкент: Фан Узбекская ССР, 1978. -144 с.
135. Устина, Н.В. Текст образующая функция субстантивных повторов. Дис. канд. филол. наук / Устина Наталья Викторовна, Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1993.- 185с.
136. Фердинанд де Соссюр Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр М.: Прогресс 1977. – 696 с.
137. Формановской, Н.И. «Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты»/ Н.И. Формановской - М.: «Русский язык»,1982. – 102 с.
138. Фридберг, Л.М., Структурно-синтаксические элементы авторской обработки языка в вопроса-ответных стыках диалога драматического произведения (на материале пьесы Б. Шоу «Майор Барбара» Вопросы романно-германской филологии. / Л.М. Фридберг –Ташкент: Фан, 1967. – С. 109-110
139. Фридман, Л.Г. Фридман Л.Г. Грамматические проблемы лингвистики текста / Л.Г. Фридман. - Изд. Ростовского университета, 1994. - 162 с.

140. Халидей, М.А.К. Language, Context and Text: Aspects of Language in a social – semiotic perspective / М.А.К. Халидей, R. Hassan – Oxford: Oxford Univ. Pr., 1989. – P. 51-118.
141. Хейдольф, К. Enriched isotopic composition of the NW Central American volcanic arc: Crustal contamination or a sediment slab melts? / Хейдольф К. Article Aug 2006. – P. 41 -56.
142. Херрис, З. С. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в лингвистике. / З.С. Херрис М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. - 209 с.
143. Хованская, З.И., Дмитриева Л.Л. Стилистика французского языка / З.И. Хованская, Л.Л. Дмитриева Автор: Издательство: Высшая школа: 2004. – 415 с.
144. Хожиев, А. Ҳозирги ўзбек тилида форма ясалиши. / А. Хожиев. – Ташкент: Ўқитувчи, 1979. – 208 с.
145. Чалилов, Х. Ибораҳои тавтологӣ дар забони тоҷикӣ / Х, Чалилов.- \\ Мактаби советӣ. -№10, 1964. -С. 20.
146. Шведова, Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. - М., (докторской диссертации) 1960. С. 280-362
147. Шмелев, Н.Д. Об асимметричном параллелизме в поэтической речи / Н.Д. Шмелев // журнал «Русский язык в школе», 1970, № 5 - С. 44-46
148. Шукурова, М. Об семантических особенностях повторных слов в таджикском языке / М. Шукурова // Таджикская лексикология. – Душанбе: Дониш, 1976. – С. 71-76. (на тадж. языке)
149. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность. / Л.В. Щерба. - Л., 1974. – 432 с.
150. Юдахин, Н.К. Общественные науки в СССР.:/ Н.К. Юдахин Языкознание АН СССР, ИНИОН., 1974 - 312 с.
151. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь./ В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.

II. Источники иллюстративного материала

152. Абуков, К. Я виноват, Марьям (сборник) - Советская Россия, 1978. - 344 с.
153. Бекмухаммад, А. "Шеъррий тўплам" - Тошкент, 1990. - 144 с.
154. Белинский, В.Г. Литературные мечтания (Элегия в прозе) - Стрельбицкого, 2012. -75 с.
155. Бобожонов, Р.Н. "Сайланма: Шеърлар ва дostonлар" / Ш у х р а т тарж.— Т.: Адаб. ва санъат нашр., 1979.— 74 б.—20 т., 10 000 экз.— [80-309].
156. Бойчечак.Ташкент, 1984. - 146 с.
157. Вохидов, Э. «Шеърлар тўплами» - Ташкент, 1976. – 246 с.
158. Генри, Лонгфелло "The Song of Hiawatha", «Песне о Гайавате» - Текст, 2009. – 432 с.
159. Гулямов, А.Г. «Вoг eкaн-da, yо‘q eкaн...» («Жил да был...») - Ташкент, 1988. – 222 с.
160. Гулноза, Мўминова "Чиғаноқ" - Ташкент, 2001. – 88 с.
161. Ғулом, Ғ. Шеърлар. 1954-1966 /Масъул муҳаррир: С. Эркинов. Ташкент, 1984. -528 с.
162. Димент, А.Л. Short stories - Москва «Просвещение», 1976. – 143с.
163. Дониёров, Х. Ўз тарихимизни биламизми? "Ўзбек сўзининг келиб чиқиши ва кўлланиши хақида // газ.
164. Зафар, Диёр «Шеърлар» - Тошкент, 1939. – 186 с.
165. Лебедев-Кумач В. И. Стихи «Песня о Родине». 1935.
166. Лежнев, А. Проза Пушкина. / А. Лежнев. – М., 1966. – 262 с.
167. Ленин йўли. - Самарқанд, №114 (18.476) 1990. – 222 с.
168. Лойиқ Шерали «Ишк» [Худож. О. Галицкая]. - Ташкент: Ёш гвардия, 1983. - 63 с.
169. Мандельштам О.Э. Сборники «Камень» - Ленинград, 1990. – 417 с.

170. Муслима Ўлмасзода “Саман минган санамман” – Худжанд, 2017. - 64 с.
171. Муҳаммад, Расул “Шеърият” 1975. – 188 с.
172. Пушкин, А. «Храни меня, мой талисман...» М., 1828. – 230 с.
173. Рахима Ражаба Сомғорий “Шеърлар тўплами” 1981. – 122 с.
174. Симонова, К. «Жди меня» — М., 1941. – 286 с.
175. Сувонкулова, Х. Ўзбек халқ мақоллари - Адабиёт учқунлари, 2014 – 152 с.
176. Томас, Гуд (Thomas Hood) “Selected poems” - Harvard University Press, 1970 – 407 с.
177. Умриддинов, Ф. “Шеърий тўплам” - Ташкент, 2002. – 166 с.
178. Уильям Шекспир. «Сонеты» -Харвест, 2011. – 512 с.
179. Уйғун «Қуёш ўлкаси» - Ташкент, 1936. – 126 с.
180. Хамдамов, Бобомурод “Орзули дунё” – Ташкент, 2010. – 288 с.
181. Эргаш, Жуманбулбул угли. «Далли» / Эргаш Жуманбулбул угли - Ташкент: ЎзФан нашриёти, 1942. – 188 с.
182. Abrahams, P. “The Path of Thunder” - David Philip, 1984 262 p.
183. Byron, L. Selected Poems – М., 2006, - 202 p.
184. Copard, A.E. The collected tales – М., 1951. –532 p.
185. Dickens, Ch. – The Adventures of Oliver Twist – М., 1873, - 88 p.
186. Dickens, Ch. Black House – М., 1853. –956 p.
187. English Tongue Twisters – М., 1996. – 268 p.
188. Galsworthy, J. “One More River. The Third Book of the Third Trilogy” Amazon Digital Services LLC-Kdp Print Us. 2017 250 p.
189. Garde – Tamine J. La stylistique / J. Garde – Tamine. P., Cursus, 1992.-p. 22-30.
190. Gronin, A.J. “The stores Look Down” / A. J. Gronin – М., 1935. – 168 p.
191. Mark, Twain «The Prince and the pauper» - Москва, 2005. - 334 p.
192. Moor, Th., “Those Evening Bells” - М., 1779. – 78 p.
193. Murdoch, I. “Under the net” - Vintage books, 2002. – 290 p.

194. Robert, Burns (Бернса Роберт) «Стихи английских поэтов» для учащихся средних и старших классов – Москва:, Бином-Пресс, 2006 – 284 р.
195. Theodore, Dreiser “Sister Carrie” – Moscow, 1968 - 593 p.
196. Viscount Cranborne: Speech on international Relations in Post-War Time to the House of Lords, M., 1943. - 148 p.
197. Wilde, O. –The Picture of Dorian Gray Magnum Books. – Retrieved, 2011 - 126 p.
198. Whitman, W. “Beat! Beat! Drums” - M., 1861. – 64 p.

Список сокращений

1. **Nadj+N.** – прилагательное+существительное
2. **Nsubs.** –существительное-существительное
3. **S+N.** – глагол –имени
4. **S+Nn.** –глагол+существительное
5. **Nadj+S.** – прилагательное - существительное
6. **Nsub+Nnum.** – существительное - числительное
7. **Nn+Sadj.** – существительное – прилагательное
8. **Npron+Spronon.** – местоимение –местоимение
9. **Nadj+Npronon.** – прилагательное - местоимение
10. **Nsub+Npron.** – существительное – местоимение
11. **СП.** – сложное - предложение
12. **СПП.** – сложноподчиненное предложение
13. **Пр.ч.+Гл.ч.** – придаточная часть – главная часть
14. **Гл+Пр.** – главная ч. – придаточная ч.
15. **Nn+Npronon.** – существительное - местоимение
16. **S(N)+P(V)** – субъект – предикат
17. **и т.д.** – и так далее
18. **и др.** – и другие